

63.529(2Рос-6Хан)
К 57

Ольга Корниенко

**УХОДЯЩАЯ
НАТУРА**

ЧТО ОСТАЛОСЬ ЗА КАДРОМ

Листок срока возврата книг

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**
указанного здесь срока

--	--

63.529(2Рос - 6Хан)
К67

Ольга Корниенко

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

что осталось за кадром

Памяти Юрия Вэллы –
оленовода, поэта,
общественного деятеля
посвящается...

МБУ «Централизованная
библиотечная система»

Инв № 89740/2-21

ООО «ИЗДАТ-ПРИНТ»
г. Воронеж
2016

089740002

Автор выражает глубокую признательность за финансовую и духовную поддержку издания депутатам Думы Ханты-Мансийского автономного округа-Югры:

Надежде Геннадьевне Алексеевой,
Еремею Даниловичу Айпину,
Александру Васильевичу Филипенко,
Анатолию Степановичу Вацу;
а также главе города Мегиона
Олегу Александровичу Дейнеке
и директору муниципального бюджетного учреждения
«Централизованная библиотечная система» города Мегиона
Татьяне Владимировне Котляровой.

Автор благодарит всех, кто помогал в создании этой книги, безвозмездно передав в дар фотографии и ценные документы, без которых история, изложенная здесь, была бы неполной.

Фото на обложке: Мартин Вагнер.

Корниенко О.Г.

К 67 Уходящая натура: что осталось за кадром / Ольга Корниенко ; худож. М. Г. Мунтян. – Воронеж : ООО «ИЗДАТ-ПРИНТ», 2017. – 300 с. : цв. ил.

ISBN 978–5–9909358–6–0

В книгу вошли сценарии, зарисовки, интервью, репортажи, очерки, дневниковые заметки, охватывающие значительный период современной жизни коренной Югры. В последние два десятилетия, в связи с активным нефтяным освоением края, жизнь ханты и манси претерпела существенные изменения, прежней жизни больше нет и не будет. Именно эти изменения и старалась зафиксировать где на плёнке, а где на бумаге сургутский режиссёр документального кино Ольга Корниенко. Она не уходит от острых вопросов, не боится давать собственных оценок происходившему и происходящему ныне. Это и история отношений государства с малыми народами, и истории отдельных людей и родов....

Многие из героев книги, люди с сильными характерами, неординарные и неравнодушные, и поныне живут на просторах Югры.

Для широкого круга читателей.

УДК 316.3 (571.122)(0:82)
ББК 63.529(2Рос-6Хан)

ISBN 978–5–9909358–6–0

© О.Г. Корниенко, 2016
© М.Г. Мунтян (рисунки), 2016
© Т.В. Чиркова (обложка, оригинал-макет), 2016

Книга, которую Вы держите в руках, – удивительное явление. Мы не будем стараться определить для неё жанр, потому что это невозможно: она не подчиняется каким-либо границам, а, как нарочно, их нарушает. Книга читается и как роман, и как цепочка новелл, тесно связанных между собой. Иногда герои те же самые, иногда меняются, но мир, в котором они живут, остаётся...

Документы, сценарии, интервью, отрывки литературных произведений, в конечном счёте, сливаются в единое целое и создают неповторимый мир тайги, скрытый для постороннего глаза.

Книга, безусловно, документальна. Она в доступной форме передаёт любопытному читателю очень необычную информацию. Сегодня много говорится о добыче нефти и газа в России, и это вполне понятно: на них опирается державная сила государства. Намного меньше информации мы получаем о других богатствах, теряющихся в шумной эйфории нефтедобычи: это культурные, духовные, человеческие качества людей, которые могли бы показывать миру реальный путь к природопользованию XXI-го века. Ольга Корниенко, основываясь на своём опыте киноэкспедиций по Ханты-Мансийскому округу и общении с его коренными обитателями, показывает нам другую сторону медали, и, главное, предоставляет слово самому коренному жителю, который вынужден в одиночку справляться с гигантами нефтяной промышленности.

Эту документальность, эту богатейшую информативную сторону, которую никак нельзя игнорировать, балансирует эпический принцип, который осуществляется по всей книге. Книга Корниенко имеет своих героев и героинь. Есть коллективный герой – сообщество коренных северных народов, но есть также индивидуальные герои. Как у настоящих героев традиционных эпосов, у них есть свои цели, свои поступки, свои сражения и свои потери – часто они оканчиваются не славной победой, а, скорее, смертью самого героя. Иногда эти герои подобны настоящим богатырям, как Иосиф Антонович Сопочин, Сергей Васильевич Кечимов или Александр Айпин, иногда это простые люди, подвиг которых заключается всего лишь в том, что они прошли тяжести интерната, или поехали за оленями на Ямал... Их эпос написан не до конца, но труды наших героев достойны славным завершением. Хочется надеяться, последствия их героических поступков станут ясными много позже, после их смерти, ведь, вопреки всему, жизнь продолжается, жизнь их внуков и правнуков... Будут ли их наследники способны выжить и продолжить дело отцов?

Герои Корниенко, без исключения, живут ради будущего: у них есть видение, как надо жить на суровой земле Севера сегодня и в следующих поколениях, тогда, когда нефть закончится, и надо будет лечить смертельно раненую землю.

Ольга Корниенко стала глубоким знатоком культуры и духовной жизни аборигенов Севера, не читая мудрых книг, а посредством собственного опыта, пользуясь языком

В одном ряду с эпосом

антропологов, – полевыми работами. Мне повезло быть близким свидетелем пути Ольги Корниенко к осваиванию навыков настоящего режиссёра документальных фильмов, которые сегодня выдерживают конкуренцию мирового уровня. Я помню, когда ещё будучи корреспондентом сургутского телевидения, она отправлялась в «поле» с тяжёлой техникой и во главе съёмочной группы. Помню длинные разговоры в её сургутской квартире, в которых поощряла её самой взять в руки камеру, быть подвижной, и вообще держать судьбу своих фильмов в собственных руках. Она рискнула, результат перед зрителями и, в какой-то степени, перед читателями этой книги. Ведь именно создание фильмов позволило автору развивать знания и понимание мира коренных жителей Севера. Это было возможно также благодаря способности, которая встречается реже, чем хотелось бы, – способности слушать и передать слово. На первый взгляд, для любого корреспондента это должно быть привычным качеством, но это далеко не так. Сегодня журналисты слушают, скорее, для того, чтобы воспользоваться чем-то в смонтированном материале, поддерживая, таким образом, своё собственное мнение. Ольга Корниенко – не сомневаюсь, с помощью и при поддержке Юрия Вэллы – годами приобрела способность по-настоящему глубоко слушать, и, таким образом, её фильмы третьего тысячелетия резко отличаются по духу от её первых телевизионных попыток. Как наблюдатель, она может стимулировать действие просто присутствием камеры, стараясь не мешать реальному ходу жизни. Таким образом, слово, которое она нам передаёт, является чистым и спонтанным. Это значимый и даже редкий случай. Исторически так сложилось, что коренные народы, по крайней мере до конца XX-го века, – немые народы. Их история написана не ими самими, а теми, кто их покорил. Из-за отсутствия письменной культуры и из-за доминирующей в аборигенной среде культуры молчания, понимание об их прошлом и настоящем формировали другие. Слово самих народов, таким образом, является особенно ценным, и мы получаем его как посредством фильмов Ольги Корниенко, так и благодаря этому благородному проекту. Спасибо ей!

Другой центральный выбор Ольги Корниенко – это рефлексивность. Она говорит о себе, об опыте, который пропустила через себя. Здесь Север представляется нам через опыт одного конкретного человека, автора. Таким образом, Ольга Корниенко облегчает наш путь, вызывая эмпатию и самоидентификацию читателя с ней. Поступая как визуальный антрополог не только во время съёмок, Ольга Корниенко и вне фильмов применяет глубокий антропологический подход, тем самым приближаясь к работам самых серьёзных антропологов. Я очень благодарна автору, что она сумела открыть себя для читателя и позволила ему понимать, с какой точки зрения она наблюдает этот чудесный мир.

Начало книги особенно сильно. Ольга Корниенко как будто берёт своего читателя за руку и ненавязчиво подводит к правильному пути. Книга начинается с путешествия, которое стало и для неё основным, это экспедиция по Агану. Автор позволяет нам ходить по её следам и открывать мир аборигенов Севера так, как она открыла его

сама. Таким образом, мы познакомимся с одним из самых важных героев нашего романа-эпоса, Юрием Вэллой. В книге ему посвящена целая глава. Это очень необыкновенный герой. С одной стороны, он – богатырь, человек действия, который может даже порубить колёса бульдозера, чтобы защитить свою землю и семью, а с другой стороны – философ, похожий на философов древности... О нём автор говорит с глубокой и трогательной благодарностью: «Он стал частью моей жизни. Боль его души теперь уже постоянно живёт во мне. А в нём, я знаю, живёт боль его земли, его народа». Вэлле, на самом деле, посвящено в этой книге гораздо больше, чем одна глава. Часто он присутствует и в других главах, давая советы героям рассказов, помогая им своей мудростью.

Глядя на содержание книги, мы и здесь ощущаем его проникающее присутствие: «Охота на медведя», «Венгерская рапсодия», «С чего начинается родина»... Я уверена, что эта книга во многом является диалогом, который автор начала с Вэллой при его жизни, и который продолжается до сих пор.

Очень рано, в самом начале книги, автор вводит нас прямо в мир родовых угодий, в мир коренных общин. Проблема земли проникает везде и всюду. Трактую этот вопрос практически в начале книги, Корниенко создаёт оригинальный и правдивый облик аборигена, который не является только беспомощной жертвой прагматичной и жёсткой экономической государственной и местной политики, но представляется нам активным, деятельным, достойным собственной судьбы. Без понимания сложностей этого вопроса трудно понимать переживания остальных героев этого эпоса. Таким образом, через действия (экспедиция) и судьбы и поступки людей (например, Иосиф Антонович Сопочин) мы вместе с автором вошли в новый мир.

Другой герой этой книги – община. Мы познакомимся с разными общинами, но особенно с общинами, живущими на реках Тром-Аган и Юган Сургутского района. Интересно заметить, что инициаторами проектов являются в первом случае местный дальновидный коренной житель, во втором – учёные. Эти истории тоже являются эпическими, но здесь доминируют тяжёлые ноты, трагичность.

Интересны также и путевые заметки Ольги Корниенко о её зарубежных путешествиях – с участием в фестивалях или посещением местных коренных народов – в Дании, Финляндии или Эстонии, например.

Хотя эти части по своему характеру напрямую не относятся к главной теме и тональности книги, у них тоже есть своя роль: связующим звеном здесь служит рефлексивность автора, которая испытывает эти человеческие приключения и передаёт свои мысли, свои эмоции и субъективность своих собеседников, стараясь и здесь проводить параллели – об оленеводстве, об общинах, о земле... С другой стороны, учитывая, что по содержанию остальные части вызывают у читателя достаточно тяжёлые эмоции, путевые заметки автора представляют приятный и интересный эмоциональный отдых, и это тоже надо.

Ева Тулуз

**| председатель Парижского
Общества по развитию
финно-угорских исследований,
профессор Института восточных
языков и культур | Франция |**

Содержание

стр. 10 С чего начинается родина... | *Вместо предисловия* |

ГЛАВА I

ЦЕНА ВОПРОСА О ЗЕМЛЕ

стр. 14 **Немного истории**

стр. 16 По следам почтовой экспедиции

стр. 18 Путём Хозяйки Агана | *По сценарию видеофильма* |

стр. 25 Просто Ева | *Эссе* |

стр. 28 Спасибо тебе, Эстония! | *Путевые заметки* |

стр. 30 **Немного истории**

стр. 32 Неудобный Иосиф | *По сценарию видеофильма* |

стр. 43 Община «Ханто»: тринадцать лет спустя

стр. 44 Президент | *История Степана Кечимова* |

стр. 47 Я люблю Лаппи | *Путевые заметки* |

стр. 54 **Немного истории**

стр. 56 Женщина с характером | *История Раисы Тэвлиной* |

стр. 61 Борис Антонович и другие | *История Бориса Комтина* |

стр. 66 Хроники Датского королевства | *Путевые заметки* |

стр. 74 Люди общины «Яун-Ях» | *Интервью с Ольгой Балалаевой* |

стр. 88 В поисках легенды | *По сценарию видеофильма* |

стр. 94 Олени для Саввы | *История Савелия и Татьяны Самбиндаловых* |

стр. 108 Что значит быть вождём | *История Александра Айпина* |

стр. 114 Белый ягель Агана | *Интервью с Александром Айпиным* |

стр. 120 Прозрачные слёзы Нумто | *История Наташи Вылла и священного озера Нумто* |

стр. 134 Как две блондинки на Ямале кино снимали | *История Владимира Пяка* |

стр. 146 С моих слов записано верно | *История Аграфены Песиковой и священного озера Имлор* |

стр. 152 Мы, нижеподписавшиеся... | *История Сергея Кечимова* |

стр. 158 Последний монолог | *Личное* |

стр. 163 Наш человек в Белом доме | *Интервью с Надеждой Алексеевой* |

ГЛАВА II Я И ВЭЛЛА

- стр. 174** Живи долго, Большой Человек!
стр. 180 Юрина правда
стр. 184 Автобиография | Из книги «Поговори со мной» |
стр. 185 Поэт. Оленевод. Человек | *Интервью к 60-летию* |
стр. 200 «Азбука оленевода» | *Отрывки из книги* |
стр. 202 Из переулков памяти...

ГЛАВА III ЛИКИ ЮГРЫ

- стр. 208** Как родился проект «Лики Югры»
стр. 210 Как я шла к «Мастеру»
стр. 211 Мастер и Евдокия | *По сценарию видеофильма* |
стр. 219 Личная песня Сергея Васильевича Кечимова
стр. 220 Огни большого города | *История Сергея Русскина* |
стр. 226 Идеальная модель | *История Егора Кантерова* |
стр. 229 Бизнес по-хантыйски | *История Клима Кантерова* |
стр. 234 Верины надежда и любовь | *История Веры Кондратьевой и её мамы* |
стр. 241 Обычная история | *О грустном* |
стр. 242 Абсолютно счастливый | *История Фёдора Колыванова, его жены Ларисы и их старшей дочери Алёнки* |
стр. 246 Боженька «Счастье одной белочки» | *Сказка Фёдора Колыванова* |
стр. 248 Весна в Тресколье | *По сценарию видеофильма* |
стр. 254 Как мы с бабой Шурой по Германии кочевали | *Путевые заметки* |

ГЛАВА IV РЕКА ЖИЗНИ

- стр. 262** Охота на медведя | *Размышления после Медвежьих игр* |
стр. 278 Об особенностях местного этнотуризма | *По сценарию видеофильма* |
стр. 280 Венгерская рапсодия Якова Сопочина
стр. 282 Хейкки Туккила – широкой души человек, или Жизнь напоказ по-фински
стр. 285 Река Жизни | *По следам Ляминской экспедиции* |
стр. 293 Моя дорогая «Занимательная этнография»

С чего начинается родина...

Вместо предисловия

Отель «Холидей» в центре Хельсинки. Вечерет. За соседним столиком трогательно целуется уже немолодая пара.

Рядом со мной три весьма представительных финских джентльмена неторопливо и обстоятельно обсуждают, что возникло раньше: тундровое или лесное оленеводство. Смотрю в окно: там не наши огни, не наши трамваи, там – не моя страна.

Бойтесь своих желаний...

Мои родители, как и многие другие, приехали в Сургут в начале семидесятых не только за запахом тайги, но и, чего скрывать, за длинным рублём тоже. Я тогда была ещё совсем маленькой девочкой и любила наблюдать, как зимой под нашими окнами частенько оставались олени упряжки. Люди, которые приезжали на них, казались мне тогда гордыми и красивыми. Я придумывала им истории. Эти истории были не менее увлекательными, чем в фильмах про индейцев, где, гордые и красивые, они носились по прериям, отстаивая свои земли, свою независимость. Добро в этих фильмах всегда побеждало зло. В моих историях добро тоже побеждало, и там, откуда прилетали эти упряжки, в конце концов воцарялись мир и справедливость. Да и какое зло для своих героев может придумать восьмилетний ребёнок, когда мир вокруг светел и полон надежд?

Удивляли ли меня необычные животные, необычные одежды необычных людей под моими окошками? Скорее, нет. Ведь и олени упряжки, и заснеженный двухэтажный Сургут были моей родиной. Всё это воспринималось естественно. И самодельные качели во дворе, и едва приметные тропинки к Орбите – всё это было необычайно трогательным, родным и... В общем, это был мой Сургут.

Я выросла быстрее, чем город. Когда пришло время учиться, Сургут ещё оставался неказистым временным прибежищем первопроходцев, хотя здесь уже появились первые пятиэтажные дома. Но ветер по-прежнему гонял по многочисленным пустырям и деревянным тротуарам тучи песка, а деревья упорно не хотели прижиться на болотистой почве...

Вдали же существовало множество других городов, больших, сверкающих огнями рекламы, с огромными кинотеатрами, бассейнами, ипподромами и прочими необходимыми, на мой тогдашний взгляд, для современной жизни молодой девушки атрибутами. В общем, когда я уезжала на Большую землю, в Сургут возвращаться и не думала. Время шло, менялись взгляды и обстоятельства, и вот, выучившись в столицах на профессионального рассказчика всяких историй, я вернулась в родной город. И стала рассказывать горожанам об их лесных собратях, ведь земля, на которой жили и те и другие, по-прежнему объединяла нас. Но больше ничего. Город жил своей жизнью, стремился к своим целям, удовлетворял, как умел, свои всё возрастающие по-

требности. Лесные собраты ютились в окрестностях, изредка появляясь на сургутских улицах по какой-нибудь административной нужде и вновь растворяясь в тайге. И если земля по-прежнему оставалась общей, то родина у каждого теперь была своя. Я почувствовала эту разницу в начале девяностых, когда во все стороны задули ветры самых разнообразных перемен. По лесным людям эти ветры хлестали с особой силой. В моих историях тоже стали чувствоваться эти порывы.

Финляндия в моей жизни появилась так же закономерно, как и лесные люди. Каждый раз, когда я приезжала в эту страну, там внимательно прислушивались к моим историям. Видеоизображения всегда не хватало, приходилось комментировать вновь и вновь. Понятие «родина» тогда выросло из маленькой деревушки семидесятых, пушистым облаком поднималось ввысь, и, паря над большим современным городом, медленно растягиваясь над всей Сибирью, перебираясь за Уральский хребет, тянулось к Москве...

...– Почему Вы не говорите о проблемах? – человек с заднего ряда недоволен, что моя очередная видеоистория закончилась хорошо. Мир устал от проблем. И кому станет лучше, если я буду рассказывать о суицидах, алкоголизме, безработице, о том, как уходит в вечность ещё один маленький народ?.. – И вообще, что у вас там происходит? – возвращает меня в реальность сердитый зритель с заднего ряда. – Почему все наперебой кичатся своим богатством? Финляндия тоже богатая страна, но здесь никогда никому и в голову не придёт хвастаться перед другими, это неприлично!.. – Белое дымчатое облако, как бы стыдясь, начинает стремительно сворачиваться и исчезать где-то в районе маленькой деревушки из семидесятых.

– Ты не говори, что ты из России, – тихо выручает подруга переводчица. – Россию здесь ассоциируют с Москвой из интернета. Говори, что ты из Сибири. Сибирь для многих финнов до сих пор как будто другая планета...

Мои финские друзья за столиком продолжают неторопливо дискутировать: время прошедшее всем даётся непросто. Нам пора выбираться из «Холидея». За окном: банки, где не хамят сотрудники, магазины, где продавщицы улыбаются, тротуары, куда давным-давно не бросают окурков... И моя малая родина, стесняясь, выглядывает у меня из сердца, потихоньку присматриваясь к чужим лицам.

Фото Георгий Корчёнкин

г. Хельсинки

| Глава I |

ЦЕНА ВОПРОСА О ЗЕМЛЕ

Проблема коренных малочисленных народов – это не только проблема охраны окружающей среды, это проблема охраны и защиты людей, которые занимаются традиционными промыслами в местах традиционного проживания.

Экономика традиционных отраслей коренных народов требует выделения уникальной формы владения и распоряжения землёй, которая отражала бы национальные культурные принципы и страховала народы от изъятия этих земель.

Владимир Етылин
вице-президент
по вопросам традиционных отраслей
Российской ассоциации коренных народов
Севера, Сибири и Дальнего Востока
Чукотка

| Немного истории |

Много веков назад предки современных обских угров перевалили за Каменный пояс и обосновались на берегах Оби. А уж потом потянулись сюда иные первооткрыватели земли Сибирской: сначала Кучум, затем новгородцы, после – Ермаково войско...

Мирный лесной народец умел договариваться со всеми. Богата была земля древней Югры, – откупались. Наезжали в отстроенные сибирцами деревянные городища, совершали нехитрый товарный обмен, да и исчезали вновь в непролазных дебрях тайги. Шло время, и обнаружилось в здешних местах богатство, которое надолго разъединит лесных и пришлых. В Сибири найдены месторождения нефти и газа.

По непролазным болотным топям медленно, но настойчиво продвигались очередные первопроходцы, за ними шли многотонные машины, взрывая вековую тишину тайги непривычным грохотом, наполняя другой, непривычной для лесных людей жизнью. В считанные годы нефть становится самой ходовой валютой российского государства. Это его стратегический запас, его статус-кво на мировом рынке. Но богатство сибирское полилось не только по нефтепроводам, нефтью залиты земли и водоёмы, среди и за счёт которых тысячелетиями жили люди тайги.

Что принесло им нефтяное освоение? Непонятные законы и страх. Бесстрашные от природы, эти люди впервые почувствовали, что у их детей нет будущего, что они не могут больше сами управлять своей жизнью.

В первые годы у лесных людей мало кто спрашивал, можно ли проложить дорогу

через глухариный бор, или поставить буровую на месте оленьего пастбища. Страну охватила нефтегазовая эйфория, а коренных жителей – паника и растерянность. Наиболее зажиточные бежали в глубь тайги, на ещё нетронутые земли, спасая стада и потомство. Многие вышли из леса навстречу новой жизни. Оставшись без земли, пытались примкнуть к иной цивилизации, но, не находя применения своим силам и знаниям, в одночасье становились людьми «третьего сорта».

Грянула перестройка. Она принесла свободу мысли и слова, дав возможность каждому заявить о себе.

О проблемах Югры узнали в высших эшелонах власти: из-за форсированного нефтяного освоения территория была объявлена зоной экологического бедствия. Опешившая в начале нефтяного освоения, коренная Югра, вдруг гордо вскинув голову, собственными силами взялась консолидировать сородичей и начала заниматься формированием своего будущего. В Ханты-Мансийске создаётся общественная ассоциация коренных народов «Спасение Югры», а учительница начальных классов из далёкого мансийского села Саранпауль Татьяна Гоголева становится её лидером. Вот-вот начнут создаваться общины, и Юрий Вэлла уже поставил свой первый протестный пикет...

Это было начало новой жизни. Там, в девяностых, началось и моё путешествие в югорское зазеркалье, которое продолжается и по сей день.

По следам почтовой экспедиции

| Как рождается кино |

С Юрием Вэллой я познакомилась второго марта 1996 года. Эту дату вполне можно назвать днём рождения режиссёра Ольги Корниенко. К этому времени я уже работала в Сургутской телекомпании ездила по Сургутскому району, снимала передачи «о городах и весях». Поскольку район национальный, снимала и о жизни коренного населения. Так попала в город нефтяников Когалым на первый съезд оленеводов-частников, где Вэлла был единодушно избран президентом Союза оленеводов-частников. Помню, когда он вышел на трибуну и начал говорить – весь многолюдный зал буквально затаил дыхание, наступила необычная тишина.

Великого Вэллу я и боялась, и стеснялась... Уже тогда он был человек достаточно известный: поэт, писатель, общественный деятель. Да и слухи о нём ходили разные. В общем, взяла интервью, сделала программу о съезде так, как считала нужным, как видела, чувствовала. Выпустила программу в эфир и уехала в Эстонию на Международной кинофестиваль. А вернувшись, буквально через пару дней, услышала звонок от Вэллы: он приглашал меня в поездку по Агану. Я удивилась: почему не когалымское телевидение, не окружное, не местное нижневартовское? А он ответил, что посмотрел передачу про съезд оленеводов (она называлась «Молитва»), и его тронуло моё отношение к происходящему, поэтому о том, что мы увидим на Агане, он и попросил рассказать меня.

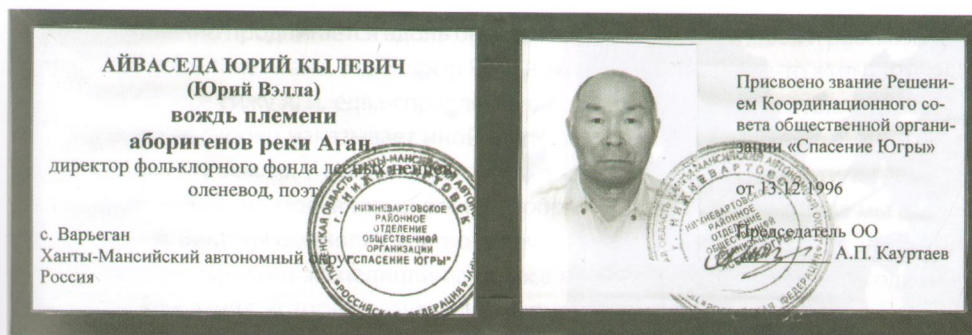
| Экспедиция |

Юрий Вэлла: Летом 1996 года я задумал – как всегда, для себя и для близких людей – путешествие по реке Аган, по старому почтовому пути. Раньше зимой почту возили на нартах, а летом на обласах, по реке. Был один почтальон в Варьёгане и один в посёлке Аган. Между ними три дня пути. Вот они плывут навстречу друг другу – один по течению, другой – против течения, и встречаются где-то на полпути. А встретившись, решают: либо они передают друг другу почту и возвращаются по домам, либо каждый из них едет дальше – погостить в другой деревне.

Я ещё застал то время. В 1959 году я учился в интернате в Агане, и мать часто посылала мне с почтальоном письмо или посылочку. Я выходил на пристань и ждал, когда из-за поворота реки покажется почтальон. Однажды весной, когда уже прилетели лебеди, почтальон привёз мне из дома гостинец – варёное лебединое яйцо. И вот я стал обходить своих друзей, и у каждого спрашивал: «Не хочешь проехать на обласах по Агану, посмотреть, что со старыми стоянками, вспомнить названия проток, стариц, песков, яров? Будем ночевать на брошенных стойбищах, пить чай. В общем, вспомним, каким был Аган, и посмотрим, каким он стал сейчас». И многие сказали: «Конечно, хочу».

В нашей экспедиции мы везли почту – чуть более десятка писем, несколько бандеролей, две из них были адресованы на стойбища, остальные – в Аган. Для сравнения мы опустили одно письмо в почтовый ящик. И хотя его доставляли всеми современными средствами – вертолётами, автомобилями и так далее, оно всё равно пришло позднее.

Но нашей целью была, конечно, не только доставка почты. Мы хотели почувствовать реку – как она изменилась за те годы, что мы здесь живём. Ещё у нас была задача – нанести на карту традиционные названия и археологические памятники. По результатам экспедиции мы запланировали сделать альбом – с фотографиями, картами и с текстами на нескольких языках.

Я пришёл в районный отдел культуры просить денег на «Почтовый проект» – нужно было закупить продукты, организовать сопровождение на моторках и так далее. Однако для них культура – это только культурно-просветительские мероприятия. Для меня же культура – это и земля, и оленеводство, и охота, и рыбалка, и шитьё, и то, как тот или иной народ сопротивляется нашествию иной цивилизации, и деньги, и кусок мяса, и дорога – со всеми её удобствами и неудобствами. Поэтому, когда заведующий отделом культуры мне говорит, мол, денег нет, и вообще я (он, заведующий, – прим. автора) тут в администрации человек маленький, я ему отвечаю: «Хочешь быть маленьким – пожалуйста. Но вообще-то начальству, наверно, можно объяснить, что культура – это вещь значительная. И на неё должны выделяться значительные суммы. Культура не может существовать без рыбалки, без охоты, без способов установки чума, без форм выкройки одежды, без приёмов приручения оленя. Это всё – вопросы культуры. И если Вы здесь этого не поймёте и не сумеете объяснить своему начальству, стало быть, Вы будете получать маленькую зарплату, никто с Вами не будет считаться, и мне Вас не жалко. Мне с Вами не по пути...»

Фильм «Путём Хозяйки Агана» вышел на экраны через год после нашей экспедиции. А чуть раньше возникла ещё одна идея: написать книгу об этом путешествии, дополнив её рассказами и стихами самого Юрия Вэлла, хантыйского писателя Еремея Айпина, тоже уроженца этой реки, фольклором местных жителей. Называется книга так же, как и фильм, – «Путём Хозяйки Агана». Они как бы взаимно дополняют и иллюстрируют друг друга.

| Культура |

село Варьёган
| Нижневартовский район | 1996 год |

МБУ «Централизованная
библиотечная система»
Инв № 89740/2-2

Путём Хозяйки Агана

| По сценарию видеофильма |

У документального кино есть один неоспоримый стимул: ты как бы закладываешь в архив человечества определённый кусок истории, свидетелем которой являешься. Возможно, не сегодня, но завтра, послезавтра это обязательно будет оценено. Думаю, что такие видеодокументы будут востребованы всегда. Всегда людям будет интересно, как и чем живёт маленький человек из тайги (тундры, гор, пустыни...).

Облас медленно продвигается вдоль берега. По берегу идёт человек и рассказывает легенду о Хозяйке Агана. Это Виктор Романович Айпин, он когда-то жил в здешних местах. А в обласе сижу я, и, едва справляясь с веслом и течением, слушаю красивую сказку о том, как сурово наказывает иной раз Хозяйка иноверцев, с лихими мыслями пришедших на эту землю. У меня и в мыслях нет обидеть Хозяйку или эти священные места, тем не менее, на молчаливый вопрос собравшихся на стоянке, куда мы вскоре возвращаемся, Виктор Романович кратко отвечает: «Не терпит». Это значит, что наравне с остальными членами экспедиции на обласе я не поеду, и место моё – в одной из лодок сопровождения, которые везут палатки, питание и прочие необходимые вещи. Завтра утром здесь, напротив «жилища» Хозяйки, будет совершена молитва. Тот же Виктор Романович поведает ей, кто к ней приехал и зачем, будет просить, чтобы хранила от бед и благоволила на протяжении оставшегося пути.

А сейчас двадцать членов экспедиции располагаются на ночлег. Кто-то ставит палатки, кто-то делает походные записи, кто-то начинает вспоминать, как жилось здесь раньше, много-много лет назад, когда ещё в помине не было города Покачи, и моторки не бороздили воды Агана вдоль и поперёк...

Старики усядутся возле карты и будут наносить на неё пройденный за день маршрут: стойбища, которые когда-то находились на этом пути, названия проток, урьев и песков, тони, где рыбы было, по словам старожил, видимо-невидимо. Я незаметно пристраиваюсь рядом. Собирать истории – задача непростая. Нужно уметь слушать. – *Род наш в этих местах ещё до революции жил, – рассказывает Виктор Романович. – При советской власти потянули нас всех за верёвочку к светлой жизни, стали привлекать к строительству посёлков. Дедов моих переселили в Варьёган, начали они работать, плотничать. До войны было у них небольшое стадо оленей. Голод после войны начался, пришлось оленей резать.*

Отец мой и брат тоже жили в посёлке во время строительства, стойбища пустовали, пришли в негодность. В то время некоторые из наших и поняли, что работа и зарплата – это гарантия, а жизнь в лесу, охота – это как в карточной игре: повезёт - не повезёт. Кто остался, кто снова уехал в лес...

Айпины вернулись в тайгу. Дедовское стойбище к тому времени совсем в негодность пришло, чуть выше поставили ещё одно. Снова купили оленей, из колхозной выбраковки. На транспорт, на пропитание хватало. В семидесятых и это стойбище пришлось оставить.

– *Стали искать нефть – пошли катера по Агану, у нас украли первую шлюпку. Переселились на Егур-Ях, потом оттуда тоже пришлось съехать. В то время работали в коопзверхозе, работа и содержание оленей стали несовместимы. Пришлось уйти в посёлок и снова ликвидировать оленей. Это было в девяностых. Сын Сергей стойбища уже не помнит, поселковый он. Дочь Таня поступила в Ханты-Мансийское педучилище. Евгений, старший сын, три года работал в Охтеурском*

госпромхозе, сейчас безработный. Продаёт рыбу, ягоды, шабашит. Семён работает оператором на буровой.

26 лет у меня стаж охотника-промысловика. При прошлых ценах зиму хорошо поохотиться – мог бы свободно сам «Буран» себе купить, без всяких подачек. Сейчас, каким бы ни был хорошим охотником, за такую астрономическую цену ни «Буран», ни «Вихрь» уже не купишь. Сейчас работаю в средней школе, мастером производственного обучения. Преподаю охоту, рыбалку.

Почему всё-таки из леса ушёл? Опустела река, лес опустел, нефтяники рядом. Жить на стойбище и надеяться на подачки, как сосед, Тылчин, не могу. Надеяться надо только на самого себя. В лесу подрабатываю, избушки строю. Рыбу ловлю, ягоду собираю. На транспорт денег не соберёшь, конечно, но обеспечить семью и себя – хватает...

Вот такую историю рассказал мне Виктор Романович. А ведь он не только хозяин этой земли. Он – из рода хранителей Хозяйки Агана. Издавна на этих землях хранителями священных мест назначались только мужчины из рода Айпиных и Лейковых. Только они могли приводить гостей на святое место, совершать молитву, ухаживать за домом Хозяйки и её семьи.

Из семи родовых ветвей Айпиных сегодня осталось только четыре. История этой когда-то многочисленной и состоятельной семьи одной из первых оживёт на нашей карте: с помощью Виктора Романовича будут восстановлены все земли и стойбища рода Айпиных. А вот самого Виктора Романовича вскоре не станет, призовет его к себе по весне Хозяйка Агана...

Многие сотни лет река была кормилицей и защитницей тех, кто выбрал её берега своим домом, кто рачительно и бережливо относился к природным богатствам, соблюдая местные порядки и обычаи.

Даже в начале двадцатого века, когда Сибирь, как и всю Россию, потрясли необратимые катаклизмы, человек и природа в этих местах ещё продолжали находить каким-то образом общий язык. Настоящая тревога пришла на Аган в шестьдесят третьем, с появлением той самой сейсмопартии, о которой поведал Виктор Романович. И первые же километры нашего пути красноречиво говорят об этом: железо стало теснить тайгу, пытаясь вписаться в живописную природу. Берега заполонили пейзажи из чужеродных конструкций: подъёмные краны, огромные резервуары с нефтью, самодельные пристани... И вот уже истинные хозяева на своих обласах, выдолбленных специальным способом, чтобы не потревожить реку, не вспугнуть лишней раз рыбу, выглядят совершенно беспомощно на фоне железных пришельцев, склоняющихся над водой и всем своим видом как бы вопрошающих: «Кто теперь в доме хозяин?» А ещё мы везём почту. Ведь мы идём старым почтовым маршрутом, которым местные жители пользовались в давние времена. Для этого мы попросили варьёганцев написать письма и собрать посылки для своих родственников, живущих на реке.

Маршрут нашей необычной экспедиции начался в посёлке Варьёган. Мы спустимся на обласах по Агану (это один из притоков Оби, расположенный на территории Нижневартовского района, в самом центре сибирской нефтедобычи). Среди участников экспедиции – старожилы этих мест, ханты и ненцы, переселённые или переселившиеся сами в базовые национальные посёлки во времена коллективизации, индустриализации и прочей социализации страны.

Всё, что мы видим и слышим, мы наносим на старую лоцманскую карту, которая в дальнейшем, по крайней мере, на это надеются участники экспедиции, послужит путеводителем и проводником для археологов, этнографов и вообще всех, кто интересуется историей этих мест. Поэтому для нас важно буквально всё, что происходит на каждом кусочке земли, которую мы как бы пытаемся заново открыть.

Проходя мимо, заглянул на родовое кладбище Айпиных. Что там делается!

Большинство могил раскопано. Это не следы звериных когтей, это следы человеческой лопаты. Что же здесь искали? Кто? Клады, которых не нашли в лабазах на священном бору? Останки Золотой бабы, которую ханты хранил и лелеял от осквернения ни где иначе, чем в собственной душе?

Вот лежит, отброшенный в сторону, сопревший кис певца Щимки. Из него торчит кость. Наверное, бывшая нога? Не та ли, которую он повредил однажды, когда вёз подростком послевоенный обоз с рыбой в Сургут?

А на соседней, тоже разграбленной могиле Айсыра? Остатки костра. Две рогульки наспех. Пробитый котелок на поперечине, покачивающийся как маятник. И белый череп в нём. Что же это такое, люди?

Эти строки можно отнести почти к любому из двенадцати обнаруженных нами на Агане родовых захоронений. Написаны они руководителем экспедиции Юрием Вэллой. Чуть позже, на одной из наших последних стоянок, он подведёт печальный итог увиденному на Агане:

– Кладбище в жизни человека вообще довольно мудрая вещь. Приходя на кладбище, он становится философом. Он внутри себя ищет ответ: быть или не быть. Какой ответ я нашёл для себя? Я увидел, что Аган – это огромное кладбище для тех народов, которые жили здесь раньше. Кладбищем он стал и для нашего народа, для нашего поколения, и очень немногие из этого кладбища выкарабкаются. Но Аган является ещё и огромным кладбищем для будущих поколений, для новой жизни, той, которую нам подсунули взамен нашей: те самые телевизоры, шоссе, дороги, лежнёвки...

Помните, мы проезжали посёлок лесорубов, Чистоборск, который когда-то под красными флагами создавался, осваивался под «Ура!», заселялся искусственно? Сегодня его нет, природа поглотила. Он стал ненужным, и жалко тех людей, которые потом вынуждены были бросать дома, обжитые уголки, и уезжать, обживаться где-то на новом месте.

Есть такая легенда: река Аган – это живое существо, которое обрекает на смерть любого, кто неправильно выбрал себе форму жизни, хозяйствования в этих местах. Выживут те, кто вовремя сумеет уйти...

Один день мы провели в гостях у Сергея Покачева. Сходили поутру на рыбалку, посокрушался хозяин, что рыбы нынче совсем мало стало. Раньше одним неводом собирали до четырёх тонн, на сдачу уходило два дня. Сейчас за всё лето столько не поймает. В прошлые годы с Агана вывозили до десяти рейсов стотонных барж. Трудно сегодня представить такое. Нынче Варьёган не сдаёт ни одной тонны рыбы, ловят только для себя.

У Покачева же нам удалось отведать и лучшее из блюд на реке: падаушку. То ли от слова «подавай!», потому что приготовить её быстро и несложно, то ли ещё почему, но вот пристало к этому блюду такое название. На этот раз его готовил сам хозяин стойбища. Рецепт оказался чрезвычайно прост: после того как вынуты внутренности, рыбу нужно разрезать пополам и разложить пластом. Внешне она как бы напоминает раскрытую книгу. Затем куски насаживаются на специальные палочки и несколько минут пекутся у огня. Но если человек не имеет навыка насадки, его рыба обязательно упадёт в костёр, убеждают хозяева (а может, отсюда пошло такое название – «падаушка»?).

Неподалёку бегают внуки. Изучать родной язык и родную культуру им, видимо, придётся уже не в тайге, помогая отцу ставить сети или сидя у чувала и слушая сказки бабушки, а в далёких школах-интернатах.

Впрочем, пока ещё ничто не нарушает мирной картины. Но не пройдёт и года, прихватит сердце у хозяина, прямо на реке, в обласе, и не станет Сергея Покачева. Опустеет и это стойбище, одно из многих, покинутых за время нефтяного освоения. Но, проводя небольшую экскурсию по своим владениям, успел-таки Сергей Покачев показать нам городище эпохи, наверное, бронзы, это определяют раскопки, если они состоятся когда-нибудь: в двух шагах от городища уже пролегла дорога. Нам же предстоит сделать лишь самые поверхностные заметки и нанести на карту этот древний археологический памятник.

Только по левому берегу устья Агана нами было обнаружено и зафиксировано на карте около пятидесяти стойбищ и 26 археологических памятников: городищ, стоянок и прочих поселений, говорящих о более древнем размещении здесь жилищ человека.

Среди членов нашей экспедиции – студенты Берлинского университета Каролин Гросс и Штефан Дудек.

– Югра, – рассказывает Штефан, – является самым большим источником поставок нефти и газа для Германии: около тридцати процентов нефти мы получаем из Сибири. Причём эти нефть и газ, по сравнению с другими полезными ископаемыми, являются очень чистыми, отходы очень малы. Мы пользуемся богатством этих

недр, но чистыми-то они являются для пользователей, а там, в Германии, люди хотят знать, каковы истинные затраты этой продукции, как сегодня живёт народ, которому испокон веков принадлежали эти земли. Мы информируем людей об этом, и они сами должны решить, стоят ли того эти затраты.

Несколько раз нам приходилось перебираться по волокам. Волок, или перетаска, использовался местными жителями, чтобы сократить путь по реке. Волоками пользовались довольно часто, и они не были такими заросшими и запущенными, как сейчас. Мало того, на многих волоках строились всем миром своеобразные шалаши-ночлежки, оставлялись продукты. Это были уютные, обжитые места. Нам же предстояло пройти сквозь почти девственные заросли болотной осоки.

Проходя по волокам и восстанавливая их на карте, мы больше мучались, чем сокращали себе путь. Да и кто сейчас пустится по реке на обласе, когда на моторке можно пройти по Агану всего за 6-7 часов.

Были мы и в юртах Тылчиных. Пять семей живут сейчас в деревне. Нефть пошла – построили рядом город Покачи. А деревню купили. Телефоны поставили в юртах, электричество провели. Сейчас телевизоры в избах стоят, видики. В экономических соглашениях с нефтяниками хозяева запрашивают если снегоход, то канадский, если мотор лодочный, то обязательно «Ямаху». И это не просто блажь. Соглашение рассчитано на три года, а отечественные моторы, полученные зимой, рассыпаются уже к осени, «Бураны» через год в негодность приходят.

А оленей нет. И пастбища больше нет. И работы у людей нет. Пьяной стала деревня. Хотя избы новые на берегу тоже за счёт нефтяников строятся, и моторов на берегу мы насчитали около двадцати. А ведь была и у этой деревни своя история:

– Последние Медвежьи игрища, – рассказывает Юрий Вэлла, – которые были на Агане, проходили здесь, на стойбище Тылчиных, в 1988 году. Как стали нефть добывать, Чистоборский леспромхоз стал вырубать лес, – стоптали оленью пастбище, изуродовали угожья вокруг, истребили зверя, не дали возможности рыбе завести потомство... И семья здешняя стала жить только за счёт так называемой «платы за землю». Но под всем этим есть страшнейший бич для человека: когда для него начинают делать со стороны – человек перестаёт делать сам. Он перестаёт сопротивляться стихии, трудностям жизни, он становится иждивенцем.

Какова будет в дальнейшем судьба этой деревни? Может, года через два-три люди всё-таки одумаются, поймут, что когда-то зря уступили землю. Может быть, начнут сопротивляться – это один путь. Другой путь – большинство из них просто физически вымрет. Кто-то, быть может, и поумнеет, но я боюсь, будет поздно. К тому времени нельзя будет демонтировать нефтяные объекты, восстановить, или, вернее, не скоро ещё земля восстановит свои раны, очень будет трудно этой земле. Нефтяники всё-таки всю жизнь кормить коренного жителя не будут, не соби-

раются. Власти наши всю жизнь держать на иждивении нас, северян, не собираются, это ясно и сейчас. Поэтому, мне кажется, будет трудно этому роду выжить...

После Тылчиных оставалась нам последняя остановка – в самом посёлке Аган. Старики спускали обласа на воду, медленно пробираясь меж многочисленных импортных моторов, выданных родственникам в счёт компенсации за землю, потерянную для них, как видимо, навсегда, и уплывали, скрываясь в утренней туманной дымке. И так не хотелось верить, что это – последние.

Мы возвращались в другой мир.

| река Аган |
| Нижневартовский район | 1996 год |

Обстановка, которая сложилась в то время на одной из сибирских рек, типична для многих регионов Сибири. Это грустный итог сближения двух разных цивилизаций. Много лет спустя мы решим вернуться к Агану, на этот раз чтобы снять другой фильм – «Река Аган со притоками». Трёхтомный топонимический словарь с одноимённым названием Юрий Вэлла собирал много лет. Через топонимические хантыйские и ненецкие термины, хранящие в себе древние легенды и фольклор местных жителей, нам хотелось рассказать зрителю более древнюю историю этой реки. Но мы не успели, Вэлла ушёл из жизни. Смогу ли я сделать это без него? Не знаю.

Парижу повезло – у него есть Ева. Точнее – повезло тем студентам, которым она читает лекции по финно-угорским литературам.

Повезло тем из парижан, кто, благодаря Еве, имеет возможность прикоснуться к самобытной культуре других народов на конференциях, кинопоказах и прочих форумах, которые она периодически там устраивает.

Повезло и маленькому эстонскому городу Тарту – одиннадцать лет назад вместе со своим другом и коллегой Лийво Нигласом Ева организовала здесь кинофестиваль мировых культур – Worldfilm, и теперь ежегодно толпы студенческой молодёжи собираются в кинозалах, чтобы посмотреть и обсудить то, чего до этого, а скорее всего, и после, никогда увидеть не придётся, потому что программа фестиваля каждый раз составляется из особенных фильмов, тех, что рассказывают об уникальных обрядах, традициях, событиях и прочих удивительных диковинах, бытующих лишь в определённых, как правило, весьма отдалённых уголках земного шара.

В октябре 2009 года в рамках проходящих в Эстонии Дней финно-угорских культур Ева презентовала созданный ею персональный международный сайт Юрия Вэллы. Самого Вэллы там не было, но была я, и я видела, какой интерес вызвало это событие среди присутствовавших. А уж кому повезло больше в этом случае – самому Вэлле или тем, кто с помощью сайта сможет прочесть его уникальную прозу и поэзию, – судить не мне.

– Я хочу продемонстрировать одну из возможностей популяризации финно-угорской литературы, – сказала Ева. – Считаю, что между работой издателя и пользователями ресурсов интернета противоречий быть не может, ведь если человек любит книги, он будет и дальше читать их, а интернет просто даёт возможность читателю дойти до книги...

Сайт был задуман в августе 2009-го, а уже с сентября его можно было отыскать в интернете. На сайте Ева разместила не только Юрины книги, здесь можно найти и фильмы о нём, и статьи, и всё, что связано с его общественной деятельностью.

Материалы представлены на девяти языках (именно столько знает Ева. Нет, языков она знает больше, просто в девяти «уверена»).

На сайте даже есть газета «Наша жизнь», которую Вэлла издавал в 1990 – 1991 гг. в деревне Варьёган, где жил до того, как снова уйти в лес, на стойбище. Особо любопытные смогут найти здесь и множество историй из его жизни: и про разрушенный «ЛУКОЙЛом» мост, и про стойбищную школу, и про президентскую важенку...

– Этот человек живёт в той же России, что и вы, – говорила Ева присутствовавшим на встрече представителям финно-угорского мира России, – но в то же время он живёт в другой, нефтяной, России. С развитием нефтяной промышленности коренные народы попали в очень стеснённые условия. Им грозит не только потеря культуры и ассимиляция, но, возможно, и физическое вымирание – так считают многие учёные, поскольку современные промышленные гиганты угрожают природной среде, а народы эти живут в тесной связи с тайгой и тундрой.

Просто Ева

Эссе

www.jurivella.ru

Юрий Вэлла, как представитель этих народов, – один из немногих, кто имеет голос и не боится говорить вслух об этих проблемах. Он мало пишет, но своей жизнью, своим творчеством он хочет показать, что в тайге тоже можно жить достойно и в двадцать первом веке, и у коренного жителя всегда должна оставаться возможность вернуться в лес, если он этого однажды захочет.

Там, где живёт Юрий Вэлла, господствует «ЛУКОЙЛ». И для «ЛУКОЙЛа» Вэлла очень некомфортный сосед. Между ними и сегодня идёт постоянная борьба. В этих условиях сайт, во-первых, защитит Вэллу. Это значит, что если его будут беспокоить, то об этом немедленно узнают не только в Нижневартовском районе, но и во всём мире. А компании с мировым именем выгоднее потерпеть неудобного соседа (а ещё лучше – договориться с ним), чем иметь испорченную репутацию. И второе – сайт даст, и уже даёт, возможность переводить книги Юрия на другие языки. Например, на марийском пока нет книг Юрия Вэллы, но если их выложить на сайте на марийском языке – их смогут читать и марийцы...

А ещё я запомнила слова, которые сказал на встрече президент Ассоциации финно-угорских писателей Арво Валтон:

– Юра хоть и живёт в лесу, но понимает мир лучше, чем мы с вами. Мы не только узнали об одном великом человеке, но, в то же время, увидели, как можно узнать литературу благодаря возможностям интернета.

Там же, на встрече, была представлена книга Вэллы «Поговори со мной» на эстонском языке, которая вышла в свет благодаря издательству «Кириастускескус» и, конечно же, Еве.

Так кто же она такая, Ева Тулуз, вокруг которой крутится, вертится то тут, то там весь финно-угорский мир? Я привела примеры её деятельности лишь по отношению к нашим народам: ханты, манси, ненцам... Но в равной степени Еву интересуют и мордва, и карелы, и марийцы.... Откуда этот интерес? Сегодня она профессор финно-угроведения Института восточных языков и культур в Париже (INALCO) и одновременно научный сотрудник кафедры этнологии Тартусского университета (Эстония), председатель Парижского общества по развитию финно-угорских исследований, профессор Института восточных языков и культур, крупнейший в Европе знаток финно-угорских литератур и главный редактор французского журнала «Финно-угорские исследования».

– В Таллинне, на одной из конференций, я увидела однажды молодого дяденьку, такого необычного типа. Это был Еремей Айпин. Я заинтересовалась хантыйским языком, и он пригласил меня на 60-летие Ханты-Мансийского округа. Это было в 1990 году. Сложное время, в Россию было очень трудно попасть. Позже я неоднократно бывала в округе, ездила на стойбища, познакомилась с членами Ассоциации «Спасение Югры», узнала о переменах, которые случились у коренных народов в эти годы...

Это были очень сильные впечатления. Я не представляла никакой организацию, я была просто Ева, человек, и мне всё это было очень интересно. Я знала венгерский, финский, эстонский, помогала с переводами другим людям...

– Ты получала огромное количество информации, которая долгое время была закрытой...

– И мне хотелось говорить об этом. Я стала писать и выступать на конференциях. Проблема, которую я воспринимала тогда очень болезненно, – это национальная интеллигенция. С одной стороны – необходимо, чтобы в городе кто-то говорил голосом лесных коренных жителей, с другой – как только люди выходят из леса, удаляются от лесной жизни и начинают жить по-другому, – их голос становится искажённым, и он уже не воспринимается теми, кто живёт в лесу. Это противоречие и сегодня вызывает у меня достаточно тяжёлые чувства.

Когда же и при каких обстоятельствах в моей жизни появилась Ева? Кажется, мы познакомились тоже где-то там, в девяностых. Кто бы мог подумать тогда, что случайные встречи перерастут в многолетнюю дружбу, а герои моих фильмов неоднократно будут путешествовать и в Париж, и в Таллинн, и в Тарту... Знакомство с Евой, с её миром подарит мне не только новизну и разнообразие зарубежных впечатлений, авторских встреч, но и более широкое понимание собственного мира, дома, отечества.

Теперь мы всегда на связи, у нас всегда есть что сказать друг другу.

Фото из архива Евы Тулуз

Спасибо тебе, Эстония!

Путевые заметки

Эстония сложная страна. Не секрет, что в России к ней относятся весьма и весьма противоречиво. Но нельзя отрицать того, что это страна молодых учёных. Эстонцы бережно хранят свои культурные традиции, уважительно относятся к чужим.

Кинофестиваль визуальных культур мира, Worldfilm, появился в Тарту при поддержке международного сообщества антропологического фильма.

Среди членов этого сообщества – кинопроизводители, исследователи, организаторы фестивалей, студенты.

В отличие от конкурсов на лучшего сценариста, режиссёра, оператора, подобные просветительские фестивали не предполагают профессиональных наград и высоких лауреатских званий, но становятся всё более востребованными по всему миру: люди нуждаются в информации.

Эстонию мне тоже подарила Ева. Увидев в 1996 году фильм «Путём Хозяйки Агана», она предложила принять участие в Международном кинофестивале антропологических фильмов в Пярну, возглавлял который наш общий знакомый, режиссёр Марк Соосаар.

Ева состояла в отборочной комиссии фестиваля, она и отвезла «Хозяйку» в Эстонию. К тому времени «Хозяйка» уже была призёром нескольких российских телефестивалей, поэтому я надеялась, что и в Пярну её заметят. Это был первый зарубежный город, куда отправился мой фильм.

Потянулись недели мучительного ожидания. Каково же было моё удивление, когда я узнала, что фильм не прошёл отбор! «В нём слишком много слов за кадром, и слишком слабая видеорежиссура, а в документальном кино картинка должна говорить сама за себя» – таков был приговор Марка. Именно этот вердикт станет одним из поворотных моментов в творческой жизни: с тех пор за кадром говорят только мои герои.

И всё же, выпросив у телекомпании командировку, я поехала в Пярну, чтобы снять программу «Истоки» о фестивале. В компании нашлось достаточно денег, а у меня – веская причина: эстонский кинорежиссёр Валентин Куик представлял в Пярну свои фильмы – «Голоса» и «Полёт». Фильм «Голоса» рассказывает о том, как известный хантыйский писатель и общественный деятель Еремей Айпин, баллотируясь в 1989 году в Государственную Думу, ездил по территории Сургутского района, набирая голоса избирателей, и как его исключили из списков; а «Полёт» – это небольшая зарисовка о том, как осенью вертолёт собирает хантыйских ребятишек в школу-интернат. Поскольку представлять «Голоса» приехал и сам главный герой, Еремей Айпин, а действие в обоих фильмах происходило на территории Сургутского района, – у меня были все основания для съёмок. Свободного оператора с действующим загранпаспортом в то время не нашлось, я поехала в Эстонию одна, с мыслью выкупить видеоматериал у эстонского телевидения либо «взять в аренду» одного из местных операторов.

Так в 1996 году я впервые попала на международный кинофестиваль.

Ева же продолжала внимательно следить за моими фильмами. Спустя несколько лет, организовав фестиваль в молодом университетском городе Тарту, где в то время жила и читала лекции, она пригласила туда пятидесятидвухминутную картину «Мастер и Евдокия».

– Фестиваль – это арена для встречи разных культур, – рассказывает программный директор, кинорежиссёр Лийво Ниглас. – В этом году (фестиваль, где я представляла «Мастера и Евдокию», был третьим по счёту) он привлёк более чем 4500 зрителей, это в два раза больше, чем в прошлом. В общей сложности на экране были показаны 44 фильма, которые нам пришлось отобрать из более сотни присланных на фестиваль. 21 фильм был представлен авторами из Голландии, Португалии,

Германии, Швеции, Мексики, Македонии, Соединённых Штатов, как молодыми, так и всемирно известными кинопроизводителями, такими как Арто Халонен и Эверардо Гонзейлз (в тот год я была единственным представителем из России).

Особенность состоит ещё и в том, что показ фильма обязательно должен сопровождаться комментариями автора. Он встречается со зрителями, отвечает на вопросы... – *Такие фестивали, – рассказывает одна из зрительниц, студентка из Тарту Лоце Холанде, – помогают людям понять, что происходит в мире. Но фестиваль несёт, мне кажется, не только познавательную функцию. Здесь у молодых людей формируется гражданская позиция по отношению к тому или иному событию, явлению...*

А вот отзыв ещё одной студентки, Соне Вахене, мне он особенно дорог:

– Я студентка факультета антропологии, и уверена, что то, что я увидела на этом фестивале, мне в жизни обязательно пригодится. Мы стали богаче. А ещё фестиваль, благодаря, может быть, его организаторам, несёт огромный заряд доброты к миру, готовности его защитить.

Особенно мне запомнился фильм из Сибири. Ханты – наши родственники, у нас в Эстонии такого образа жизни уже не найдёшь, а вы сохранили. Я желаю вам мудрого руководства, чтобы как можно дольше у вас в Сибири оставались такие самобытные люди.

Я думаю, что ваш округ, как любая территория, которую населяют такие народы, несёт ответственность перед мировой общественностью за их сохранение.

Любому режиссёру нужен зритель. Мне было приятно знать, что фильмы, составившие программу фестиваля, в течение всего следующего года будут показаны на «Вечерах Worldfilm в Тарту», с обсуждениями зрителей, в присутствии экспертов. Те, кто уже посетил фестиваль, на повторную встречу с любимым фильмом, наверняка, не только придут сами, но и приведут своих друзей, не успевших его посмотреть. А Эстонское Национальное Телевидение, с которым сотрудничает Worldfilm, донесёт эти фильмы до более широкой аудитории...

Я же, в свою очередь, рассказывала зрителям обо всём, что думаю, что чувствую. Сибирь становилась «горячей» точкой нашей планеты. Поэтому отвечать приходилось за многое: от корней сибирского шаманизма до политики Путина в отношении национальных округов. Благодаря удивительным переменам, происходившим в России и в Югре, этнодокументальное кино становилось всё более популярным. Мир хотел видеть мои фильмы, и я была чрезвычайно вдохновлена этим вниманием и открытостью.

Мне было что сказать миру.

Немного истории

С созданием в 1992 году субъектов Российской Федерации в Ханты-Мансийском округе появилась возможность регионального законодательства. И «Положение о статусе родовых угодий», инициированное активистами Ассоциации «Спасение Югры», стало первым законодательным актом молодой югорской государственности. В Югре заработал институт родовых угодий, юридически закрепляющий право коренного жителя на свой участок земли. К 1997-му году официальные документы на родовые угодья получили 454 представителя семей и национальных общин.

В истории развития договорных отношений есть имена, которые будут помнить-ся всегда, потому что они неотрывны от создания этого документа. На территории Сургутского района это Иосиф Антонович Сопочин. Именно он смог почувствовать, разглядеть последствия всей трагедии земли на много лет вперед, и одним из первых стал защищать и землю, и своих соплеменников, уча их мужеству, стойкости и уверенности в своих силах.

В 1997 году хантыйскими пикетами во главе с Сопочиным нефтяной каток был остановлен на Тяне. Несколько семей перекрыли ручей, по которому должна была пройти техника. Пятеро были с ружьями.

Для нефтяников Тян – это группа месторождений, которые срочно нужно было освоить, а для жителей тайги – не только последняя свободная, но и священная земля. Именно тогда, во времена Тянского противостояния, и появились первые экономические соглашения. Наряду с необходимым компенсационным набором, в состав которого входили транспортные средства, топливо, стройматериалы, небольшая финансовая помощь, главным условием экономического соглашения было не подрывать традиционную экономику, а, стало быть, работать экологически грамотно.

Среди несомненных плюсов – адресная, персональная поддержка каждой семьи и согласование с главами родов установки нефтяных объектов на территории их проживания. Минус – это порождение за счёт «дармовых» средств иждивенчества и пьянства.

Тем не менее, этот документ способствовал урегулированию взаимоотношений коренного населения и нефтяных компаний. И те и другие вздохнули с облегчением: начались переговоры.

Неудобный Иосиф

По сценарию видеофильма

Мне всегда хотелось создать картину эпическую, показать такого героя, в судьбе которого отразилась бы судьба всего хантыйского народа, история его надежд и чаяний, поражений и побед, история всей Югорской земли за тридцать нефтяных лет.

Председатель общины «Ханто» Иосиф Антонович Сопочин – из таких.

В процессе работы над фильмом было пересмотрено множество архивных записей, фотографий, хроники и других видеоматериалов, сам же фильм был выпущен в 2002 году.

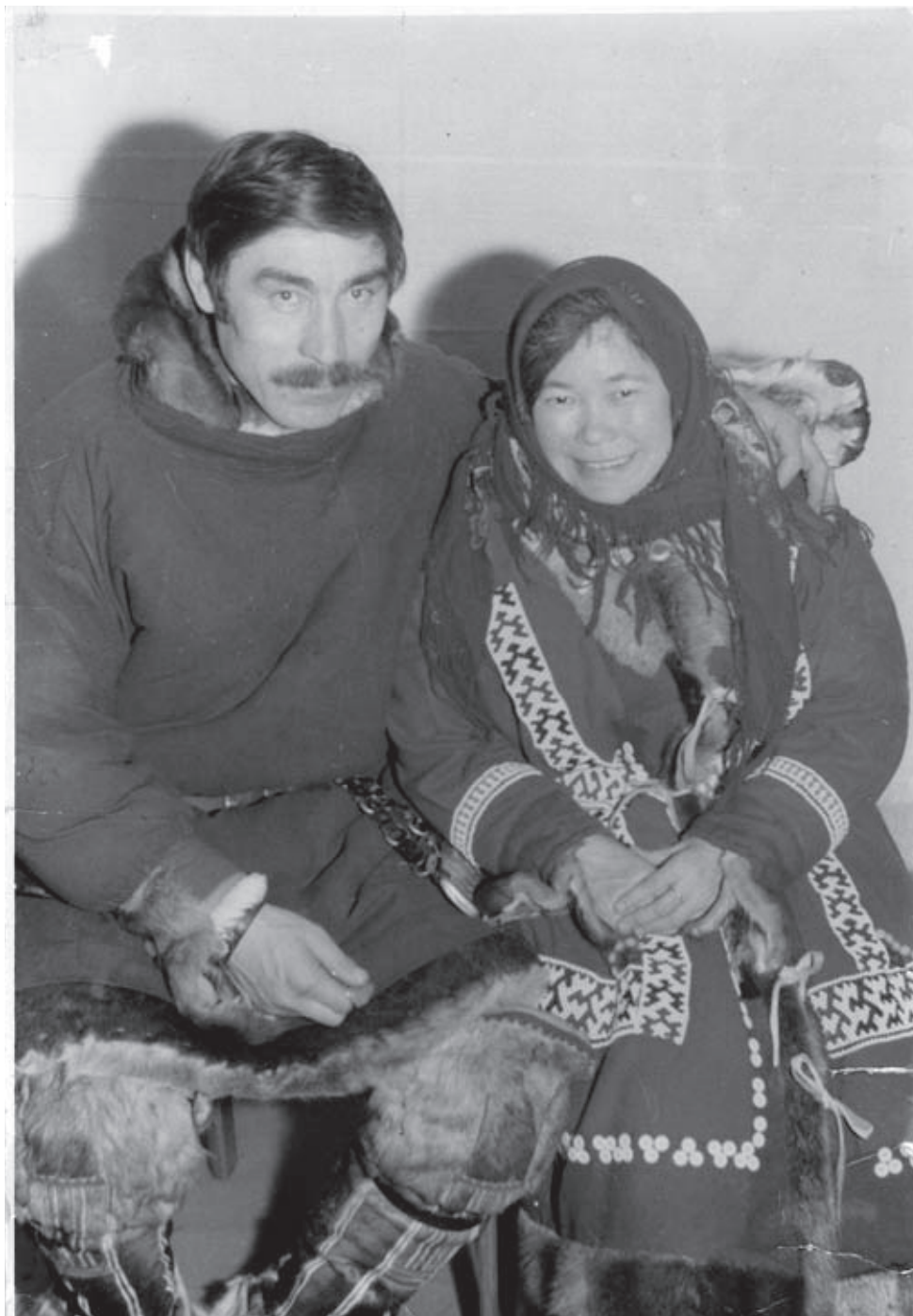

Фото из семейного архива

Нижнее течение Тром-Агана, где и сейчас находится стойбище Сопочиных, помнит ещё отца и деда Иосифа. Здесь они все и выросли, сестра Вера и братья: Иван, Владимир, Прокопий. В основном занимались рыбалкой и охотой, по части оленей Сопочины считались людьми небогатыми.

Закончив восьмилетку, Иосиф хотел продолжить образование: он мечтал стать большим человеком, повести своих сородичей в новую жизнь. Но в семье случилось несчастье, умерла мать, и Иосифу пришлось вернуться на стойбище, чтобы помогать обезножевшему к тому времени отцу.

В начале семидесятых на священный Тром-Аган пришла большая нефть. Это было время созидания и разрушения. Достояние одного народа обернулось бедой для другого. С одной стороны земель Сопочиных пролегла железная дорога на Нижневартовск, с другой – на Ноябрьск. Рельсы протянулись по годами натоптанным оленьим тропам...

–...*Утром идёшь за оленями, – рассказывает Иосиф, – а половина стада на дороге валяется. Как поезд ехал – половина оленей на одной стороне, а другая – на другой. Лежат, как будто напополам разрезанные...*

Буквально за одно лето оленеводство исчезло с Нижнего Тром-Агана. Не стало оленей – затихла тайга, опустели стойбища соплеменников.

Но другая жизнь, обернувшись тяжёлой раной в лесу, всё же манила Иосифа к себе, притягивала чем-то новым, неизведанным. В той, другой жизни, виделись ему неясные очертания его мечты.

Иосиф устроился на работу к мостостроителям. Получил квалификацию монтажника, затем перешёл в строительную организацию, поднимал нефтяные города Ноябрьск, Когалым... Младший брат Прокопий к тому времени тоже уже работал в строительной организации, Владимир учился в медицинском институте.

Жизнь в отцовском стойбище поддерживал лишь Иван. Изредка навещая отчий кров, Иосиф все чаще встречал мрачные взгляды своих соплеменников. Энтузиазм той, другой жизни тускнел перед окружавшей в тайге действительностью.

В душе постепенно созревала потребность оградить оставшихся на стойбищах от интенсивно наступающей нефтедобычи.

В те годы судьба свела Иосифа с профессором-антропологом Эндрю Вигетом, который много лет занимался проблемами коренных народов мира. Знакомство с видным американским учёным приводит к мысли, что за землю нужно бороться. Но как? Иосиф возвращается в тайгу.

–*Это было время радикальных изменений и в России, и в округе, – вспоминает Эндрю Вигет, – когда коренное население получило возможность открыто высказывать свои желания, откровенно говорить обо всём, что тревожило в связи с землёй, с ущербом, наносимым индустриальным развитием...*

| Дыхание новой жизни |

Ситуация освоения, достаточно безжалостного, гласность, которая дала возможность подняться волне национального самосознания и предоставить трибуну коренному населению, и личный опыт Иосифа, человека большой энергии и интеллекта, – вот три фактора, которые значительно повлияли на его дальнейшую судьбу. Иосиф был своего рода камертоном, поскольку ощущал время и внутреннюю личную необходимость принять участие в этом (надо помнить, что земли его предков к тому времени уже были изрядно перепаханы освоением, так же как и земли его сестры), – всё это создало предпосылки для его выдвижения как лидера национального движения.

И в балках первопроходцев, и на отцовском стойбище с ним постоянно были книги. Судьба лишила его возможности продолжить образование, но взамен дала сильную волю, непреклонный характер и гибкий, пытливый ум.

Иосиф великолепно знал классику русской литературы, высоко ценил Пушкина, считал его философию сходной с философией своего народа. Во многом был не согласен со Львом Толстым, особенно с его теорией «непротивления злу насилием». Сам он всегда считал, что противоположные стороны должны уметь договариваться друг с другом.

Всем, о чём читал, что видел, чувствовал, делился с сородичами. Переводил на родной язык, комментировал...

В 1989 году по настоянию коренных жителей Сопочин был приглашён в Русскинской сельский Совет народных депутатов исполняющим обязанности председателя исполкома. Абориген у власти – случай доселе неслыханный (коренных жителей в нефтяных районах к тому времени практически отодвинули от всех уровней властных структур).

| Хождение во власть |

Во власть Иосиф Антонович пришёл с мыслью официально узаконить принадлежность земель за теми, кто ведёт традиционный образ жизни. Начал на картах очерчивать традиционно установившиеся границы родовых угодий.

Пытался построить новые взаимоотношения между властью, нефтяниками и населением. Убедил руководство нефтяных структур заключать общие договора с сельсоветом. При начальном этапе отвода земель сразу обговаривалось строительство объектов инфраструктуры посёлка: возведение домов и котельных, асфальтирование улиц, обеспечение электричеством, транспортом... Это начинание подхватил Ульт-Ягунский сельский совет, а затем и весь Сургутский район.

В этом же году Сопочин становится председателем исполкома Русскинского сельского Совета народных депутатов. К тому времени деревня Русскинская представляла собой легковоспламеняющуюся смесь безработных и обездоленных, а потому обиженных и злобных людей. Молодёжь шаталась по посёлку пьяной, жить было нигде и не на что. Вековые устои порушены, казалось бы, безвозвратно. Пассивные

от природы в политическом плане, не видевшие и не привыкшие к городской жизни ханты... ждали своего мессию.

– *Первое, с чего он начал*, – рассказывает вдова Иосифа Сопочина, Аграфена Семёновна Песикова, – *с чистки Русскинского Совета. Он избавился от тех людей, которые были инертны. У девяноста процентов тромаганских ханты не было паспортов. Вы представляете, что это такое?!*

Потом нужно было решить проблему жилья. Он подписал от имени сельского Совета договора на строительство жилья с «Сургутнефтегазом», с «Когалымнефтегазом», с «Ноябрьскнефтегазом», об асфальтировании улиц, о строительстве котельной, о том, чтобы построить ЛЭП...

Он был первый. Он был самый-самый первый.

Пытаясь навести порядок в деревне, Иосиф не забывает и о живущих в лесу. Он хочет узаконить принадлежность земель за теми, кто ведёт традиционный образ жизни.

Предвидя, что очень скоро земля может полностью уйти под нефтяное освоение, Сопочин затевает невиданный по тем временам эксперимент: начинает на картах закреплять традиционно установившиеся границы родовых угодий земляков.

– *Люди совершенно не верили*, – продолжает Аграфена Семёновна, – *что это может в законном порядке осуществиться. То есть, что с этими границами будут считаться власти. Очень мало народу верило в его начинания, но решили – раз председатель так говорит, так и быть, подскажем, где проходят границы родовых земель. Так и очертили.*

С теми, на чьих родовых землях нефтяники начинали работать, подписывались экономические соглашения, по которым коренным жителям полагались небольшие денежные пособия, а также снегоходы, лодки и лодочные моторы, бензин, соляра...

Деление на родовые угодья невыгодно было, во-первых, властям: это значит, лишние заботы, лишняя работа, лишняя езда по командировкам, лишние разбирательства. Они, конечно, были этим недовольны. Нефтяникам это тоже как кость в горле: нужно все работы с родовиками согласовывать, нужно озаботиться, чем и на каких законных основаниях всё это компенсировать, то есть, сразу выскочил целый комплекс юридических, экономических, социальных проблем, которые необходимо было оперативно решать.

А самое главное – когда живущие в лесу стали подписывать экономические соглашения, тем, кто в города и посёлки уже переехал, тоже захотелось всего этого. Они как бы за бортом этих переговоров оказались. Эти люди тоже хотели вернуть свою землю, и им пришлось лишний раз шевелиться: заботиться, чтобы их включили во владельцы родовых угодий.

Многим Иосиф Антонович говорил: «Ну куда ты прёшь, у тебя же в лесу ничего нет, ты вначале постройся там...» Этим людям тоже не нравилась политика председателя, естественно, появлялись оппоненты...

Словом, мечта построить рай для соплеменников на одной отдельно взятой территории, столь смело воплощаемая в жизнь, не понравилась недоброжелателям, а их к тому времени насчитывалось немало.

Деревня не приняла нововведений Иосифа. Состоялись перевыборы, ему пришлось уйти. Не выдержав напряжения, а главное, недоверия соплеменников, Иосиф запил.

| В поисках новой жизни |

В 1991 году Сопочин приходит в «Когалымнефтегаз», ведущий добычу на землях Нижнего Тром-Агана, с идеей создать в нефтяной структуре новое, особое подразделение. Пытаясь решить проблемы своих земляков с другой стороны, он становится заместителем генерального директора по вопросам коренного населения.

Но город населяли другие люди, и у них были совсем другие проблемы. Город обрастал коробками новостроек и символами собственной власти. И ему вовсе не нужен был неудобный Иосиф. Нефтяникам нужен лишь законопослушный клерк, не более. Распрощавшись с «Когалымнефтегазом», Иосиф продолжает искать пути выживания для своих соплеменников. Наслышанный от того же Эндрю Вигета об успешном опыте индейских резерваций и по его приглашению Сопочин едет в Америку.

Но жёсткая структура построения жизни в резервациях оказывается неприемлемой ни в социальном, ни в психологическом плане для жителей тайги.

Иосиф приходит к мысли, что хантам тоже необходимо объединяться, но собственное самоуправление должно строиться по-другому. Его поддерживает профессор Эндрю Вигет:

– Мы много говорили о появившемся в то время законе самоуправления, который позволял различным группам коренного населения формировать общины. Иосиф видел возможности и перспективы в том, что ханты, самоорганизовавшись в общину, будут лучше отстаивать свои экономические интересы, представляя собой некую силу, которая сможет выходить на переговоры с промышленными компаниями.

Иосифа интересовало так же, как написать Устав, как организовать семьи, входящие в общину, таким образом, чтобы их голоса были представлены в управлении общины; откуда у общины могут появляться деньги и как община должна контролировать свою землю...

Для него община была тогда структурой неясно представляемой, но потенциально мощной для отстаивания экономических интересов.

Тем временем нефтедобыча вплотную подошла к территории междуречья Пима и Тром-Агана. Богатейшее нефтяное месторождение – Тянь – обнаружено под священными землями сургутских ханты.

Сопочин разворачивает большую кампанию защиты священных земель, на практике проверяя идею общины.

Его поддерживают все: и богатые оленеводы, живущие в верховьях Тром-Агана, и безоленные пимские рыбаки. Не дожидаясь выхода федерального закона о референдуме, ханты единогласно голосуют против начала освоения.

Забыты все прежние проблемы. Действия организованы, слажены и направлены только на одно – не допустить нефтедобычу к жилищам Богов. Но... за отсутствием законодательной базы община признана недействительной, результаты досрочного голосования – незаконными, а чуть позже и территория, представляющая угрозу решению задач государственной важности, разделена административными границами так, что голоса аборигенов отныне навсегда остаются в меньшинстве.

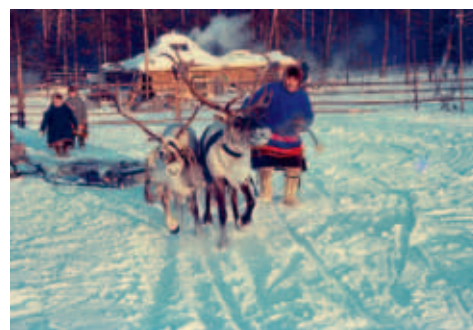
Потерпев поражение и в защите священных земель, и в создании общины, Иосиф возвращается на опустошённую землю своих предков. Он создаёт общину на Тром-Агане. Практика тянского противостояния дала ему мощный политический багаж, теперь к нему совершенно по-другому относятся представители власти и нефтяных структур, прислушиваются соплеменники.

Московский этнолог и финно-угровед Ольга Балалаева имела возможность в течение долгого времени общаться с Иосифом Сопочиным:

– Иосиф был человеком глубоко и разнообразно одарённым. Дар Божий его, конечно, съедал. Потому что... дар заставлял его постоянно разбрасываться. Иосифу трудно было сконцентрироваться на чём-то одном. Зато уж когда он собирался – он превращался в петарду. Это было ядро, которое пробивало стены бюрократических кабинетов. Он, наверно, мог устроить. Иногда ему это удавалось. И, видимо, энергия удара, которая в Иосифе существовала, это и есть пассионарность, она и творит сейчас легенду Иосифа.

Иосиф был пассионарий. Пассионарии всегда рождаются временем. Одновременно они формируют своё время. Они придают ему цвет и запах. Иосиф, безусловно, влиял на климат в округе. Мы же видим, как растёт сейчас миф Иосифа, и в этом нет ничего дурного. Мне кажется, это прекрасное растение, которое нужно холить: земля нуждается в героях. Иосиф – один из тех людей, которые вполне могут стать мифологическими героями.

Оформление документов на общину затянулось на несколько лет. Ведь одно дело продумать идею, и совсем другое – суметь протолкнуть её через множество преград. К тому времени юношеские литературные увлечения сменило жёсткое политическое чтение: Иосиф знакомится с трудами бывшего генерального прокурора России Алексея Казанника, становится сторонником идей самарского губернатора Константина Титова и Егора Гайдара, стремится адаптировать всю российскую законодательную и экономическую практику к жизни на родной земле.

| Кадры из фильма |

И опять Иосиф станет неудобен. Уже привыкшие к лёгкой поселковой жизни, родственники не захотят возвращаться в лес, где давно уже нет ни дома, ни оленей... Зачем?

Рассказывает Аграфена Семёновна Песикова:

– По всему бассейну реки Тром-Аган была проведена огромная работа по перестройке психологии тромаганских хантов. Иосиф Антонович, практически, с каждым человеком переговорил, каждого старался убедить в том, что его с родовых земель никто не погонит, что ему нужно обустроить свои угодья... А когда возникла идея общины, даже его братья не верили ему вначале. Это потом, когда уже вплотную подошли к этой идее, обсудили со всех сторон... Сколько было споров, ссор, но, тем не менее, люди поняли, что один в поле не воин, нужно объединяться.

Столкнувшись с полной неразберихой в постсоветском законодательстве, Иосиф начинает продумывать собственную законодательную базу. Не «под», а «от» себя, от земли, от нужд будущей общины. Все свои накопленные к тому времени знания он вложит в Устав «Ханто».

Несколько лет спустя Государственной Думой России будет принят Закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», основой для которого послужит Устав сургутских

ханты, в нём впервые заговорят об общине как об органе самоуправления. А пока, воодушевлённый личным знакомством с Казанником, Иосиф бескомпромиссно спорит со всеми, доказывая необходимость создания уникального детища.

Весной тысяча девятьсот девяносто шестого по всему Тром-Агану застучали топоры. Люди стали возвращаться в лес, стали строиться. Тут-то и пригодился опыт работы в «Когалымнефтегазе». Средства на обустройство стойбищ «добывали» через коллективные экономические соглашения. Когда нужно было согласовывать установку на своих землях нефтяных объектов, собирались все вместе и тщательно обговаривали каждый нюанс до тех пор, пока не находили приемлемых для всех сторон вариантов. Потихоньку привыкали жить сообща.

А через полгода после регистрации общины появились и первые олени. Пятнадцать голов закупили в складчину: кто на средства с квартальных компенсаций, кто с продажи рыбы и ягод.

Глядя на успехи «Ханто», вернулись в тайгу, обзаведясь оленями, и соседи. Так на Тром-Агане зародилась новая жизнь.

Начали заниматься строительством и восстановлением избушек на стойбищах. К традиционным постройкам прирастали бани, гаражи для «Буранов», навесы для электростанций...

Вместе с избушками строили и кораль для оленей, потому что, вопреки всем неурядицам, мечтали о достойном будущем для своих детей...

Праздник оленевода вернулся на Нижний Тром-Аган вместе с оленями. Люди стали называть его «Праздник общины «Ханто».

Мы часто встречались в те годы с Иосифом. Праздник оленевода в национальном посёлке Тром-Аган был его мечтой. Он снова пытался растормошить своих соплеменников, не давал им быть пассивными зрителями, хотел, чтобы в них проснулось чувство собственного достоинства:

– Ну конкурсы всякие, вот зачем они нужны? Я бы хотел поощрить женщин, которые сами шьют, мужчины сами делают нарты, сами делают мордушки (традиционное приспособление для ловли рыбы, – прим. автора), и отметить их здесь всенародно, что вот – своими руками сделано. Допустим, женщина выводит свою семью, она красиво обшила мужа, сына, дочь, сама красивая... То есть, семейные конкурсы по изготовлению традиционной одежды, нарт, они стимулируют развитие такой жизни, которая нам присуща. Да и разговоров на целую зиму у нас, на целый год будет... Сейчас самое главное, я думаю, – сознание людей, которые были в безнадежном состоянии. Они, практически, все жили в посёлках, а сейчас стали возвращаться обратно, и видеть уже перспективу своей жизни. Завели оленей, построили дома, корали, и большую часть времени они живут на стойбище, на своей земле.

| Община |

| Начало новой жизни |

... Сейчас судьбоносное время. История семьдесят лет шла по одной линии. И при нашей жизни она сделала поворот. Мы сейчас находимся на этом повороте. Куда мы пойдём, что мы на этом повороте в те же законы вложим, как мы обустроимся, так мы и будем дальше жить...

**| И.А. Сопочин,
председатель общины «Ханто» |**

Они вошли в новое тысячелетие с хлебом, кровом и надеждой на то, что завтра всё будет хорошо.

А Иосиф уже снова думает о будущем. Первые успехи вселяют в него необычайное воодушевление и уверенность в собственных силах. Иосиф собирается заняться природоохранной деятельностью: расчисткой и укреплением берегов Тром-Агана, посадкой деревьев; мечтает открыть фактории, стойбищные школы, получить землеотвод и наладить охоту... Но главное – он затевает заняться общинным промыслом рыбы. Он уверен – его обязательно поддержат. Но...

– Вся проблема в том, – делился со мной Иосиф, – что средства производства в своё время были отданы предприятиям, которые не имеют никакого отношения к коренному населению. Они не выполняют своей основной задачи: не создают новых рабочих мест в деревнях. Они не оправдали этих надежд.

Нам же для того, чтобы катер купить или невод, деньги нужны. Если взять кредит – его отдавать придётся, мы тогда не сможем на ноги встать. А если бы нам дали это, допустим, в бесплатную аренду, мы бы отчитывались перед бюджетом, перед контролирующими организациями, что у нас в наличии, а когда время подойдёт – спишем это дело. Вот на таких условиях мы встанем на ноги... Но я думаю, что мы с властями всё-таки договоримся, и на следующий год ты будешь брать интервью у нас, например, в сентябре месяце, уже в бригаде на Оби...

По долгу службы чаще всего сталкиваться с Иосифом Сопочиным приходилось заместителю главы самоуправления Сургутского района Сергею Черкашину:

– Очень хорошие идеи, очень много. Сам Иосиф был как бы генератором, он, может быть, даже на шаг вперёд был своего времени. Поэтому частенько получал отказ: вот тут ты спешись – мы не дозрели. Тут – ну, давай попробуем... И вот пошла рутинная работа: по кабинетам к чиновникам надо ходить, там чего-то со сбытом надо придумать, там у нефтяников что-то выбить...

На рутину у него терпения не хватало. Ему бы помощников толковых, кто бы претворял эти идеи, ведь что такое по нашим коридорам ходить, организовать дело?! И потом – надо же ещё людьми заниматься: место организовать, заставить их работать, чтобы, например, когда путина идёт – не пили, работали в этот момент: день год кормит...

Вот это самое главное, по-моему: у него не хватало тех помощников, которые бы могли его идеи реализовать.

И всё же, это было хорошее время. Время, когда оживала надежда.

Летом двухтысячного Иосиф привёз нас на стойбища общины «Ханто», показать, как обустроились люди в лесу. Да и было чем гордиться: они ушли отсюда много лет назад. Теперь – снова вернулись.

Семён Данилович, двоюродный брат Иосифа, занимался оленями. Его жена, Нина Семёновна, как и положено хозяйке, хлопотала во дворе. Ещё не всё построил Семён Данилович, но уже дышала эта болотистая грива жизнью, уже обживало её небольшое стадо. Казалось, что даже олени ходили здесь по-особому, с гордо поднятыми головами. Они-то наверняка знали себе цену. Ну, а хозяева нового стойбища привыкали снова работать на себя. И им, похоже, это нравилось.

Иосиф с гордостью рассказывал мне об успехах общины:

– Человек преобразился. Мы не стали стадо делать общинным, у каждого свои олени. Я считаю, ни в коем случае не надо обезличивать, создавать всякие совхозы, колхозы, где всё общее и ничего «моего». Если нет ничего «моего», значит, он и работать будет спустя рукава. Поэтому у каждого свои... Вот Танюшка бегают, даже она знает каждого своего оленёнка...

– Иосиф Антонович прекрасно понимал, – продолжает Аграфена Семёновна Песикова, – что если каждая семья в общине обустроится, если люди будут стремиться, чтобы каждая семья жила лучше, то и общине тоже будет хорошо. Община «Ханто» – это не хозяйствующий орган, это орган самоуправления, то есть, люди сами управляют своей жизнью. Сами, как принято по обычному праву, строят свою жизнь.

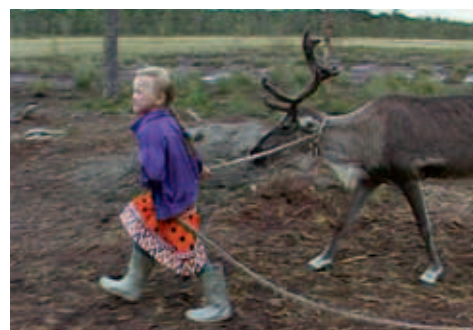
Осев на земле, общинники не торопились поспешать за стремительным шагом своего лидера. Они не хотели, да и не умели думать о будущем. Громоздкая и неповоротливая бюрократическая машина также не спешила навстречу непонятым, а главное, неудобным запросам реформатора-одиночки.

Иосиф же мог только критиковать и администрацию, и общину, и ситуацию, что она не такова в его видении будущего.

– Собственно, это была даже не критика, – вспоминает Ольга Балалаева, – а перманентное разочарование в том, что жизнь отличается от его представления, как всё должно быть. Иосиф ради дела был готов идти на любой риск, и его, безусловно, раздражало и разочаровывало, что все люди вокруг него, от односельчан до представителей власти, к риску были не готовы.

Иосифа же неодолимо тянуло в завтрашний день. Теоретически и на практике обосновав модель независимости общины «Ханто» на основе обычного права, он начинает внедрять и вовсе немислимую затею – модель совместного землепользования.

– Как я вижу совместное управление, – развивал Иосиф свою идею на встрече с представителями канадской делегации, посетившей Югру в начале 2002 года, – тут больше будет присутствовать управление государства, конечно. Юридически оформленные в настоящее время территории общинных родовых угодий,

скорее всего, останутся землями государственными, но находящимися в статусе традиционного владения.

То есть, кроме государства, там будет владелец родового угодья, или участка территории традиционного природопользования. Модель даже не то что частной собственности, а пожизненного владения вряд ли будет реализована. Менталитет государственных чиновников и тех стойбищных людей, которые там проживают, не позволит ввести частную собственность на эти земли.

Но, если произойдёт оцивилизация нашего чиновничьего аппарата в дальнейшем, на мой взгляд, это будет неплохая модель. На лучшее мы рассчитывать не можем. Такое, в общем, моё видение нашего будущего...

Лишь очень немногие знали, что к этому времени Иосиф был уже неизлечимо болен. Но изо всех оставшихся сил он продолжал тянуться в завтрашний день.

| Первый год без Иосифа |

В первую зиму после кончины Иосифа праздник общины «Ханто» готовили уже другие люди. Самим общинникам это оказалось не по силам. Как, впрочем, и многое из задуманного бывшим председателем.

Новый председатель запил, так и не вникнув в суть дела. Не сумев вовремя составить и отстоять бизнес-план развития общины в окружной программе, он на целый год оставил «Ханто» без дополнительных средств к существованию.

В ту зиму произошло много разных событий. Но люди общины не могли знать об этом. Они ещё не знали, что далеко отсюда уже решалась их судьба: принятый Правительством Российской Федерации Земельный кодекс напрочь перечеркнёт десятилетие борьбы коренной Югры за своё право на землю. В округе к тому времени будет практически ликвидирован институт родовых угодий, в столице отклонена ратификация Международной конвенции о правах коренного населения.

Летом две тысячи второго мы вновь отправились на стойбища общины «Ханто».

На этот раз нашим провожатым был старший сын Иосифа, Алексей.

Несмотря на доставшийся от отца добротный дом в посёлке, наличие в ассортименте современных технических средств, Алексей возвращался в тайгу, ибо своим настоящим домом считал отцовское стойбище.

Наш старый знакомый, Семён Данилович Сопочин, как и прежде, трудился, не покладая рук. Хлопотали и его родные. На узкой болотистой гриве выросло несколько новых построек. А вот настроение было уже не то. Разговор не клеился.

– Он многое, наверно, просто не успел сделать. Ну, а щас чё... Руководителя такого уже не будет. После его смерти, по-моему, заглохло всё. По крайней мере, я не слышу и не вижу, чтобы новый председатель что-то делал, предпринимал. Не чувствуется.

Накрапывал мелкий дождь, на другом берегу болотистого озера едва виднелось стойбище бывшего председателя.

Не опустеет ли вновь земля Нижнего Тром-Агана?

Прошли годы. Нынешний председатель общины «Ханто», Михаил Данилович Сопочин, говорит о сложностях, но я вижу: община существует. Люди по-прежнему живут в лесу, по-прежнему пасут оленей. «Правда, народу поубавилось, поумирали, и среди молодых тоже...»

Сын Иосифа Антоновича, Алексей, погиб в автокатастрофе в 2007-м. Его младший брат, Антон, ушёл из жизни двумя годами раньше: «Сердце остановилось. На машине подъехал к магазину, что-то купил, потом на несколько шагов отошёл от крыльца и упал. Все подумали, что он пьяный был, и никто не подошёл. И только через два часа позвонила продавщица в «Скорую», что вот, человек лежит, а когда все пришли, его уже нельзя было оживить». Умер от рака и Семён Данилович Сопочин...

И тем не менее... Никто из вернувшихся вслед за Иосифом в лес в конце девяностых, за эти годы обратно в деревню не ушёл. Наоборот: семьи отстроились, имеют по несколько стойбищ, что называется – снова выросли корнями в землю.

Правда, пожары 2012-го существенно урезали площадь и здешних пастбищ. Особенно пострадали зимние, сохранились лишь островки маленьких боров, где ещё остался ягель. «Хорошо, что «ЛУКОЙЛ» обеспечивает коренных жителей комбикормами, отсюда что-то берём, потом сами готовим порсу, сушёную рыбу для оленей, по-всякому выходим из положения. А следующий ягель в этих местах отрастёт лишь через 30 лет...»

Размещение нефтяных объектов и коммуникационных коридоров по родовому угодью – это самая большая проблема, которую сегодня решает община: «Если по одному сломают людей и неудобно проведут ту же дорогу, то пиши пропало, – можно снова с лесом прощаться».

Община «Ханто»: тринадцать лет спустя

Сегодня члены «Ханто» крепко держатся за общину, понимают: общими силами они могут сказать «нет» или «да». «Иначе жизнь бы дальше просто-напросто не пошла», – говорит Михаил Данилович. Вспоминают сейчас, как никто не верил тогда, в 97-м, когда первых оленей покупали и первый кораль строили, что можно будет снова в лесу традиционным хозяйством жить.

Президент

История Степана Кечимова

Со Степаном Антоновичем Кечимовым, президентом Союза оленеводов-частников Югры, мы встретились в двухтысячном году. Он только что принял президентскую эстафету от Юрия Вэллы (тот просился в отставку: «За оленями надо смотреть»).

Так же, как и Иосиф Сопочин, в молодости он успел поработать «во власти», но принял решение вернуться в тайгу. Отрывки из интервью со Степаном Кечимовым я прилагаю почти без изменений, потому что до сих пор чувствую ту энергию, которая звучала в его голосе, в его душе.

...– Тяжело работать с недропользователями, потому что экономическое соглашение, оно по-любому скользкое. Пункты, которые там оговорены, кажутся вроде все решаемы, но когда доходит до реальной жизни – они очень сложными становятся. Сложновато с нефтяниками жить на одной земле. Вроде наши владения, а угодыя с каждым годом всё уменьшаются и уменьшаются.

Отношения нашей семьи с первопроходцами начались в конце восьмидесятых, только-только разведка пошла, геологи, буровые начали ставить. Были лишь железная дорога и зимники, никаких бетонных и асфальтовых дорог не было.

Первый договор? На моей памяти это было так.

Была зима. Мне тогда было лет 25-26. Ехали мы куда-то со своими сородичами. Видим – дорога идёт, вездеход едет... Потом месяц-другой прошёл, смотрим – уже буровая встаёт, километров четыре-пять от дома. До этого-то тоже буровые были, возле дома прямо – мы молчали, а тут слышим, что какая-то перестройка началась, возмущение пошло, вот тоже рискнули.

Поехали мы туда с родственниками на нартах. Подъезжаем, самый старший, мастер, нас встречает: «Чего, ребята, хотите?» Мы говорим: «Мы хозяева этой земли». А он нам: «Вы-то хозяева, но у нас работа такая, нам родина команду дала – надо нефть добывать. Сейчас не знаю пока, есть здесь нефть, нет ли, но мы исследуем ваши земли». Мы тут и говорим: «Мы тоже хотели бы иметь какую-то долю, компенсацию. Сахар, чай, муку... уже не говорю про бензин, например». Мастер нам тогда говорит: «Лично я вам ни хлеб, ни сахар, ни чай не смогу дать, я вас как бы не знаю. Знаю, что вы оленеводы, охотники, рыбаки, сами добывайте, сами продавайте». Мы говорим: «Да нет, тогда мы, наверно, возмутимся».

Не ругались, нормально всё было, конфликтов никаких не было. Буровой мастер нормальный мужик попался.

Помню, первое коллективное заявление написали начальнику в Сургут. Он сам посоветовал, как написать. Мы написали, дату назначили, говорим: если не приедете такого-то числа, мы чум поставим и будем бастовать. Это в те годы, по-моему, у сургутских была практика.

Но до этого не дошло, наше заявление рассмотрели, нас сразу же пресса атаковала тут, в Тром-Агане...

Отвоевали мы, сейчас смешно говорить: мешок сахара, мешка три-четыре муки, какие-то там баранки-сушки, про бензин даже речи не шло, если шло, то бочки две от силы. Масла, может, литров десять дали, но для них тогда это большая сумма была, нефти-то ещё не было. Вот такое наше первое общение было.

Сушки-баранки свои мы, конечно же, не сразу получили. Рассматривалось это всё сначала с руководителями геологическими, с нашими представителями, и потом только через какое-то время они нам это всё на буровую привезли. Это был разовый случай, чисто символическая победа.

Я считаю, что в моей личной жизни с этого мешка сахара и трёх-четырёх мешков муки и началась та самая перестройка. В смысле, что про бензин начали говорить, про масло, про какую-то компенсацию...

Уже потом появились снегоходы, лодочные моторы... Тяжело этого всего добивались. Доказывать тому же недропользователю и представителям власти всё надо было, никому не хотелось делиться с коренными жителями...

– А как ваш род, один из немногих, кстати, несколько поколений умудрился жить на одном месте, не уезжая от нефтяных разработок? Вы же обложены со всех сторон?

– Полностью обложены. Оккупированы, можно сказать. Живём среди железной дороги, кустов, бетонок... Я сегодня имею 40-50 голов оленей и держу их полностью в корале (загон для оленей, – прим. автора). Больше стадо поднять я просто не смогу, потому что у меня нет запасных пастбищ, и я задумываюсь, как завтра буду жить. А я хотел бы, чтобы у меня ещё и дочка род продолжила. Но сегодня я не знаю, как она будет жить по-другому.

– С того самого первого мешка муки и «выборов в начальники» думали о том, как начинать строить свои отношения с нефтяниками?

– Тогда у нас не было никаких мыслей по этому поводу. Муку дали, сахар дали, да и разъехались. Уже победа. Это потом, когда у соседей моих народу пришло всё больше стало появляться, уже не геологи, нефтяники пришли – появились официально какие-то договорные отношения с коренными жителями. А после восьмидесятых пошли родовые угодья, уже начали заниматься делением и распределением земель, формированием юридической базы... Ведь не только мы начали возмущаться, волнато по всему округу пошла. Тогда все, в том числе и руководители, начали задумываться и о каких-то договорных отношениях. Больше всех доставалось, и сейчас достаётся, Нижневартовскому и Сургутскому районам. Сейчас тоже есть конфликтные ситуации, но они решаемы. А вот в те времена были очень жёсткие перемены, тогда, действительно, я считаю, переломные годы были.

Все это уже чувствовали, душой знали, да и по легендам, по сказкам – старики давно об этом говорили. Мне тоже и отец, и дед рассказывали, что вот сегодня живёт-живёт человек, а через какое-то время человеческий разум полностью перейдёт на другое: «скоро совсем по-иному будете жить. Появятся железные лодки, железные сани, огненные машины, у вас всё железное будет. От деревянного вы перейдёте к другому. У вас, может, скоро будут золотые лодки. То есть, у вас через года, через века всё поменяется...»

Мы и то сейчас живём, у нас всё другое: вот эти люди, эти моторы, вездеходы гудят, у нас уже всё идёт по другому пути в жизни. Действительно, мы к этому и приходим. То есть нас, получается, исподволь к новой жизни готовили наши сказки, легенды,

шаманы наши... Всё это осуществилось, и я, действительно, верю всем этим иносказаниям, которые раньше были.

Ещё говорят старики: «Такое будет на вашей земле, что вы скоро, люди, друг на друга пойдёте. Брат, сестра друг на друга пойдёте». И действительно, оказывается, я сейчас про баптистов говорю, про пятидесятников, оно к этому и пришло. Сегодня брат с братом родным уже не здороваются. Потому что один из них баптист, а другой до сих пор верит своим лесным богам, то есть, до сих пор остаётся в своей вере. Вот и к этому пришли, оказывается.

Это всё люди говорили из других веков, которые даже в глаза не видели ни снегоходов, ни буровых.

Не знаю, ума не приложу, откуда они это всё знали. Мы, когда молодые были, думали – о, это всё шутки, сказки. Сегодня оказывается, что правда. Были же какие-то ясновидящие, дальновидящие, а дальше один другому скажет, – и пошло, и поехало...

Я, действительно, не мог поверить, что, по рассказам этих людей, «настанет время, вы друг с другом не будете здороваться, вы врагами будете». Все думали: да ну, перестань, сидим, смеёмся, а сейчас это правда...

| г. Когалым | 2000 год |

| Фото Георгий Корчёнкин |

Я люблю Лаппи

Путевые заметки

18 декабря 2002 года в Ханты-Мансийске состоялся Пятый съезд оленеводов Югры. Его участниками стали 32 делегата, оленеводы из пяти муниципальных образований округа. Участвовали в форуме и члены правительства, руководители разных рангов, представители нефтяных структур, учёные, общественные деятели... А начался съезд с просмотра видеоприветствия президента Союза оленеводов мира Йохана Матиса Тури. Я расскажу о том, как добывала в Норвегии это пятиминутное видео.

Летом 2002 года мне позвонил Юрий Вэлла и сказал буквально следующее: «Слушай, меня тут пригласили в Финляндию, на кинофестиваль первых (малых, – прим. автора) народов мира. Он будет в ноябре в Турку. Но я не могу в ноябре поехать, мне нужно за оленями смотреть, ноябрь – тяжёлое время для стада. Езжай ты, всё расскажешь и покажешь там про нас...»

Так я впервые попала в Финляндию. Позже она, как я и мечтала, станет моей «рабочей» страной: вот уже много лет я езжу туда «рассказывать и показывать». Но та, первая поездка, запомнилась мне особенно.

Поезд Москва-Хельсинки. Даже не верится, что, наконец, еду в образцовую страну оленеводов-фермеров и родину Санта Клаусов – Лапландию (местные жители зовут её ласково – Лаппи). Каждая ель за окном предвещает праздник. Ещё не въехав в эту страну, я точно знаю, что люблю её.

Столица Лапландии – Рованиemi. Считаю, что мне повезло – мой переводчик, политолог и финноугровед, а в дальнейшем и просто надёжный и хороший друг Пекка Кауппала, не только знает несколько иностранных языков, он прекрасно знаком с разными «нужными» людьми: министром иностранных дел Финляндии, судьёй Лапландии, председателем саамского парламента...

| Цена вопроса о земле по-фински |

Лаппи – это северная часть Финляндии. Сравнивая процессы, которые происходят в этом краю оленеводов, я понимаю, насколько мы близки. Только путь, которым мы пытаемся идти сегодня, они уже прошли.

– Сам по себе вопрос собственности на землю не так важен для саамов, – рассказывает председатель саамского парламента Пекка Айкио, – но хозяин земли решает, как ею пользоваться, и вот тут возникают непреодолимые разногласия. Власти стали распоряжаться землёй так, что вытесняются традиционные промыслы хозяев этой земли – древних саамских родов. Сегодня активно ведётся вырубка леса, создаются искусственные водоканалы, в целях поиска минералов изменяется ландшафт. В лесах, чтобы уничтожить вредных насекомых и поддерживать необходимое качество древесины (ведь это главное богатство страны), распыляются химикаты, повсюду строятся большие туристические центры...

В Финляндии, так же, как и у нас в Югре, до сих пор нет методики определения ущерба. Статью 169 Международной Конвенции о правах коренного населения, где говорится о том, что земля принадлежит тем этническим группам, предки которых жили на ней, здесь знают наизусть. Но Финляндия не ратифицировала этот документ (как, впрочем, и Россия). Поэтому все финские и саамские оленеводы проголосовали за вступление Финляндии в Евросоюз. Для них Евросоюз – гарант того, что Финляндия не будет угнетать национальные меньшинства.

– В составе большого Евросоюза не может быть интереса угнетать саами, – говорит Пекка Айкио, – но в национальных рамках пока это, к сожалению, происходит. Уже в 1995 году Евросоюз признавал право страны передавать особые привилегии местным оленеводам через национальное законодательство, но Финляндия не торопится воспользоваться этими привилегиями. Государству это невыгодно, а у саамских племён не хватает пока ни сил, ни лидеров, чтобы борьба за свои права принесла положительные результаты.

| Община |

К моему удивлению, оказывается, что саамские оленеводы сегодня становятся одним из самых бедных и озлобленных слоёв общества. Потому что в стране с лучшей в мире системой образования, медицинского обслуживания, с одной из самых современных систем связи, с концерном «Нокиа» и множеством других достоинств отсутствует одно: гуманность государственной политики по отношению к коренному населению. Жёсткие условия выживания в мировом сообществе и поддержание собственного статус-кво на мировом рынке заставляют страну, подчас против воли, всё больше коммерциализировать лесную промышленность и развивать туризм.

Тундровые пастбища Северной Лапландии расположены в трёх километрах от норвежской границы. Вот уже много лет здешние оленеводы не носят национальной одежды и не провожают души своих оленей в Верхний мир. Но традиции ими всё же не забыты. Наш сопровождающий, Клеметти Няккялярви, из древнего оленного

рода. В лучшие времена стадо его отца достигало двух с половиной тысяч голов. Но сам Клеметти в оленеводы не пошёл, решил стать учёным. Тема его докторской диссертации – «Оленеводческая культура саамов». В стаде общины, в которую мы направляемся, пасётся его единственный олень.

Всего в Финляндии около двухсот двадцати тысяч оленей (в Югре, для примера, – 37 тысяч). Содержат их 76 общин. В той, куда мы едем, 156 глав семейств. Лишь 60 из этих семей могут прожить полностью за счёт оленного хозяйства. Остальным приходится подрабатывать. Могли бы увеличить поголовье оленей, но не позволяют ограниченные пастбища. А Министерство сельского хозяйства в Хельсинки решает, сколько оленей может иметь та или иная община.

Ещё 50 лет назад саамские оленеводы, так же, как и оленеводы Югры, с недоверием относились к созданию общин. Сегодня на территории Финляндии нет частных хозяйств. Ежегодно члены общины платят членские взносы, по 5 евро за каждого из своих оленей. В результате годовой бюджет общины составляет 50 тысяч евро. На что уходят деньги? На зарплату освобождённому председателю, на полставки секретарю... Спецодежду и снегоходы каждый покупает сам. Дело в том, что саамская община не имеет права вести собственный бизнес – так написано в законах страны.

Финская община не имеет права копить, аккумулировать деньги. Их обязательно нужно использовать в течение расчётного года. Община не имеет права ни на прибыль, ни на дефицит, а это не так-то просто – всё правильно рассчитывать. У Анти, председателя нашей общины, это пока получается.

Председатель общины здесь избирается раз в 4 года и получает почётное звание «Хозяин оленей». Анти – хозяин десяти тысяч оленей. Вот уже 12 лет он исправно ведёт дела общины, отмечая, что звание председателя не только почётное, но и очень ответственное. Анти в ответе за всё: и за дисциплину, и за бюджет, и за оленей. Он гордится тем, что за 12 лет в его общине не было ни одного уголовного преступления, что животные, доверенные ему, не едят искусственный корм. Используя традиционные знания своих предков, здесь умеют правильно пасти оленей, и в ближайшем будущем не собираются, как многие «туристические» общины, кормить их сеном и демонстрировать всем желающим, как коров в загоне. К тому же, строительство многочисленных мотелей и спортивных комплексов разрушает экологию и пастбища. В общем, чего греха таить, слово «турист» для финских и саамских оленеводов такое же ругательное, как для наших – «нефтяник».

– Я уже на пенсии, – рассказывает старейший и самый опытный член общины, Аслак Маккеле, – в общем стаде ходят двести моих оленей. Жалко, что когда я умру, их придётся пустить под нож. Сыновья не хотят заниматься оленеводством, говорят, неприбыльное это дело. Лучше заниматься бизнесом, обслуживать туристов, устраивать им сафари на снегоходах...

| Хозяин оленей |

Когда старый оленевод рассказывал мне свою историю, он всё время открыто улыбался, от этого история становилась ещё печальнее.

| Король-олень |

С Йоханом Матисом Тури, президентом Союза оленеводов мира, мы встречались несколько лет назад на Всемирном Конгрессе оленеводов мира в Надыме. Зная, что он живёт где-то рядом с Лапландией, спрашиваю у переводчика, возможно ли с ним встретиться. Сделав пару звонков, Пекка отвечает, что Йохан согласился принять нас. И мы мчимся в Норвегию.

Едем на такси. Над нами – потрясающее северное сияние, вокруг – полярная ночь. Дорога узкая и извилистая. Слева – почти отвесные горы, справа, глубоко внизу, – море. Четверо финских мужиков – Пекка, Анти, Клеметти и водитель – от всей души поют «Катюшу» на русском языке, а в фары машины то и дело попадаете какая-нибудь живность: то лиса прямо на середине дороги поедает куропатку, то песец трусит вдоль обочины, а однажды прямо перед машиной дорогу перебежал лосёнок. На этот раз повезло и нам, и лосёнку. Чаще, рассказывают мои сопровождающие, бывает наоборот. Либо лось серьёзно помнёт машину при ударе, либо машина соьёт животное насмерть. Но если в Скандинавии водитель, сбив лося или оленя, сам добровольно направляется в полицейский участок, чтобы рассказать, на каком километре сбил и оставил животное, какая метка была у него на ухе (если это олень), и заплатить соответствующий штраф, то у нас, к сожалению, бывает наоборот (вынуждена я признаться своим спутникам): там, где начинаются новые нефтяные разработки, строятся дороги, олени часто перебегают дорогу, ведь это их тропы. Но вместо того, чтобы нажать на тормоз, наши водители почему-то давят на газ. Бывали случаи, когда по дороге на съёмки водители машин рассказывали мне, как во время поездки по месторождению начальство просто отстреливало оленей прямо из машин, ради забавы.

Моим спутникам такие истории кажутся варварством. А ведь я ещё не рассказала о том, как в наших краях охотятся на домашних оленей с вертолётов...

Но вот мы приехали. Йохан с помощниками только что вернулся с гор, там они собирали стадо. В быту – простой оленевод, очень похож на наших. Старый рабочий свитер, очень усталый вид... Язык не поворачивается предложить ему причесаться перед съёмками: ну до того хорош!

Он никогда не был на русском Севере. Самый важный вопрос, который ему сейчас приходится решать, – это международный рынок сбыта оленины (в Финляндии, Швеции, Норвегии – самое современное оленеводство). Йохан пробует вести переговоры о создании современной стратегии маркетинга. Оленина – это очень хороший продукт, экологически чистый, средняя стоимость её в Скандинавии на 20 процентов выше, чем стоимость мяса других животных, и он хочет, чтобы она стоила ещё дороже.

Попутно Йохан замечает, что приглашён на наш съезд оленеводов-частников, но, к сожалению, не сможет приехать: должен перегнать собственное стадо. Моя душа ликует – значит, у меня будет эксклюзивное интервью. Для нас у Йохана есть всего 15 минут (расположившиеся поодаль члены общины собираются ужинать). Рассказываю ему о наших проблемах: уходит земля, теряем пастбища...

– Оленеводы всего мира теряют пастбища, – говорит Йохан, – это очень серьёзная проблема. Единственная возможность сохранить их – расширять права коренных жителей. Считаю, что консенсус между природопользователями и оленеводами возможен, нужно только первым уважать вторых. Думаю, это одна из проблем: люди не понимают, насколько сильно оленеводство зависит от пастбищ...

Своей стратегией Йохан Матис Тури считает более тесное сотрудничество с учёными. Среди оленеводов сейчас появляется много образованных людей. Очень важно, чтобы их становилось как можно больше – тех, что на любом уровне смогут постоять и за себя, и за род, и за весь народ.

Напоследок президент Союза оленеводов мира просил передать оленеводам Югры следующее:

– Я не хочу давать советов, но единственное, в чём я уверен, – необходима кооперация, объединение всех оленеводов мира. Я желаю вашим оленеводам не опускать рук и добиваться этого объединения в будущем. Мы все обладаем большими знаниями о выживании в таких сложных климатических условиях, они накапливались тысячелетиями. Я считаю, что эти знания были бы хороши и для остального мира. Так что впереди у нас у всех много работы...

У меня впереди тоже много работы.

Основной целью моей поездки в Финляндию было участие в уникальном кинофоруме – фестивале фильмов коренных народов мира. Организатор фестиваля – общество в защиту народов, находящихся под угрозой уничтожения, «Первые народы». Люди, приехавшие сюда со всех концов земного шара, рассказывали о проблемах соплеменников, и слушатели получили возможность соприкоснуться с этими проблемами. Цель фестиваля – способствовать положительному решению этнических проблем путём демонстрации специально подобранной кинопрограммы, распространения опыта, информации, проведения дискуссий.

– Просмотрев документальные фильмы из Югры, мы сделали вывод, – рассказывает основатель общества и один из организаторов фестиваля Харри Фрилунд, – что слишком мало знаем о проблемах коренных народов Сибири, которые, в общем-то, близки финнам. Хотелось бы, чтобы информация оттуда поступала к нам регулярно, чтобы можно было как-то на неё реагировать и формировать общественное мнение (кстати, вопрос «А что мы можем для вас сделать?» звучал во время фести-

| Фестиваль |

валя довольно часто). И если наша совместная работа продолжится, это было бы для нашего общества очень важно. Мы должны больше рассказывать о таких людях, как Юрий Вэлла, которые могут бороться за свои права и отстаивать их. Если учесть, что 50 процентов нефти в Финляндию приходит из Западной Сибири, мы просто обязаны помогать этим людям, и такого типа документальные фильмы нужно пропагандировать как можно больше, во всех странах Скандинавии...

С тех пор мои фильмы стали постоянными участниками этого фестиваля, а я – постоянным корреспондентом журнала «Ensimmaiset kansat» («Первые народы»), который вот уже много лет выпускает это общество.

За четыре дня форума – одиннадцать встреч, диспутов, интервью и круглых столов! Переводчики не выдерживали труднопроизносимого и непривычного для них текста, в котором то и дело встречались такие понятия как «родовые угодья», «недропользователи», «территория приоритетного природопользования»... Там, в Турку, состоялась и моя первая публичная лекция – сорок минут простояв у доски с картой, я говорила, буквально, не останавливаясь.

Во время общения с гостями из других стран я узнала, что у нас много общего. Например, Хуан Сантос, индеец из племени кечуа (Перу), рассказал о том, как их племя боролось с алкоголизмом:

– Одной пьющей семье мы дали камеру, и в течение недели члены этой семьи снимали друг друга. Затем съёмки показали на совете старейшин, и племя решило (!) больше не употреблять импортных марок алкоголя, пить только свой, доморощенный продукт.

А всемирно известный финский документалист Марку Лейхмускале, много снимающий на ненецкую тему, рассказал, что местные жители не любят пессимистичных картин, они всегда хотят, чтобы у фильма было хорошее окончание.

На одном из диспутов вновь зашёл разговор о ратификации Конвенции о правах коренного населения. Председатель собрания, юрист, приводит примеры из истории Никарагуа, Канады и Лапландии, где народ боролся за свою землю и победил.

| Камень преткновения |

Вернувшись в Сургут, я узнаю, что именно в это время, в конце ноября 2002-го, в Москве состоялся круглый стол на тему «Перспективы ратификации Российской Федерацией Конвенции МОТ №169 «О коренных народах». В нашей стране к народам, интересы которых защищает этот документ, относятся коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Позже мне удастся ознакомиться с материалами этого заседания. Оказывается, что на сегодняшний день многие положения Конвенции вступают в противоречие с местным законодательством. Например: Конвенция закрепляет права собственности и владения на земли, которые занимают коренные народы. А в пункте 3 статьи 8 Конституции Российской Федерации не предусмотрено закрепление прав собственности на землю по этническому признаку.

Много препятствий для ратификации Конвенции в федеральном законодательстве. Но, оказывается, в окружном – ещё больше. Вот вывод представителей правительства Югры: «Норма Конвенции о праве собственности на землю коренных малочисленных народов (КМН) (п.1 ст.14), в целом являющаяся прогрессивной и законной по своему характеру, в условиях хозяйствования коренных малочисленных народов российского Севера является неприемлемой (при её исключительной полезности для коренных народов, ведущих своё хозяйство в несырьевых регионах). Другие положения и нормы Конвенции (помимо тех, что касаются земельных отношений) крайне необходимы к принятию и осуществлению».

Вот уж где не раз вспомнишь о таких как Иосиф Сопочин, Юрий Вэлла! Как сегодня Югре необходимы люди, которые могут доказать и доказывают, что они умеют хозяйствовать на своей земле, что им лучше знать, какие законы нужны сегодня, чтобы сохранить не только землю, но и народы, на ней живущие!

...Рассказывая о проблемах, с которыми приходится встречаться нашим оленеводам, о том, как формируются отношения между коренными жителями и нефтяниками, комментируя фильмы о Юрии Вэлле, постоянно сталкиваюсь с искренне заинтересованными глазами, отвечаю на многочисленные вопросы, и в который раз не перестаю удивляться: ну почему этих людей так сильно это интересует?! И почему эти миры не пересекаются, а продолжают существовать параллельно и независимо: мир большой и бесчеловечной политики и мир маленьких, но таких настоящих людей?

Как же я люблю тебя, Лаппи! И я обязательно ещё не раз приеду к тебе...

Вдохновлена в те годы была не только я. У коренного народа Югры появилась надежда на хорошее, стабильное будущее.

| Хельсинки - Турку - Рованиemi
- Саданкюля - Сургут
| ноябрь | 2002 год |

| Фото Ева Тулуз |

Немного истории

В апреле 1995 года в Югре разработан и вступает в силу Устав Ханты-Мансийского автономного округа. В Уставе прописано избрание в Думе округа Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера. В первый состав Ассамблеи вошли 6 человек, в их числе президент ассоциации «Спасение Югры» Татьяна Гоголева.

Отныне целых двадцать лет всего несколько человек будут вести горячий, непрекращающийся диалог с правительством, нефтяными корпорациями и даже федеральными законодателями, защищая основу исконной жизни своих соотечественников.

Первое, к чему приступает только что сформированная Ассамблея, – создание законодательной базы, юридически закрепляющей права коренных народов Югры. Формируются программа обеспечения жильём и программа трудоузанности, один за другим создаются документы, стимулирующие образование общин, сохранение и развитие фольклорного наследия, родных языков... Но в первую очередь пытаются уберечь землю, основу традиционной жизни.

Несмотря на то, что система договорных отношений между недропользователями и коренными жителями продолжает развиваться, территории, позволяющие

вести традиционный образ жизни: пасти оленей, рыбачить, охотиться – неумолимо сокращаются.

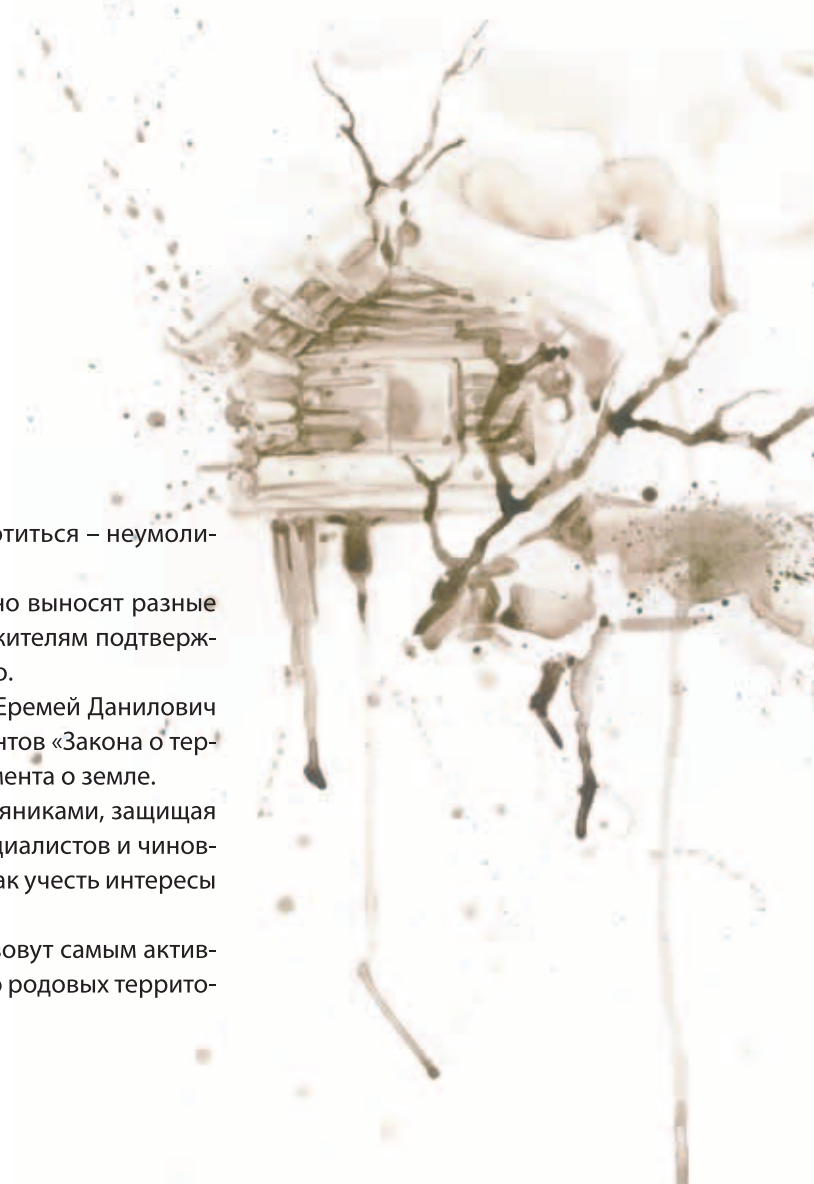
На заседание окружной Думы депутаты Ассамблеи неоднократно выносят разные концепции законопроектов, которые позволили бы коренным жителям подтвердить свои права на земли, где они ведут своё исконное хозяйство.

С 2001 года бессменным руководителем Ассамблеи становится Еремей Данилович Айпин. В течение шести лет Думой округа обсуждается 12 вариантов «Закона о территориях традиционного природопользования», главного документа о земле.

Пока где-то в тайге родовики набираются опыта в спорах с нефтяниками, защищая свои реки и пастбища, в далёкой югорской столице десятки специалистов и чиновников самых разных уровней решают очень непростую задачу: как учесть интересы всех сторон.

Спустя двадцать лет именно этот период в жизни Ассамблеи назовут самым активным в области законотворчества. В это время увеличится и число родовых территорий: с 454-х до 475-ти.

Я же продолжаю собирать истории.

Женщина с характером

История Раисы Тэвлиной

На северо-восточной окраине Сургутского района, на самой границе с Ямалом, расположено родовое угодье под номером 31. Здесь живёт женщина, имя которой в начале двухтысячных было на слуху и у недропользователей, и у власти. Это Раиса Ивановна Тэвлина.

Родная река Раисы Ивановны – священный Тром-Аган. Сколько себя помнит, вся молодость с этой рекой связана. Она родилась в начале войны, сразу же после того, как забрали на фронт отца. Семье повезло, отец с войны вернулся. Приехал по осени, в шинели, как чужой русский мужик, она тогда сильно испугалась. А через пять лет отец умер от ран.

Ещё помнит Раиса Ивановна, как играли с сестрой отцовской воинской книжкой. Корочка у неё была красная, яркая. Позже она узнает от матери, что в книжке были записаны все фронтовые заслуги отца: отметки о медалях, об участии в военных действиях в Японии... Но какое это тогда, в голодные послевоенные годы, имело значение? Гораздо важнее для них был кусок хлеба. Во время войны за оленя давали мешок муки. А оленей у Тэвлиных всегда было много: отец был оленным человеком, удачливым оленеводом. Поэтому ни во время войны, ни после семья особо не голодала. «С хлебом были», – рассказывала мне Раиса Ивановна.

Вот уже семьдесят лет скоро будет Раисе Ивановне, а стадо и у неё, и у сестры ещё от тех, отцовских, оленей. Да сёстры и сами не бездельничали: сызмальства трудились вместе с матерью, не покладая рук.

Закончив семилетку, Рая робко выразила желание выучиться на врача, но мать учиться не разрешила. Так и осталась при хозяйстве, при стаде. Потом вышла замуж, дети пошли... Вот и вся немудрёная биография.

Когда на Тром-Агане появились первые отряды нефтедобытчиков, у Тэвлиных никто не спрашивал, можно ли здесь поставить буровую, провести разведку. Пришли, поставили, провели. Тэвлины, как и многие другие, молча, без скандалов, поднялись с обжитых мест и увели стада далеко на север, на реку Пихтовую, что на границе с Ямалом. Хотя сам Андрей Тэвлин был из семьи небогатой, получив в приданое добротное стадо невесты, голов не растерял, а приумножил. Семья была крепкой, работающей, дети подрастали толковыми и дружными: за каждым к тому времени уже были определены свои олени, лениться было некогда. Поэтому на новом месте тоже зажили безбедно.

Раиса Ивановна совсем не жалеет, что полжизни прожила в лесу. Только вот детям и внукам всё настойчивее твердит: «Учитесь, время сейчас другое, авось пригодится». Старшая дочь Татьяна совета послушалась, поехала в Ханты-Мансийск, «на учителя». Отучившись, вернулась в Русскинскую, преподаёт в школе родной язык. Младшая, Елена, учиться не захотела, осталась в лесу. Ещё есть у Раисы Ивановны четверо сыновей и одиннадцать внуков. Правда, из сыновей лишь младший, Алёша, закончил десятилетку. Хозяйство ведут добро-совестно, и в охоте удачливые.

Так что Раису Ивановну вполне можно бы считать женщиной весьма состоятельной: у неё есть олени, главное богатство каждой хантыйской семьи, земля, где она может этих оленей пасти, и сыновья, которым она впоследствии передаст и землю, и оленей, во имя продолжения рода. Но... Если стадо в несколько сотен оленей – понятие вполне реальное, то вот земля для Раисы Ивановны в годы нефтяного освоения всё больше становилась субстанцией расплывчатой.

Чем больше стадо – тем больше необходимо ему чистой земли, на которой растёт вкусный мох, ягель, основная пища оленей. С приходом буровых чистой земли остаётся всё меньше, поэтому с тех пор, как появились на этой земле нефтяники, ещё больше приходится работать Раисе Ивановне, объезжая местное начальство на предмет «аккуратного природопользования». Тэвлины и для нефтяников, и для власти всё равно что Гринпис. И уважают они её, и боятся: а ну как не подпишет к разработке очередной объект, застопорит выполнение задач государственной важности!

Дело в том, что несколько лет назад и в этих местах сейсморазведка доложила о наличии чёрного золота. За 10 миллионов долларов лицензионный участок Верхне-Надымской площади был приобретён на тендере нефтяной компанией «Сургутнефтегаз». Стали бурить разведочные скважины, и тут хозяйка сказала «нет»: под буровые попадает последнее место отёла оленей, а также святилище.

Кризисная ситуация затянулась на два года. В гости к Тэвлиным потянулись многочисленные делегации. Но Раиса Ивановна – женщина ещё и дальновидная: уступи она сейчас нефтяникам и этот кусок земли, идти ей с сыновьями будет некуда. Поэтому всем гостям она с завидным упорством отвечала отказом.

А поскольку законодательный кодекс в отношении недропользования претерпел в последние годы существенные изменения, то голос Раисы Ивановны возымел вдруг чудодейственную силу: к нему уже не имели права не прислушаться.

Могущественная нефтяная компания, один из лидеров России по годовому объёму добычи нефти, оказалась заложником разночтений в законодательстве. С одной стороны – пакет документов региональных, защищающих права коренных жителей на землю, с другой – разрешение федерального уровня на производство работ на этой земле.

В тот раз нефтяники вывезли буровые установки со спорных участков. Мало того, «Сургутнефтегазу» грозила потеря лицензии за невыполнение обязательств перед государством. Но, как показывает практика, – если нефть есть, то найдётся и нефтяная компания, которая её добудет. Ох и страшно же было Раисе Ивановне в те годы! Долго ли удастся удерживать ей и её сыновьям за собой столь дорогой участок земли?

– Я их категорически сюда не пущу, вот если придут, то я первый трактор или первую машину – всё равно не пропущу. Встану на это место на оленях или на снегоходе, пусть меня задавят!

Ничего от них не надо. Я бы без них, без их помощи жила бы – сама сколько рыбы бы поймала! А денег ихних, две тысячи в квартал, – это что, разок в магазин сходить? А остальные три месяца голодом сидеть? Я у них ничего не просила. Кроме земли, ничего мне не надо, и снегоходов ихних не надо, ничего...

Мне кажется, я до сих пор чувствую то время, время надежды и свободы, смешанное с отчаянием и решимостью...

Парадокс, с точки зрения нефтяников, заключается в том, что недропользователь, покупая лицензию на поиск, разведку или добычу полезных ископаемых, не получает от государства гарантии того, что он может производить работы на данном участке. Мало того, Югра, уже к началу двухтысячных имея за плечами десятилетнюю практику добровольных взаимоотношений, и сегодня, уже в законодательном порядке, подталкивает его, недропользователя, к самостоятельному решению проблем с родовиками, чего ему, недропользователю, очень бы не хотелось.

Итак, нефтяникам в то время предстояло самостоятельно договориться с Раисой Ивановной о цене. Чётко отработанные в отношении других экономические соглашения со стандартным компенсационным набором своей силы не возымели. Но перед более серьёзными дарами хозяйка земли всё же не устояла: по условиям выдвижения лицензионного участка на тендер для её семьи было предложено построить два дома в той же Русскинской (на что нефтяники безоговорочно потратили ещё 9 миллионов рублей). Дома Раиса Ивановна определила семьям Татьяны и одного из сыновей, Олега.

Памятуя о том, что если нефть пошла, её не остановишь, а стало быть, вполне возможно, что когда-нибудь они всё же останутся без земли, Раиса Ивановна стала хлопотать о квартире и для Саши. Это за ту разведку, которая будет проводиться на наименее необходимых для стада участках земли.

Сделала она в те годы и ещё одно приобретение: за то, чтобы другая нефтяная компания, «Ритэк», пробурила на её земле свою разведочную скважину, требовала с нефтяников новенький узик-«фермер». Теперь её сыновья были обеспечены транспортом. Правда, все хлопоты и по оформлению транспортного средства, и по финансовым и прочим вопросам с нефтяниками возлегли по-прежнему на её хозяйские плечи. Поэтому-то и хочется Раисе Ивановне, чтобы выучились её наследники не только грамоте, но и умению жить в новом обществе, рядом с такими соседями. Пока же сыновья добывали дичь в таёжной глуши, мать добывала для них не только дома и машины, но и гарантии дальнейшего сосуществования с недропользователями.

В 2001 году интересы семейства Тэвлиных были озвучены в Ханты-Мансийске на Второй Международной конференции «Коренные народы. Нефть. Закон». Сей представительный форум, по задумке его организаторов, членов Ассамблеи коренных малочисленных народов Севера Думы ХМАО-Югры, был призван анализировать ход договорного процесса между коренным населением и недропользователями. Поддержка широкой общественности, безусловно, важна и приятна для Раисы Ивановны, но она прекрасно понимает, что добыча нефти – это задача государ-

ственной важности. Поэтому и чувствует себя Раиса Ивановна до сих пор и при всех этих богатствах женщиной беспомощной и беззащитной.

Сегодня нефтяники добры к её семье, а завтра? Сегодня именем одного закона убрали две спорные буровые, завтра именем другого поставят одиннадцать. Ведь проблема пока остаётся: новые лицензионные участки по-прежнему проецируются с помощью уже установленного ранее федерального законодательства на чётко обозначенные законодательством региональным границы родовых угодий.

Проецируются друг на друга не только участки земли. Столкнулись законы. А коли есть проблема – будут и разногласия.

– Вполне реально, – рассуждает один из представителей нефтегазодобывающей компании, – обозначить границы неких территорий, которые бы предназначались исключительно для традиционного образа жизни коренного населения. И при выдаче лицензий на разработку каких-то лицензионных участков можно было бы сразу компаниям указывать те места, в которые доступ ограничен, таким образом, противостояния бы вообще не было никакого.

Сама же Раиса Ивановна смотрит на вещи проще: может быть, не зря Верховный бог Торум из одиннадцати внучат подарил ей лишь двух мальчиков? Девчонки вырастут, разлетятся по мужьям, а уж на двоих-то земли, поди, хватит?

***P/S:** Кстати, а на месте отцовского стойбища, с которого пришлось когда-то уйти Раисе Ивановне, сейчас находится Тэвлинско-Русскинское месторождение, второе среди месторождений Среднего Приобья по годовой добыче нефти.*

Работая на телевидении репортером новостей, я неоднократно наблюдала процедуру подписания экономических соглашений между нефтяниками и коренными жителями. Но, хотя договорной процесс существовал в Югре уже 10 лет, с каждым годом ханты подписывали эти документы всё неохотнее. Они понимали, что временные блага, получаемые от нефтяников, не идут ни в какое сравнение с тем, что будет потеряно. Земли, пригодной для ведения традиционного образа жизни: рыбалки, охоты, выпаса оленей, – оставалось всё меньше и меньше. Ходили слухи, что нефтяники не выполняют или выполняют недобросовестно свои договорные обязательства. Знали об этом и те, кому ещё предстояли переговоры.

Среди коренных жителей стали появляться такие, кто пытался бороться за землю, не подписывая экономических соглашений: ведь если документ не подписан, значит, нефтяники не имеют права работать, срывается государственный план по добыче нефти, они вынуждены идти на какие-то компромиссы, дополнительные переговоры. Таких сложных участков, где замедляется процесс добычи нефти неподписанием договоров, в Сургутском районе в начале двухтысячных было три. Один из них – родовое угодье №8, где живёт семья Бориса Антоновича Комтина.

Будучи умным и рачительным хозяином, Борис Антонович вмиг раскусил как достоинства, так и недостатки экономических соглашений.

Когда пришло время подписать начало нефтяных разработок на последнем участке своей свободной земли (остальные уже заняты освоением), у Комтина восемь месяцев рука не поднималась поставить подпись. Нефтяники продолжали настаивать.

– Почему Вы боитесь подписывать бумаги? – спрашивала я его.

– Мы боимся потому, – отвечал мне старый оленевод, – что у нас потом для сыновей земли-то не останется. Где они будут жить, рыбачить, охотиться? Надо же землю сохранить. Я думаю, нефть нужна, но её надо осторожно добывать, не варварски, вот так: напал на землю, и там враз всё понатыкал, понаставил буровые, ДЭНЭЭски (дожимная насосная станция, – прим. автора)... Хозяину тоже надо выделить землю, чтоб он жил своим национальным образом...

Узнав о том, что в Нижний Сортим вертолётном везут хозяев участка для очередной беседы с представителями власти и «Сургутнефтегаза», и что документы, скорее всего, будут подписаны, я выехала в посёлок, чтобы присутствовать на этом совещании. Переговоры длились более восьми часов. Вначале нас с оператором не пускали в кабинет совещаний, но помог сам Борис Антонович, и через некоторое время в зал зашли сначала оператор, а потом и я. Нами было зафиксировано максимальное количество материала, затем отобраны самые важные, на мой взгляд, фрагменты переговорного процесса. Так был снят основной эпизод фильма.

Первый же и заключительные эпизоды характеризуют жизнь хантыйской семьи до и после подписания договора, причем относится это в равной степени к любо-

Борис Антонович и другие

История Бориса Комтина

Историю Раисы Ивановны Тэвлиной я записала в 2003 году. А годом ранее появился в моей творческой биографии ещё один небольшой, но знаковый фильм – «Договор».

му семейству, на чьей земле ведутся нефтяные работы. Подавляющее большинство из них по прошествии какого-то времени вынуждены покинуть свою ставшую непригодной землю, либо подстраиваться к иным жизненным условиям, а там все места уже давно заняты. Им предстоит вступить в новые экономические отношения, к которым они вряд ли приспособятся. Что их ждёт? Этот вопрос я оставила открытым, но из фильма совершенно очевидно, что ждёт эту землю, если мы по-прежнему будем относиться к ней и живущим на ней людям необдуманно: нефть рано или поздно закончится, люди, которые выгнали других людей, сами должны будут уйти, оставив здесь лишь брошенные нефтяные объекты.

Мы просто зафиксировали то, что происходит на этой земле буднично, каждый день, каждый год.

Сделать фильм таким откровенным было моим авторским желанием, но он был создан на территории, которая живёт, в основном, за счёт нефтедобычи. И в этом была моя проблема.

| Ты нечестно молчишь |

Молчание – золото. Молчание – знак согласия. Обе эти поговорки как нельзя лучше относятся к до сих пор доминирующей в аборигенной среде культуре молчания. К сожалению, многие из новоприбывших на северные земли не знают об этом до сих пор. Так о чём и почему молчат аборигены Севера?

Собирая свои истории, я, конечно же, обращала внимание на немногословность людей, живущих в таёжных условиях. Но я объясняла это как стеснительность, непривычку общения с посторонними, насторожённость, в конце концов.

В эти же годы работала в югорской тайге и московский антрополог Наталья Новикова. В 2014 году она выпустит монографию «Охотники и нефтяники. Исследование по юридической антропологии». Монография посвящена анализу культурно-ценностных и правовых взаимодействий между коренными малочисленными народами Севера и нефтегазовыми корпорациями на рубеже веков. Исследование строится на полевых материалах автора, в том числе и в Ханты-Мансийском автономном округе. Читая эту книгу, я как будто по-новому открывала для себя мир наших лесных соседей.

У земли и у воды на Севере снижена способность к самоочищению (из-за замедленности этих процессов при низких температурах). Тысячелетиями люди создавали здесь свою цивилизацию, которая не наносила бы вреда природе. Наверное, поэтому именно аборигены хотят спасти Север, и это делают они не только для себя, но и для всего человечества. Если исчезнут сибирские леса – произойдут глобальные изменения в мире. Именно в экологической сфере взаимоотношения между коренными народами и нефтяниками превратились в острый конфликт между двумя моделями природопользования, в котором первые отстаивают не только

право на культурную идентичность, но и на сохранение всемирного природного и культурного наследия, хотя и не имеющего официального статуса.

Анализируя один из самых острых и непримиримых конфликтов, связанных с освоением Тянского месторождения (решением органов власти Ханты-Мансийского автономного округа в 1992 году месторождение было законсервировано), Н. Новикова пишет: «...Кроме того, нефтяники иногда со злостью вспоминали об остановке работ на месторождении, подчёркивали, что компания потеряла много денег из-за этого. Характерно, что и сегодня многие из них воспринимают аборигенов как досадную преграду на своём пути, причём они уверены, что её удастся преодолеть».

Через 10 лет после событий на Тяне такой преградой в Сургутском районе стал и мой герой – Борис Антонович Комтин. Ещё через 10 – Александр Айпин в Нижневартовском районе и Сергей Кечимов в окрестностях священного озера Имлор. Чуть позже – не отступится от своей земли Иосиф Иванович Сопочин. Будучи однажды уже вынужденными переехать с обжитых мест, они вполне отдавали себе отчёт, что больше земли для них не будет.

Стремление коренных народов, в первую очередь в ХМАО, в начале 1990 годов получить так называемые родовые угодья в наследуемое владение можно считать рождением новых норм ведения традиционного образа жизни. В условиях жесточайшей конкуренции за ресурсы с промышленными компаниями только таким образом коренные народы могли сохранять и развивать свою культуру.

В нормах обычного права, регламентирующих отношение представителей коренных народов к земле, проявляется одна из основополагающих черт их мировоззрения – большая ответственность по отношению к земле, родовым угодьям, когда люди рассматривают своё право на родовые угодья в первую очередь как свою обязанность по отношению к этой земле.

Именно отсутствие ответственности по отношению к земле представляется аборигенам наибольшим недостатком промышленного освоения.

Итак, получается, что, торгуясь с нефтяниками за землю, Борис Антонович и его родственники вовсе не ставили целью вытребовать побольше денег и технических средств, а хотели закрепить за собой право иметь возможность охранять и содержать должным образом последний оставшийся клочок земли, доступный для традиционного землепользования. Что, разумеется, ничего, кроме раздражения, у нефтяников вызвать и не могло.

– Земля не может принадлежать человеку, – продолжает в своём исследовании Наталья Новикова, – он может только следить за ней, сохранять знания о ней,

| Мы посмотрели друг другу в глаза |

поэтому концепция «отторжения земель под промышленное освоение» вообще не воспринимается аборигенами. Возможно, в этом кроется одна из причин того, что они так легко пустили на свои земли сначала геологов, а затем нефтяников. Старики теперь говорят, что думали, что те поработают, если им так нужно, и уйдут.

Ан нет – не ушли. А вот процедура заключения экономических соглашений, бывшая достаточно прогрессивным явлением в девяностых, к сегодняшнему дню, как видим, попросту зашла в тупик. Люди по-прежнему не понимают друг друга.

Соглашения заключались на один год, хотя месторождения разрабатываются в течение длительного времени. По истечении года, если владелец родовых угодий требует его выполнения (а надо сказать, что нефтяники постоянно нарушают это соглашение и в течение года), то нефтяники соглашаются его продлить, только когда владелец угодий подпишет им разрешение на отвод дополнительных участков земли. Таким образом, нефтяники диктуют свои условия, а аборигенам приходится выпрашивать свои права.

Тем не менее, аборигены относятся к этому снисходительно: что раз не выполняют – значит, не могут, когда-нибудь выполнят. У лесных людей такая этика – считается неприличным не сдержать слово.

На свои отношения с нефтяными компаниями коренные народы перенесли черты обязательности, характерные для их отношений с духами. Показательна в этом плане фраза в разговоре между аборигенами «ты нечестно молчишь».

– При этом, – пишет Наталья Новикова, – когда я спрашивала, зачем они подписывают новые соглашения, если не выполнены старые, в ответ слышала: «Они когда-нибудь выполнят, обещали. Мы посмотрели друг другу в глаза, после этого как можно нарушить договор?» Посмотреть друг другу в глаза, по представлениям аборигенов, является гарантией выполнения договора, причём с обеих сторон.

И очень часто ханты или другие аборигены считают невозможным нарушить правила, к которым они привыкли с детства, но которые не соответствуют сегодняшней практике, а выход из этого психологического конфликта ищут в алкоголе и самоубийствах.

Так совпало, что вскоре после подписания договора семейством Комтиных один из участников этого процесса тоже повесился.

У российских аборигенов молчание в отношениях с нефтяниками является их попыткой установить контакт, дать возможность собеседнику почувствовать сопричастность. Сложность и даже опасность такой тактики заключается в том, что нефтяники (как и чиновники) воспринимают коммуникацию более однозначно. В своём исследовании Наталья Новикова делает вывод, что в применении к отно-

шениям аборигены-недропользователи должно быть использовано более совершенное законодательство:

– В контексте рассматриваемых в монографии проблем земля является ядром культуры аборигенов, их представления об особой связи с землёй определяют их международный и обычно-правовой статус. Недостаточная проработанность и определённая представленность о роли земли как центре окружающего мира, как достоянии, даре, который должны сохранить аборигены, составляют один из основных недостатков современного российского законодательства.

Усиливающаяся централизация в правовой сфере только затрудняет взаимодействие с промышленными компаниями. В последние годы очевидно отставание федерального законодательства от регионального в этом вопросе...

Однажды Юрий Вэлла сказал: «Нефтяники всё-таки всю жизнь кормить коренного жителя не будут, не собираются...» Несмотря на устоявшийся в Югре порядок в договорных отношениях первая ласточка всё же прилетела. Летом 2016 года дочка одной из новых российских нефтяных компаний, появившаяся недавно в междуречье Большого и Малого Юганов, отказалась, причём в грубой форме, выполнять свои договорные обязательства по отношению к национальной общине «Яун-Ях». И ничего с этим не могут поделать ни губернатор, ни правительство, ни законодательство.

| Своя земля |

На 2016 год в Югре официально зарегистрировано 475 ТТП (территория традиционного природопользования, – прим. автора) общей площадью 12,7 миллиона гектаров, что составляет 24,3 процента территории автономного округа (в основном, земли лесного фонда). На этих территориях проживают и ведут традиционную хозяйственную деятельность 1 175 семей общей численностью 4 538 человек.

Хроники Датского королевства

Путевые заметки

В 2002 году фильм «Договор» прошёл отбор на один из самых престижных мировых кинофорумов – INPUT, «Телевидение в интересах общества». Так в моей жизни появилось Датское королевство.

INPUT

На сертификате каждого участника форума стоят такие слова:

Нашей целью является исследование телевидения вне рамок простых условностей и подражания, мы отрицаем понятие, что телевидение должно быть или «популярным», или «культурным», и отказываемся рассматривать эти термины как взаимоисключающие.

Ежегодно INPUT собирает по всему миру восемьдесят картин, признанных самыми интересными, самыми новаторскими по приёмам, по стилистике, по содержанию. Отбор проводится сначала по регионам, затем картины ещё раз «просеиваются» в Германии, а уж оставшиеся, лучшие из лучших, вместе с авторами (обязательное условие) съезжаются в одно место, каждый год – новое. В мае 2003-го таким местом был избран датский город Архус.

«...Цели INPUT принципиально отличаются от целей многочисленных фестивалей. Здесь не идёт борьба за призовые места – главный приз для каждого участника – это возможность обменяться творческим опытом с наиболее талантливыми представителями профессии из многих стран, познакомиться с их произведениями, с новыми тенденциями в развитии аудиовизуальных искусств», – эти слова я прочла в пресс-релизе, сохранившемся в архивных материалах, как, впрочем, и распечатки интервью с теми людьми, с которыми мне хотелось поговорить. Ведь если бы я приехала просто в качестве режиссёра-лауреата, всё было бы го-

раздо проще: сиди, смотри, отвечай на вопросы и наслаждайся лаврами победителя. Обязательства же перед центральным тележурналом «Бродкастинг», местной прессой и собственное любопытство всё это дело усложнили чрезвычайно.

Основателю INPUT итальянцу **Серджио Борелли** в те дни исполнилось 80, но, несмотря на преклонный возраст, он сам сел за руль и приехал в Архус из Рима. Он-то и стал первой «жертвой», рассказав мне историю возникновения этого необычайного кинофорума:

– 25 или 26 лет назад собралась группа людей, которая не нашла ничего лучше, чем «бороться с Гольфстримом». Ну, Вы знаете, Гольфстрим – это такое географическое явление, он перемещает воду из Карибского моря в Европу, и один финский профессор, Таппио Варрис (финны не виноваты, что у них такие ужасные имена), сказал, что в телевидении распространение программ в точности напоминает течение Гольфстрима: всегда с запада на восток и никогда наоборот.

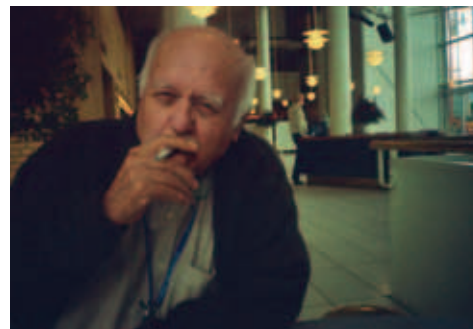
Так что мы решили посмотреть: может быть, кто-нибудь, где-нибудь в США, решит, что нужно что-то сделать, чтобы изменить ситуацию.

К сожалению, наша цель до сих пор не достигнута: мы так и не смогли увеличить экспорт европейских программ на американский рынок. На первом INPUT в Милане у нас были комнаты для американских программ и комнаты для европейских программ. Американцы оставались в своих комнатах, а европейцы не покидали своих... Мосты между Европой и Америкой в области неигрового кино, к сожалению, не выстроены и по сей день. Но внутри самой Европы, мне казалось тогда, также существовали некоторые, весьма ощутимые, различия.

«Какое место в современной документалистике занимает российское неигровое кино?», или «Чем Россия может быть интересна за рубежом?»... INPUT как нельзя более подходил для ответов на эти и многие другие вопросы.

Юрий Хашчеватский, режиссёр, Белоруссия:

– Документальное кино в таком виде, как оно у нас есть, существовало ещё в Советском Союзе. Это феномен кинопроизводства при закрытости информации. На Западе же всё было открыто. Там документальное кино, практически, родилось от телевизионного, туда пошли работать журналисты. А мы, поскольку информация закрывалась, должны были между кадрами, в межкадровом пространстве, поместить свою идею, которая мимо цензоров должна была как-то проскочить... То есть у нас в кино возобладали художественные приёмы и методы. То, чего на Западе и не любят даже, в документальном опять-таки кино. Поэтому им иногда очень трудно смотреть наше кино, они не всё понимают, а нам иногда смешно смотреть их, в общем-то, как бы это... киностатьи, киноочерки, как будто из журнала, из газеты. Хотя наиболее талантливые из них идут по нашему пути.

| О русском кино, и не только... |

Кэрл Поликвин, режиссёр, Канада:

– Я здесь впервые, и, я думаю, это замечательное место для того, чтобы обсуждать фильмы. Это не рынок, куда ты приходишь, чтобы продать свой продукт, люди просто смотрят фильмы и обсуждают их. Я была особенно удивлена, встретив людей, которых я совсем не ожидала здесь увидеть, – режиссёров, которые делают фильмы, практически сходные с моими по тематике, заинтересованных не только в журналистике, но и являющихся активистами. Например, я встретила Вас, и ещё людей из Латинской Америки, борющихся против глобализации и занимающихся проблемами коренных народов. Это я очень сильно оценила.

Русское кино вообще очень особое. Я думаю, что многие его просто не понимают. Люди хотят понимать, им нужно, чтобы всё быстро развивалось и двигалось. Должна быть история, очень чётко выстроенная, надо ни на секунду не упускать внимание зрителя. А ваше российское кино, оно не только чтобы понимать, а чтобы чувствовать...

Ран Тал, организатор, Израиль:

– Я думаю, что русская документалистика, не только русская, но и вообще восточно-европейская, создаёт прекрасную альтернативу западному стилю. Стоит только увидеть два-три кадра, и ты сразу понимаешь, это русский или западно-европейский фильм. Русская документалистика впечатляет, вы ведь отличаетесь, у вас другая кинокультура.

Услышала я и ответ на вопрос: «Правда ли, что Европа любит смотреть, как Россия гибнет?». Неправда. Не любит. На Западе вообще не любят чернухи. В мире давно уже осознали, что сегодня людям более необходимо светлое и жизнеутверждающее начало.

Марина Голдовская – живой классик еще советского документального кино. Сейчас она учит студентов в Лос-Анджелесе, но ежегодно приезжает на INPUT, чтобы быть в курсе того, что делается в современном мире документалистики:

– Что такое документальное кино сегодня? Куда оно движется? Это такая жизнь с камерой, когда ты можешь рассказывать истории, происходящие на протяжении многих лет. А наше, русское кино, вообще очень особое. Что значит быть российским режиссёром? Это значит чувствовать материал, над которым ты работаешь, и душа у тебя явно болит.

Чем может быть привлекательна Россия с точки зрения интересной тематики для документалиста? Я думаю, что в России масса тем. Но интерес к России на Западе, к сожалению, как-то немножко подисчез. И, между прочим, чернуха, которую мы до сих пор выдаём на полную катушку, – она тому способствует. От нас только её и ждут, и считают, что вся наша жизнь здесь – чернуха. Да мы и сами настолько внутренне смирились с тем, что мы такие несчастные, что у нас везде жизнь беспросветная... Это неправильно. У всех тяжёлая жизнь. Вообще современный мир такой кошмар,

и такой страшный... Но вот американцы, например, народ очень оптимистичный, они в любом трагическом событии, трагической ситуации пытаются увидеть какой-то позитивный момент. Я считаю, что это очень хорошо. А мы только рвём на себе волосы: всё плохо, всё ужасно. Ну, ужасно, у нас такая история тяжёлая. Но есть же всё-таки и хорошие вещи. Да, надо быть честным, откровенным, критичным, но надо отыскивать и что-то светлое, искать какие-то позитивные моменты в жизни...

Люди, которые повстречались мне на кинофоруме, находятся в постоянном поиске, диапазон тем – от масштабных полотен, например о жизни и деятельности выдающегося советского кинооператора Романа Кармена, до четырёхминутной зарисовки о танцующих бульдозерах. Из России, а точнее, сектора стран СНГ и Балтии, было отобрано всего 9 картин. Лауреат ТЭФИ Тофик Шахвердиев на INPUT не впервые. На этот раз он привёз фильм «Убить человека» – о девушках-убийцах, из женской колонии. Юрий Хащеватский приехал с фильмом «Кавказские пленники», о перипетиях чеченских войн. Прошли отбор фильм Сергея Лозницы «Портрет» о простых людях из русской деревни, Виталия Манского «Бродвей, Чёрное море»... Нашёл своё место в палитре мировой документалистики и небольшой фильм из Сибири о взаимоотношениях недропользователей и коренных жителей Югры.

– Прежде всего, мы выбирали фильмы, которые были нам интересны, – рассказывает Ран Тал, – которые, на наш взгляд, содержат что-то новое, могут быть интересны зрителям, могут вызвать дискуссии. Что касается «Договора» – это очень интересный фильм, не просто в плане сюжета, но и тем, как он сделан. Вы решили взять всего один маленький момент из всего процесса, сцену спора, это переломный момент в жизни этих людей. Здесь затрагивается проблема глобализации. И, мне кажется, Вы успешно показали это всё в очень маленьком эпизоде подписания контракта. А над дальнейшим уже приходится задуматься самому. Так что для фильма «Договор» не было проблемой пройти довольно жёсткий, я бы сказал, отбор, потому как он понравился многим членам жюри. Это фильм о важной проблеме, к тому же снят в довольно необычной манере. Мы подумали, что он понравится аудитории, и, мне кажется, мы не ошиблись...

Фильму «Договор» удалось пройти международный отбор благодаря тому, что в составе разделов INPUT появился раздел «Глобализация: большие истории на маленьком экране». Моя история заключалась в том, как и почему в одном конкретно взятом месте большой народ поглощает малый народ.

– Термин «глобализация» превратился, практически, в ярлык для всего плохого, что случается в мире, – начинает обсуждение мой организатор Ран Тал. – Но что такое глобализация в действительности? Это слишком большое, слишком сложное явление, и слишком трудное, чтобы показать его на экране. Четыре различные программы, четыре различных подхода, посмотрите, как им удалось показать связь между глобальными проблемами и местными людьми.

| Глобализация |

Режиссёр фильма «Договор» из России решила обратить наше внимание на очень маленькую часть процесса и позволить нам закончить историю самостоятельно. Итак, документальный фильм «Договор».

В зале медленно гаснет свет, я с последнего ряда внимательно наблюдаю за зрителями. Кажется, это моё первое публичное выступление перед коллегами. Волнуюсь? Безумно. 19 минут пролетают почти незаметно. Фильм не впервые идёт на таком огромном экране, премьера была в Салехарде, годом раньше, на фестивале визуальной антропологии, оттуда его и «сосватала» на региональный отборочный тур INPUT московский режиссёр Майрам Юсупова.

И вот перед зрителями снова Ран Тал:

– Мы бы хотели пригласить режиссёра фильма Ольгу Корниенко, и я бы хотел начать с вопроса: что происходит с членами этой семьи сейчас?

Я слушаю зал, вопросы сыплются один за другим:

– А был ли какой-нибудь выход у этой семьи, ведь Вы сказали, что техника уже находилась на их земле ещё до подписания договора?

– Где был показан фильм? Был ли он показан в России, и какую реакцию он вызвал?

– На что Вы, как режиссёр и продюсер, рассчитывали, создавая этот фильм, и было ли у Вас намерение своим вмешательством изменить ситуацию? И повлияли ли Вы на ситуацию?

– У меня создалось впечатление, что Вы как бы держите нас немного в стороне от героев. Было ли это намеренно сделано? Есть ли у Вас работы, связанные с этой тематикой, где контакт более близок?

– Как вам удалось попасть на процесс подписания этого договора?

– Вы упомянули несколько раз, что речь идёт именно о семье. Каков размер земли, принадлежащей этой семье, и есть ли у них какая-то организация, которая ведёт переговоры с представителями власти? Или это должна делать каждая семья самостоятельно?

– Я бы хотел спросить: видели ли члены семьи этот фильм и что они сказали?...

Как это ни странно, на многие из вопросов, прозвучавших тогда из зала, я ищу ответы до сих пор. И до сих пор не теряю надежды снять фильм-продолжение, ведь прошло более десяти лет...

Но вот встаёт Кэрол Поликвин, режиссёр из Канады, мы уже знакомы:

– Я бы просто хотела выразить свои чувства по отношению к этому фильму. Он мне очень понравился. Вам успешно удалось в небольшом по объёму фильме показать ту неотвратимость, которую можно было видеть в глазах хантов, ту неизбежность, о которой Вы знали с самого начала. Однако мы все тоже почувствовали, пусть немного по-разному, эту неизбежность: мы (нефтяники) придём, заберём землю, станем добывать нефть, вы (ханты) в результате станете немного богаче...

Я считаю, они (ханты) и так богатые, у них такие прекрасные меховые одежды, а им придётся покупать другую одежду, они будут пить кока-колу, всё это можно почувствовать в последнем эпизоде: у них есть свой собственный мир, и они вскоре его потеряют.

Что мне больше всего понравилось в Вашем фильме, это то, что Вы очень коротко сумели показать, каким болезненным является разрушение традиционного уклада жизни. Мне очень понравилась первая часть, где Вы просто показываете, без всяких слов, этот традиционный образ жизни, животных, разные другие интересные эпизоды, а затем переговоры; и Вам удаётся передать самую суть, то, насколько велико на них давление, что им во что бы то ни стало лучше отдать эту землю на благо государства. Нефтяники заставляют их поверить, что они не ищут личной выгоды для себя. И чувствуется неизбежность, ведь с самого начала понятно, что они не выиграют этот спор, но они сопротивляются, потому что прекрасно знают, что они теряют вместе с этой землёй.

А в конце, когда они уже подписали документы, видно, насколько они расстроены, что творится у них в душе. Вы это прекрасно показали. Ещё мне понравилась последняя часть: когда Вы вернулись в эту деревню, Вы показываете рынок. Мы видим потребительские товары, они едят йогурт из пластмассовых баночек, меняют обувь и, может быть, скоро избавятся от своей прекрасной одежды. И всё это как процесс утраты души...

Так что же такое глобализация? Смогут ли понять люди с отличным от нашего менталитетом, что происходит вот уже много лет на нашей Югорской земле? Захотят ли? Через 6 лет после этой встречи выйдет знаменитый «Аватар» Джеймса Кэмерона,

он-то и даст мне подсказку, ответ на этот вопрос. «Договор» станет моим маленьким «Аватаром». И на всех последующих встречах со зрителями, на уроках краеведения в школах, на кинофестивалях я всегда буду сравнивать наш народ и нашу проблему, описанную в фильме «Договор», с событиями, описанными в «Аватаре».

| Копенгаген |

Распрощавшись с гостеприимным Архусом, мы отправились в Копенгаген, столицу государства и резиденцию королевской династии.

В Копенгагене всюду маршировали барабанщики и разгуливали по улицам оркестры. Так уж они устроены, эти капиталисты: у них что ни день, то праздник. Дания – страна маленькая, может, потому в ней много чистоты и порядка. А, может, и потому, что страной этой правит женщина.

Правящая королева Маргретта – вторая женщина на этом посту за более чем тысячелетнюю историю Дании. Она горячо любима датчанами. Говорят, она образованна, талантлива, и, что самое главное, у неё открытый и доброжелательный характер. В Дании бытует поговорка: когда Маргретта говорит – датчане слушают.

Нам королеву увидеть не удалось, но стало известно, что ежегодно 16 апреля тысячи взрослых и детей собираются на площади Амалиенбор, чтобы национальными флагами и возгласами «Ура!» приветствовать Маргретту в день её рождения.

История королевства Датского уходит своими корнями аж в 1167 год, но туристов обычно интересует период более поздний, то время, когда в районе Нью Хавен, Новой Гавани, поселился Ганс Христиан Андерсен, подаривший миру свои бессмертные сказки.

Сегодня в Копенгагене и обширном пригороде проживает более полутора миллионов человек. Самое популярное место как среди горожан, так и среди туристов – местный

Арбат, бульвар Стрегет. Длина бульвара – одна тысяча шестьсот метров, Стрегет – одна из самых протяжённых трасс Европы. Здесь можно увидеть и бродячих циркачей, и уличных музыкантов. На одной из площадей бульвара нам встретились американские индейцы. В своих красивых одеждах и головных уборах с перьями они играли на национальных инструментах свои грустные песни. На всём протяжении бульвара нам попадались и мексиканские индейцы, они просто сидели прямо на тротуарах и торговали национальными безделушками. Правда, при этом совсем не выглядели бедными и несчастными. А мне на минуту представилось такое же будущее нашей коренной Югры. Ну, а местные жители, потомки великих викингов, раскатывали на велосипедах, коих в Копенгагене великое множество. У кого нет собственного, можно взять тут же, на уличной стоянке, заплатив автомату 20 крон. Накатавшись, велосипед можно оставить на любой из разбросанных по всему городу стоянок, и автомат вернёт тебе деньги. Мы, конечно, попробовали. Сама система чрезвычайно удобна, но довольно долго приходится искать велосипед, у которого не прокручиваются педали, не сломано седло или не имеется других недостатков (все-таки общественное – это не частное). Навестили мы и Русалочку, главный символ Копенгагена и Дании в целом. С момента её создания в 1913 году она, в отличие от сказки, не остаётся одна, её всегда окружают многочисленные поклонники. Но и у маленькой бронзовой скульптуры не очень счастливая судьба – её уже неоднократно обезглавливали похитители. Копенгаген, как, впрочем, и вся Дания, находится в окружении воды. Отсюда – постоянная облачность и ветра. Но когда в Данию приходит весна, Копенгаген становится городом мечты даже для самих датчан. А поскольку мне довелось побывать там именно в это время, то впечатления о Датском королевстве остались самые-самые...

Вскоре по возвращении в Сургут мне пришло письмо:
«От имени Роберта Роуфа, представлявшего швейцарское телевидение на фестивале INPUT в Архусе на этой неделе, я бы хотела заказать экранизацию фильма «Договор» на нашем телеканале. Пожалуйста, пришлите фильм по адресу: «Швейцарское телевидение ДРС».

Так девятнадцатиминутный фильм «Договор» получил путёвку в жизнь. Это было в далёком 2003 году. А год назад я получила письмо от моего немецкого друга Штефана Дудека, который в настоящее время работает в одном из научно-исследовательских институтов Финляндии, в Рованиеми, с просьбой прислать ему «Договор»:
– Ольга, я должен читать студентам лекцию об использовании природных ресурсов в Сибири, и, думаю, было бы очень хорошо как иллюстрацию показать твой фильм «Договор». Я хочу провести со студентами ролевою игру, где одни должны изображать представителей нефтяной компании, а другие – оленеводов, и они попытаются провести подобные переговоры. Думаю, было бы хорошо после показать им, как это на самом деле происходит...

| Послесловие |

Люди общины «Яун-Ях»

Интервью
с Ольгой Балалаевой

В девяностых годах прошлого столетия в Ханты-Мансийском округе начался процесс создания нового политического института – общин коренных малочисленных народов Западной Сибири. Национальная община восточных ханты «Яун-Ях» (речные люди) была образована одной из первых. А в 2010 году «Яун-Ях» признана лучшей национальной общиной Российской Федерации.

Но путь к этому был весьма и весьма непрост.

Тысяча девятьсот девяносто третий год. Только что прогремели выстрелы возле Белого дома в Москве. Великий и могучий Союз распался, страна в растерянности. А в далёком сибирском селе Угут проходит общий сход коренных жителей. Юганские ханты не хотели постичь участи вымирающих родов с соседней реки Пим, не прельщали их и разовые, далёкие от совершенства, экономические соглашения с нефтяниками. Аборигены предлагают создать на базе уже существовавшего к тому времени Юганского природного заповедника особую зону – биосферный резерват. Основная идея – не допустить нефтедобычу на Югане, сохранив землю в её первоначальном для коренных жителей значении. Предложение было поддержано и сотрудниками заповедника, и местной администрацией, но... Тогда документы легли под сукно, потому как путь был доселе никем не проторен, аналогов в России не имелось, и юридической базы не было. Между тем, большая часть земель вокруг Юганского заповедника постепенно уходила под перспективу нефтеразработок.

Юристы вовсю работали над документами, коренные жители летали в Америку учиться самоуправлению у заморских аборигенов. В междуречье Большого и Малого Юганов поселилась надежда. Тем не менее, фантастическое словосочетание «биосферный резерват» для многих звучало как гром среди ясного неба. Его не понимали, его боялись, в конце концов, многим в те годы было не до него.

Я впервые приехала в Угут летом 1995-го. В качестве корреспондента телекомпании я собирала информацию для новостей с самых отдалённых территорий. В Угута я познакомилась с учёными, которые стояли у истоков создания общины, Ольгой Балалаевой и Эндрю Вигетом.

– Юганские ханты с древних времён населяют бассейн реки Большой Юган, – рассказывает Ольга Балалаева. – Эти люди до сих пор говорят на своём языке (сургутский диалект восточных ханты) и сохраняют самобытный характер культуры своих предков. Коренные жители Югана являются хранителями не только уникального способа хозяйствования и типа культуры, но и таёжного ландшафта, сохраняющегося благодаря этому острову северной цивилизации. Тем не менее, несмотря на традиционный характер юганской культуры, адаптированной к таёжной природной среде, община сумела интегрироваться в рыночную экономику второй половины девяностых, и не рассыпаться под давлением административного прессы непоследовательной власти, не имеющей внятной национальной политики, и меняющихся правил игры в законодательной и экономической сферах.

Много лет община вела борьбу за сохранение своей земли с её природными богатствами. За этими усилиями стоит не только инстинкт выживания, присущий здоровому организму, но и осознанное стремление самим писать свою культурную историю и контролировать своё будущее.

Увлечённая романтикой прекраснейшей из профессий на земле, в то время я мало обращала внимания на отдалённый и малодоступный участок Сургутского района. Знакомство с Юрием Вэллой, Иосифом Сопочиным как магнитом тянуло меня в другие места, к тому же легче собирать истории тех, кто сам помогает их писать: и Вэлла, и Сопочин постоянно звонили, делились радостями и проблемами, звали куда-то... Община же «Яун-Ях» оставалась недосягаемой для меня. Люди там были недоверчивы, немногословны, закрыты для журналистов. Возможно, сказывалась и моя молодость, неспособность анализировать ситуацию. Журналистов учили отвечать на три вопроса: Что? Где? Когда? И совсем немножечко – Почему? Другое дело учёные, обладающие «нужными» знаниями, способные реально помочь полуграмотным таёжным людям. Ольга Балалаева и Эндрю Вигет в течение двадцати лет не просто наблюдали за жизнью общины как антропологи, они создавали её, непосредственно участвуя во многих экономических и культурных процессах. Естественно, их на Югане принимали более открыто.

Первые шаги к созданию общины юганских ханты были такими же, как и на Тром-Агане: появление законов, позволяющих формировать семейно-родовые общины, привело в движение процесс определения границ родовых угодий и выдачи государственных земельных актов, подтверждающих права землепользования семей, которые проживали на этих землях.

– Общинное движение вначале встревожило некоренное население, которое опасалось, что привычные места охоты и рыбалки будут изъяты из общего пользования. Однако подготовленные карты родовых охотничьих угодий Угутского района наглядно демонстрировали, что интересы жителей села Угут никак не пострадали. Правда, в других местах Сургутского района без конфликтов не обошлось.

В этот отрезок времени лишь некоторые семьи в Югре получили карты своих охотничьих участков и акты на землю, подтверждающие право пользования. Закон 1992 года устанавливал такое положение вещей, при котором только общины, владеющие государственными актами на землю, могли создавать более крупные объединения. На Большом Югане только одиннадцать семей получили такие акты, то есть обладателей документов на землю оказалось значительно меньше, чем отмеченных на официальных картах семейных охотничьих угодий.

Сургутская районная администрация, сформированная, как и остальные, в связи с реконструкцией власти советов после октябрьских выстрелов возле Белого дома, быстро перестала выдавать новые акты, а административный указ губернатора Филипенко 1994 года аннулировал уже выданные акты.

На протяжении девяностых годов процесс организации общин шёл трудно, с бесконечными проволочками. Нефтяные компании уже всю хозяйничали на Тром-Агане, где формировалась община Иосифа Сопочина, подбирались и к юганским землям.

Большая часть земель вокруг Юганского заповедника, на которых испокон веков жили речные люди, где находятся более двух десятков их религиозно-культурных объектов и могилы предков, в то время уже была отдана под перспективу добычи нефти, а на двух месторождениях нефть уже добывали. Видимо, почувствовав силу общины, в конце июня 1995 года на сходе в Угуте жители юрт «Ачимовы-1» и «Ачимовы-2» не дали своего согласия на выставление лицензионного участка – нефтяного месторождения «Ачимовское» – на аукцион в Ханты-Мансийске. Для руководителей ОАО «Славнефть – Мегионнефтегаз», претендующих на получение этого участка, решение коренных жителей стало большой неожиданностью.

– Общей для всех проектов общинных Уставов, отправленных на регистрацию, была идея, что община – это орган самоуправления, она самостоятельно распоряжается своей землёй и получает доходы от использования её природных ресурсов. Эта идея одновременно подталкивала исторически разобщённое и разбросанное по тайге коренное население к объединению, и являлась камнем преткновения в процессе общинного строительства. Дело в том, что работающие в районе нефтедобывающие компании, которые калькулировали астрономические доходы с той же самой земли, и местная администрация, получающая свою часть от этих доходов в форме щедрого финансирования районных программ и пополняющая бюджет от продажи лицензий этим самым компаниям, были не готовы к серьёзным и честным переговорам и партнёрским отношениям с коренным населением. Нефтяные компании, в случае успешного роста общин, были бы вынуждены вести переговоры о выделении земельных участков для нефтедобычи и строительства инфраструктуры уже не с отдельными семьями, всегда остро нуждающимися в деньгах, бензине, запчастях и так далее, а добиваться консенсуса группы представителей целой общины, не говоря уже о совершенно различных масштабах компенсации.

Тем не менее, работа над созданием и легализацией общин не прекращалась, но их регистрация превратилась в такой острый политический вопрос, что нефтяные компании попытались торпедировать процесс. В марте 1995 года в Сургуте нефтяники организовали публичный протест и пикетировали здание районной администрации. Они настаивали, что регистрация названных выше общин (в тот период абсолютно законное право коренных жителей, согласно федеральному и окружному законодательству) положит конец нефтяному бизнесу в Западной Сибири. Именно вскоре после этого губернатор Филипенко «отменил» государственные акты на родовые угодья, мотивируя это тем, что «Москва» сочла, что эти документы не имеют достаточного правового обоснования, вообще составлены неверно. От общин потребовали перерегистрироваться.

Тяжёлый экономический кризис середины девяностых привёл к дефолту 1998 года и развалу всей экономической системы. Стране не до национальных

общин на северных окраинах – себя бы спасти. Оторванные от привычной жизни, ханты выбирают из кризиса как могут. К маю 1997 года и «Яун-Ях», и «Ханто» заканчивают официальную регистрацию. Основой организации хантыйских общин становится экономическое развитие.

– Для хантыйских общин это было время расставания с надеждами. Госструктуры советского времени, которые субсидировали традиционную экономику, покупая оленьё мясо, пушнину, ягоды, орехи, растительное лекарственное сырьё и другую лесную продукцию, развалились. Новые структуры, возникшие в результате срачивания старой советской бюрократии и новых «баронов» капитализма, не имели склонности к строительству и поддержке новых социально-экономических институтов коренного населения, однако окошко для мелкого и среднего предпринимательства всё-таки было открыто. Таков был социально-экономический контекст, в котором стали появляться первые национальные общины. Когда государственные предприятия, занимающиеся рыбой, прекратили своё существование, с ними сгнули и технологии обработки и сохранения рыбной продукции в промышленных масштабах. Хотя рыболовный промысел продолжал быть основным продовольственным ресурсом в традиционном хозяйстве (на Большом Югане оленеводство никогда не было доминирующей частью традиционной экономики), коммерческой ценности он не представлял. Монетарная экономика в здешних краях в начале девяностых основывалась на пушном промысле (соболь, белка, лиса), лесной ягоде и кедровом орехе. Однако старые госструктуры, такие как Зверпромхоз, были всё менее эффективны в контексте нестабильной рыночной экономики, не могли приспособиться к переменам. Экономический потенциал национальных общин оказался невостребованным.

За счёт собственных средств, заработанных на переправе через Обь и ремонте жилья, «Яун-Ях» приобрела машины и помещения, арендовала магазины в отдалённых деревнях Таурово, Тайлаково, Каюково. Купили в Угута пустующее здание пекарни. Здесь открыли большой магазин для коренных жителей, здесь же – контора общины, куда таёжные охотники стали приезжать решать любые вопросы. Совместными силами построили приёмные пункты по типу факторий, с большим хозяйственным лабазом, домом и баней для заготовителя.

В одну из поездок вместе с районным начальством мне довелось попасть на одну из таких факторий, в юрты охотников-передовиков Каймысовых. Фамилия эта крепко существует на протяжении трёх поколений. Охотничьи угодья площадью 360 тысяч гектаров кормят 12 человек. Это самые богатые охотугодья в Сургутском районе. На время моего пребывания в фактории там обитало 25 лосей, 3 лисы, 1 медведь, 90 соболей, 14 норок и около двадцати ондатр. Таёжные охотники тщательно отслеживают воспроизводство зверья. Дабы в будущем не остаться без пропитания, не отстреливают всё сразу. Это – закон тайги.

– Тут выросло молодое поколение, новое уже, значит, – рассказывал мне тогда председатель общины Владимир Семёнович Когончин. – Все работающие, и живут здесь все своим трудом. Экономических соглашений с нефтяниками нет пока у них, надеются только на себя. Молодых в этом же духе воспитывают, те с малолетства занимаются охотой, сбором ягоды...

До сих пор наши интернаты не досчитываются по факту десятков хантыйских ребятишек. Родители не спешат рубить сук от дерева рода, насмотревшись на горькую участь неприкаянных деревенских соплеменников. Вот и в юртах Каймысовых полуграмотность детей предпочитают сомнительному в таёжных условиях интернатскому образованию. До сих пор мечтают здесь о малокомплектных школах прямо в лесу. Возможно, в общинах, живущих по принципу общественного самоуправления, и появится когда-нибудь новая модель стойбищной школы. Но тогда, двадцать лет назад, думать приходилось вовсе не об этом.

Первый заготовительный сезон в общине прошёл успешно: охотники заготовили 700 шкурок соболя, сдали более четырёх тонн лосиного мяса, трудолюбивые семьи сдали по 2-3 тонны клюквы, брусники и других ягод. За сданную продукцию в промыслово-охотничьем хозяйстве с ними рассчитывались продуктами питания, лодочными моторами, «Буранами». Передовикам снегоходы были проданы не по их номинальной стоимости – 42 тысячи рублей, а с 75% скидкой. Остальное компенсировал комитет народов Севера районной администрации за счёт средств, выделенных окружным Северным фондом. Уменьшилась и безработица среди юганских ханты.

– После того как государственное промыслово-охотничье хозяйство (ПОХ), которое выплачивало коренным жителям зарплату за сдаваемую продукцию и обеспечивало транспортные перевозки, прекратило своё существование, община учредила новую хозяйственную структуру «Кантык-Ях». Она взяла на себя обязательства старой организации. На практике это означало, что община берёт на себя не только хозяйственные, но отчасти и социальные проблемы, включая, например, работу с документами членов общины – от военных билетов до охотничьих лицензий.

Модель фактории, которую развивает община «Яун-Ях», вот уже второе десятилетие функционирует в не снисходительных к слабым постсоветских реалиях. Построена модель следующим образом: для всех членов общины открыт в ОАО «Кантык-Ях» индивидуальный кредит под экономические соглашения и продукцию традиционных промыслов. В рамках созданной системы кредитования члены общины совершают почти все покупки – от продуктов питания до крупных промышленных товаров: строительных материалов, снегоходов, электрогенераторов и т.п., которые доставляются им по Югану речным транспортом, принадлежащим общине. Община также помогает своим членам заключать грамотные экономические соглашения с недروпользователями и следит за тем, чтобы их права не ущемлялись.

Первые экономические соглашения на Югане появились ещё до создания общины. В 1996 году руководство ОАО «Славнефть – Мегионнефтегаз» всё же заключило договор с семьями Ачимовых. А чуть раньше, вступив в общину, продали свои земли соседи Кинямины.

| Фото из архива Эндрю Вигета
и Ольги Балалаевой |

– Нам дальше всё равно развиваться надо, – рассказывал мне в те годы Владимир Семёнович Когончин. – Коль изъявили желание коренные жители сотрудничать с нефтяниками, значит, будем думать, как дальше вместе жить. Юрты Каймысовские, самые отдалённые, ещё могут прокормиться, а вот близлежащие Кинямины за счёт традиционных видов уже не выживут. Они сознательно пошли в общину, чтобы как-то сохраниться. Они осознают, что в одиночку, каждой семье, ну не выдержать натиска нефтяников.

Каким может быть сотрудничество коренных жителей и нефтяников? Я считаю, какой-то у нас должен быть орган самоуправления и соуправления этими месторождениями. Чтобы не одни нефтяники диктовали нам какие-то условия, а и мы свои хотелки тоже могли озвучить, юристов привлекать, чтобы освоение шло цивилизованным путём.

– Как могут коренные жители вместе с нефтяниками управлять месторождениями?
– Это всё новое для нашей земли, поэтому, я считаю, тут уже вопрос юристов. Летали мы в Америку, смотрели их самоуправление. Работают же там по такому принципу, значит, и мы сможем. Кому-то же надо начинать здесь...

Это был далёкий 1996-й. Именно тогда, после поездки в американские резервации, инициированной Ольгой Балалаевой и Эндрю Вигетом, и возникла идея создания на Югане зоны приоритетного традиционного природопользования в форме биосферного резервата.

Сегодня заключительный участок дороги в отдалённое село Угут петляет среди многочисленных нефтяных объектов, бесконечные письма сельчан к властям с требованиями очистить территорию от нефтяных разливов не имеют откликов, а на мои предложения написать об общине в какое-нибудь местное издание её бессменный председатель Владимир Когончин по-прежнему отвечает: пусть лучше об этом никто не знает, нам спокойнее жить будет...

– Тем не менее, сложившаяся модель хозяйствования, в которую включены все члены «Яун-Ях», а их на сегодня уже сорок семей, общей численностью около четырёхсот человек (это самая крупная национальная община Югры, – прим. автора), до сих пор обеспечивает общине социально-экономическую стабильность, а стабильность, хотя и относительная, создаёт некое пространство, в котором участники процесса могут соотносить себя с культурной историей угорского Приобья...

Юганские Мадонны

| Серия портретов |
| Александра Медяникова |

В поисках легенды

По сценарию видеофильма

Едем на моторке по Югану, смотрю – человек по берегу идёт, вроде не местный, одежда на нём не наша. Ты кто? – мысленно спрашиваю. – Он также мысленно отвечает: Я Тонья.

Фрагмент из фильма

Иллюстрация Руслан Круговой

Идея снять фильм о средневековом хантыйском богатыре, защищавшем честь и достоинство своих сородичей от посягательств пришлых людей, появилась ещё в 2007 году. Именно тогда попала на глаза повесть учителя Угутской национальной школы Александра Васильевича Силина «Монти Тонья» (Сказание о Тонье). Сельский учитель записал легенду в 1954 году со слов Семёна Фёдоровича Покачева в юртах близ села Угут. Повесть была написана так увлекательно и кинематографично, что я прочла её пару раз кряду. Образы, сцены, эпизоды так и выростали в моей голове: вот Тонья с горсткой своих сородичей защищается на обледеневшей сопке от нападающих врагов, вот он бежит из плена, неслышно проскользнув прямо под носом у казаков... Я отложила Монти в свои запасники с мыслью, что когда-нибудь обязательно сделаю фильм о Тонье. Тогда, в 2007-м, я была увлечена другими героями, которые немало усилий приложили к освоению Сибири: студия работала над масштабным проектом «Исторические хроники Югры».

Тонья напомнил о себе через год, когда Сургутский краеведческий музей выпустил книгу по Силинской повести – «Монти Тонья». Позже я ещё несколько раз возвращалась к идее создания фильма, перечитывая сказание о юганском богатыре. О реальном же начале кинопроизводства разговор зашёл лишь осенью 2012 года, когда Сургутский район стал готовиться к своему 90-летию юбилею.

Два года ушло на переговоры о финансировании проекта, и вот, ранним утром 16 августа 2014-го, съёмочная группа в составе четырёх человек на две недели выехала в Угут, чтобы отыскать следы Тоньи.

Надо сказать, что к тому времени, когда мы прибыли на Юган, Ханты-Мансийский театр обско-угорских народов уже вовсю репетировал спектакль «Легенда о молодом Орле» по повести Силина, то тут, то там появлялись статьи о Тонье, тюменский археолог Валентина Ивановна Семёнова на основе произведённых в девяностых годах раскопок на городище Частухинский Урий выпустила книгу по результатам своих исследований (в книге она связывает Частухинский Урий с известным по легендам городком Мункысь Урей – крепостью Тоньи), да и Угутский краеведческий музей вот-вот должен был приступить к строительству на своей территории так называемого городка Тоньи.

Юганский богатырь возвращался на родную землю, и даже становился популярным. Итак, мы ехали на родину Тоньи.

Буквально с первых дней знакомства со своим легендарным героем я мечтала о том, чтобы консультантом в работе над фильмом стала Ольга Балалаева. Я рассчитывала на её опыт и знания, полученные в результате многолетних исследований в общине «Яун-Ях», члены которой впоследствии и станут нашими главными информантами и проводниками. Ольга Эдуардовна помогла организовать работу в общине (в проекте участвовало около тридцати человек) и определить основные направляющие нашего киноисследования.

– Устная традиция, связанная с Тоньей, – это часть культурного наследия народа Югана, Яун-Ях. Но даже те тексты, которые до сих пор бытуют здесь, на Югане, говорят о том, какая это объёмная, древняя и многослойная традиция. Тонья – полубог, он – сын Бога, рождённый от земной женщины. Он растёт не по дням, а по часам, ему под силу то, что не под силу его сверстникам: например, он участвует в состязаниях с богатырём Нёмылем, которого призывает на помощь (мы знаем о таких богатырских состязаниях из других героических сказаний). У Тоньи есть дар предвидения... Видите, как проступает древний мифологический узор?

Одновременно юганские ландшафты маркированы эпизодами из этого сказания. И это поддерживает местная топонимика. Некоторые историки, например, высказывают предположение, что прообразом Тоньи были сыновья князя Бардака. Бардак княжил в этих местах на рубеже XVI-XVII веков, он был влиятельный, могущественный. Ему в наследство досталась эпоха перемен: утрачивали силу и влияние Пегая орда и Сибирское ханство, набирало силу присутствие Московского царства. Сыновья князя Бардака носили оружие, были таёжными воинами, участвовали в схватках и междоусобицах с соседями, враждовали с казаками, воевали с татарами (у нас есть свидетельства о том, что на Югане стояли татарские улусы), уносили добычу, запирались в своих крепостях на реке, защищали эти крепости,

да так и вошли в легенду. Мы видим, как сквозь историческое предание просвечивает, прорастает мифологическое. В древних бесписьменных культурах, к которым относилась культура таёжных цивилизаций обских угров, важные исторические события не записывались. Они запоминались. Они оставались в памяти носителей культуры. И носители культуры постоянно делали выбор: те события, которые казались им незначительными, отбраковывались и забывались. История силуэтом отражалась в предании, так же, как деревья отражаются в воде. Предание переходило от дедов к внукам, из уст в уста. Границы предания совпадали с границами культуры. И так – событие накладывается на предание, предание накладывается на пейзаж – образуется культурный ландшафт (Из интервью с Ольгой Балалаевой).

Эту едва уловимую нить культурного ландшафта междуречья Большого и Малого Юганов и предстояло зафиксировать нашей съёмочной группе. Мы записали несколько версий легенды, проехали по местам, которые по сегодняшний день имеют местную топонимику. Нашим проводником был Егор Кинямин, юганский таёжный охотник, директор медиацентра общины «Яун-Ях», хранитель предания о Тонье, знаток местной истории и земли. Поиск вели по координатам навигатора и рассказам стариков, которые уже ушли из жизни. Даже Егор Павлович, который много раз слышал об этих местах, искренне удивлялся, когда мы находили что-то впервые. Так, например, были обнаружены озеро матери Тоньи, Пителли, и место, где родился легендарный богатырь – юрты Луксы пувел (Люкסיпуль).
– Все слышали про эти юрты, но почти никто их не видел (Из интервью с Егором Киняминым).

В целом же нам удалось найти или подтвердить около десятка мест, так или иначе связанных с пребыванием Тоньи: крепости, урны, могильники, даже целый городок, его нам показал другой информант – Андрей Николаевич Ачимов:
– Вот здесь когда мор был, людей хоронить не успевали, просто боковые столбы у землянки подрубали, и крыша обрушивалась на людей. Так и хоронили... (Из интервью с Андреем Ачимовым).

Мы шли гуськом по едва заметной таёжной тропе, Андрей Николаевич – впереди, беспрестанно разводя руками налево и направо: вот здесь дома стояли, и здесь, и вон там, мы сейчас посередине улицы идём...

Нас буквально втягивало в этот неведомый параллельный мир, который существовал, непременно существовал, надо было только его отыскать, почувствовать, слиться с ним. И мы всеми силами пытались отыскать глазами то, о чём так непринуждённо рассказывал таёжный охотник. Но одно дело – отыскать глазами, другое – снять на камеру, и в этом была наша проблема. И ещё: чтобы разыскать те или иные объекты нашего топонимического поиска, нам вместе с местными жителями

приходилось долго ходить (а люди, выросшие в тайге, перемещаются по ней довольно быстро). Но одно дело просто дойти до места, другое – дойти с оборудованием и снять. Желательно хорошо. Ведь мы не просто искали легенду – мы снимали фильм. А тому, что мы искали, – более четырёхсот лет. Фильм мы снимали на родном языке хранителей предания. Наши же проводники и информанты, несмотря на то, что у таёжников летом всегда много дел, с готовностью уделяли нам и своё внимание, и своё время. Дорогого стоит. Это для меня кино – дело всей жизни. Профессия. Хобби. Страсть. А для коренных жителей кино – всего лишь забава, баловство. Несмотря на то, что редкий из них не был в наше время снят на камеру этнографами (есть у них такое направление – визуальная этнография) либо телевизионщиками, люди тайги не относятся к камере серьёзно, наоборот, с осторожностью: что там впоследствии из этого выйдет? Не секрет, что зачастую выходит совсем не то, что ожидалось согласившимся простодушным героем. Вот здесь и пригодилась помощь Ольги Эдуардовны: своим авторитетом, своими знаниями и опытом она как бы соединяла общинников и нашу незнакомую для них съёмочную группу.

О телевидении в тайге стоит сказать особо. На мой взгляд, понятия тайга и телевидение – по крайней мере, сегодня – ну, почти абсолютно несовместимые. Может быть, завтра... Не каждому можно доверить тайгу. Ну, не доросли мы ещё до процессов,

которые происходят в этом сложном, древнем, во многом до сих пор непонятном и непонятом мире. Телевидение в тайге сегодня во многих случаях – это как слон в посудной лавке. Посуды наколотим, а потом осколки людям показываем: «Смотрите, что мы там нашли!» Зритель же по этим осколкам формирует мнение о мире, которого никогда не знал, не видел, о людях, которых до сих пор очень сложно понять. А надо бы. Осколки-то, быть может, от редчайшей китайской вазы династии Мин. Возможно, поэтому несколько лет назад у общины «Яун-Ях» появился свой медиа-центр, и в перерыве между охотой, рыбалкой и прочими неотложными делами снимает Егор Кинямин жизнь своих соплеменников на камеру, записывает всё самое, на его взгляд, важное, происходящее в непростой современной жизни уникального лесного народа Яун-Ях.

– Тонья... Он должен был стать хантыйским вождём. Вождём, царём... Руководителем. Так Торум поначалу решил, Бог. Однажды Тонья воевал на какой-то старнице, так я слышала, головы своих врагов он поотрубал и через водоём их на колышки все посадил, вроде как для устрашения. Сколько там, триста, что ли... И у него не хватило до берега ещё три головы. три колышка остались пустыми. Тогда он отрубил собачьи головы. Так как он невинную кровь пролил, его Бог наказал. Так говорят.

И из-за этого не стало у хантов вождя. Ханты сейчас поклоняются другому. Тонье так и сказано было: «за то, что ты так поступил, невинную кровь пролил, я сделаю так, чтобы ты в подчинении был у русского (не знаю точно, про русских сказано или про кого, но мне рассказывали, что, мол, у русских будете, ханты, в подчинении). А я хотел, чтобы вы были отдельным народом. Чтоб со своим царём были, предводителем».

А в сегодняшнем дне, я думаю, вождь и руководитель, конечно, нужен. Потому что мы какие-то... Ходим на поклон к кому-то там, не знаю, в администрации всякие... Сегодня пока живём хорошо. Администрации и община помогают в том плане, что... Ну, что у нас нет запретов каких-то. Нам не запрещают жить в лесу. Пока что. Но я не хочу, чтобы было такое время, чтоб нас из леса-то прогнали. Конечно же, если наши дети оставят традиционный образ жизни, они забудут и про Тонью, он им не нужен будет. А куда они живут в лесу, пока они растут, – мы будем передавать им эти истории, былины и рассказы, чтобы они стремились как-то к чему-то светлому. И если покарал Всевышний Тонью, то мы будем уж слушаться, как-то меньше грешить, чтобы и нас не покарал. Не будем совершать ошибок. Если нам назначено жить в лесу и не губить природу, не вредить ей – то будем стараться это поддерживать... (Из интервью с Еленой Сурломкиной)

За двадцать лет тесного общения с Ольгой Балалаевой и Эндрю Вигетом я достаточно хорошо знала о том, как обстоят дела в общине «Яун-Ях». Знала, что не сумели отстоять в конце девяностых право зарезервировать земли, на которых

живут и охотятся, и тем самым спасти их от нефтяного освоения, и теперь община буквально задыхается в нефтяном котле; знала, что тайга на территории «Яун-Ях» нещадно вырубается без согласования с теми, кого эта тайга кормила веками... Поэтому, мотаясь с коренными юганцами по почти непроходимым лесам и болотам, я постоянно отгоняла от себя назойливую мысль: ну какое же дело этим людям до сказок стариков! Исчерпывающий ответ я получила от той же Ольги Балалаевой: – *Тонья, сформированный мифологическим преданием, превратился в символ дела предков. Веры предков и защиты исконной земли предков. И, я думаю, в этом – ключ к пониманию того, что это предание до сих пор бытует в этих краях, не обмелело.*

Так у меня появился ключ. Ключ ко всему фильму. Это сверхзадача – рассказать не только о Тонье и нашей экспедиции, но и о тех людях, которые, несмотря ни на что, помнят и стараются сохранить своё культурное наследие. Ведь не каждое предание способно пройти сквозь века и дожить до наших дней.

междуречье Большого
и Малого Юганов | Сургутский район |
август | 2014 год |

Олени для Саввы

| История Савелия и Татьяны Самбиндаловых |

Всего в мире насчитывается 2 миллиона 900 тысяч оленей; в России – 2 миллиона; на Ямале – 500 тысяч; в Югре – 37 тысяч (в середине прошлого века было почти 88 тысяч). По научным подсчётам, сегодня пастбища Югры могут прокормить 48 тысяч оленей.

| Староста Югры |

Есть в английской разговорной речи такое выражение: You made my day. – Ты сделал мой день. Сегодняшний день коренной мансийской Югры во многом сделала депутат Государственной Думы России манси Татьяна Степановна Гоголева.

Манси – один из самых малочисленных народов Севера. Если образно представить, то весь народ манси можно разместить в одном городском квартале, а людей, говорящих на мансийском языке, – в одном пятиэтажном доме. С первых шагов своей политической деятельности депутат Татьяна Гоголева была старостой и этого дома, и этого квартала. Старостой талантливым, напористым, бескомпромиссным.

При её непосредственном участии были изданы два окружных закона: «О языках» и «О средствах массовой информации на родных языках». Депутат Гоголева неустанно патронирует ту часть молодёжи, которая хочет получить высшее образование, помогает всячески в их адаптации, а затем следит, чтобы отучившиеся вернулись в родные края и могли преподавать родные языки у себя на малой родине.

Она же вернула на мансийские территории древнейший обряд коренных народов – Медвежьи игрища. Но самый, на мой взгляд, авантюрный проект депутата, старосты и просто неравнодушного человека Татьяны Гоголевой – это попытка вернуть на мансийские земли давно исчезнувшее оленеводство.

Ещё в начале восьмидесятых потомок крепкого рода Самбиндаловых Савелий с озера Турват, что в Берёзовском районе, считался вполне состоятельным оленеводом. Дед держал стадо около двухсот голов, затем отец. Хозяйство считалось образцово-показательным на Северном Урале.

Но судьба распорядилась по-своему. В семье один за другим появились шестеро детей, четверо мальчиков и две девочки, и надо было выбирать: либо оленей пасти, либо детей на ноги ставить.

– Манси своих оленей пасут не так, как ханты. Ханты почти каждый день их домой пригоняют, больше контроля у них за оленями. У нас, на Северном Урале, – как в горы стадо ушло вместе с пастухами, так порой на два-три месяца. А дети подросли – в школу надо возить за сто километров, в общем, не до оленей стало. Часть по горам разбрелись, остальных забить пришлось (Из интервью с женой, Татьяной Самбиндаловой).

Почти 30 лет семья Самбиндаловых жила без оленей. За счёт чего жили? Коров держали, охотились. Но вот дети выросли, внуки появились, хозяйство у Савелия по-прежнему крепкое, и всё чаще он стал задумываться: а не вернуться ли снова к оленеводству? Весной 2011 года, во время проведения Медвежьего праздника в одной из мансийских деревень, он обратился к Татьяне Степановне Гоголевой с просьбой помочь приобрести оленей.

– Когда оленей держишь – и на сердце как-то спокойно. Сыновья в лесу останутся, в посёлки не уедут. Научатся оленей пасти, обучать их в упряжке ходить. Внуки подрастают уже, в лесу живут, а оленей в глаза не видели. Теперь будут знать, что такое олень, чем их деды-прадеды занимались... (Из интервью с Савелием Самбиндаловым)

Совместными усилиями подготовили документы, получили грантовую поддержку правительства Югры, договорились с ямальским оленеводом-частником Михаилом Яром («у него дешевле»), и поехали.

Основная экспедиция во главе с Гоголевой отправилась за оленями в феврале 2012-го. Семья же Саввы приехала к Михаилу в Надымский район на месяц раньше. Сыновья нарабатывали оленеводческие навыки, а Савелий вспоминал, как обращаться с животными. Жили в чуме, неподалёку от стада.

Команда, которую Татьяна Степановна везла с собой, состояла из восьми человек, в том числе – оленеводы из Саранпауля братья Александр и Алексей Вьюткины и Владимир Васильевич Хозумов. Была с нами и Татьяна Борисовна Сопочина, дочь Бориса Антоновича Комтина, из-под Русскинской. Выросшая в семье потомственного оленевода и сама великолепно знающая, как обращаться с оленями, она буквально спасла будущее стадо Самбиндаловых. Вовремя заметив, что при отлове Яр пытается «скинуть» нам непригодных оленей, не нужных ему самому, Татьяна сказала об этом нашим оленеводам, и с Михаилом состоялся очень серьёзный разговор.

| Вперёд, в прошлое |

| Как это было |

Дело в том, что формирование стада, если олени берутся не на мясо, а для дальнейшего разведения, происходит по своим, определённым правилам. В нём должно быть определённое количество важенок (самка оленя), хоров (взрослый олень), оленят. Денег хватило на 80 оленей. Одного оленя хозяин подарил старшему сыну Олегу за то, что тот сделал ему лыжи, и ещё одного, вожака (его так и назвали – Бонус) – Савве. Бонусом пошёл и маленький оленёнок, которого отловили по ошибке, да так потом и не стали отпускать обратно в стадо. Так что в трёх огромных грузовиках-длинномерах мы везли 83 оленя.

| Дорога |

Почти тысячу километров пришлось преодолеть автокаравану с животными. В течение всего пути следования оленей буквально носили на руках, бережно укутывая в сено и дорнит. Чтобы не останавливать процесс перевозки, работали и в тёмное время суток, и даже по ночам. Основную часть пути из Надымского района в Берёзовский грузовики преодолели за 29 часов. Чтобы не повредить и не напугать животных, ехали осторожно, со скоростью не более тридцати пяти километров в час. Водители сменяли друг друга почти на ходу. Грузовики были заполнены оленями лишь наполовину, поэтому там можно было свободно передвигаться. Во время небольших остановок оленям бросали снег, чтобы они могли попить. Также везли мешки с ягелем, которые одна мансийская семья специально собирала осенью. Последняя остановка – охотничий кордон Усть-Манья. Чтобы не напугать животных при выгрузке, а она тоже происходила ночью, выключили весь свет: фары, электричество в избах... Конечно, оленеводы вовсе не думали о работе нашей съёмочной группы, они беспокоились об оленях. Поэтому мы с оператором Женей Романовым выкручивались как могли.

Новость мгновенно разлетелась по округе, и посмотреть на оленей съехались население ближайших деревень.

Отсюда до конечного пункта, паула Самбиндаловых – 40 километров. Сыновья Саввы больше суток непрерывно перевозили оленей в нартах, прицепленных к «Буранам». Эти последние три часа пути, пожалуй, были самыми сложными.

| Зачем тебе олени, Савва? |

Во время всего путешествия внешне Савелий Дмитриевич вроде бы был спокоен. Но стоило совсем немножко пристально понаблюдать за ним, его женой Таней, старшим сыном Олегом, и становилось совершенно очевидно – у этих людей начинается новая жизнь. Вот просто на твоих глазах происходит что-то едва уловимое, но очень значительное. Сам же Савва будто светился изнутри, и я это чувствовала. «Зачем тебе олени, Савва? – спросила я у него. – Ведь тридцать лет уже прошло...» «Чтобы сыновей к земле привязать», – ответил он.

Не спрятать глубоко в тайге от развращающей лесного жителя техногенной цивилизации, нет, наоборот – укрепить корни своей, традиционной жизни. Простое

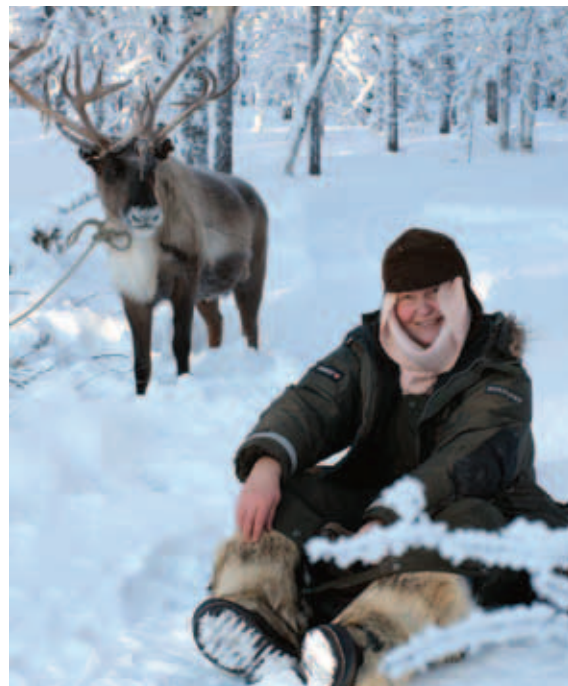
и мудрое решение. Только вот у Савелия с Татьяной теперь другая проблема – женить бы сыновей, да кто из молодых сейчас в лес пойдёт...

Поводы для беспокойства, конечно, были. Экспедиция проходила в феврале, важенки были уже беременны. Доедут ли? Не будет ли выкидышей? Проблемы подстерегали оленеводов и в родных окрестностях. Одна из них – волки, которые на территории Северного Урала обитают в больших количествах. «Надо быть законченным оптимистом, – сказала Татьяна Гоголева, – чтобы думать, что стадо сохранится полностью». Мы были оптимистами.

Невероятно, но стадо доехало без потерь. Единственный олень, которого пришлось пустить в расход, умудрился соскочить с нарты уже при перевозке в паул Самбиндаловых и спрятался в осиннике. Достать его оттуда было невозможно, аркан накинуть тоже, поэтому его просто пристрелили. Мне это было странно: как, с такой бережливостью протащить оленей через тысячу километров, и в первый же вечер таким банальным образом лишиться одного из них? На что Савва абсолютно спокойно ответил: «нормально». Ещё один олень пошёл на обязательное жертвоприношение, на удачу разведения стада. В те два дня, когда мы гостили у Саввы, довелось нам наблюдать одну неприятную картину. Озеро Турват, в шести километрах от которого расположено жилище Самбиндаловых, и прилегающая к нему

| Риски |

территория издавна считались священным для манси. Это – вход на Урал. Тем не менее, сегодня дорога на рыбный Турват хорошо известна и геологам, и золотоискателям, и рыбакам, и просто браконьерам. А проходит она, в буквальном смысле, по Саввиному подворью. Вот и теперь: не успели выгрузить последнюю партию оленей, как во двор въехала очередная машина: О! Олени! Не продаст ли Савва оленячки килограмма три? Шутка? Возможно. Но, на всякий случай, буквально через пару дней после отъезда экспедиции Савелий отогнал стадо на тридцать километров в глубь тайги, подальше от шальных глаз.

| Удивления |

Конечно, такое дело Савва сам бы не осилил. Экспедиция – это лишь одна восьмая часть айсберга под названием «Новый олений дом» (так окрестила весь проект Татьяна Степановна Гоголева). Семь подводных восьмых – это организация: переговоры с правительством, добывание денег, попытки узаконить оленей на территории семьи, узаконить саму эту территорию... Сейчас, по прошествии времени, думается: не будь Гоголева членом Ассамблеи коренных малочисленных народов Думы Югры, – случился бы в жизни Югры тот рискованный перегон? Переночевали вповалку на полу и где придётся (ночью ещё подъехали гости). Рано утром я вышла на крыльцо. Не нужно искать и, тем более, строить декорации, чтобы снять хороший фильм про закоренелых таёжников, охотников, про историю этой земли.

В небе – уходящие звёзды, на ветках деревьев и сугробах – блестящие снежинки, 6 разномарочных снегоходов во дворе, добротные постройки. Теперь и олени. Хороший бы получился фильм, качественный. Но художественное кино – это почти всегда плод фантазии режиссёра. Здесь же всё было по-настоящему.

Четверо сыновей – как четверо добрых молодцев – крепкие, красивые, молодые. Не пьют. Почти не разговаривают по-русски, нет нужды – вся семья общается на родном мансийском.

Уже через год старший сын, Олег, приедет в Усть-Манью на оленьей упряжке, как и мечтал. Не получилось у меня увидеть, как встретила его деревня. С завистью? С горечью? С надеждой? А так хотелось.

Помню, как у людей, попадавшихся нам на пути всего следования оленного эшелона, глаза горели надеждой на новую жизнь (идея возрождения оленеводства, традиционного образа жизни очень важна для народа манси, – говорила Татьяна Гоголева). Хорошо помню и фразу одного из русских, приехавшего посмотреть на оленей: «Да что вы с ними возитесь, они всё равно всё пропьют».

Мы с оператором ехали в специальной машине сопровождения, в ней был люк. Чтобы зафиксировать движение каравана, Женя снимал стоя, высунувшись из люка, при температуре минус 25-30 градусов. Как только выехали из Берёзовского района, ударило под 40. Предприятие, которое помогало нам транспортом, даже запретило выпускать машины на трассу. Камеры у нас периодически ломались, мы их чинили на ходу.

В любой экспедиции подобного рода больше важны, на мой взгляд, не столько профессиональные качества, сколько человеческие. Нельзя уставать, нельзя портить друг другу нервы и настроение, нельзя мешать делать общее дело. Женя был из таких. Мы были хорошей командой.

Когда оленей ночью перевозили уже в паул Самбиндаловым и Женя уехал на открытом самосвале с одной из партий оленей, чтобы ничего не пропустить, я сама снимала, стоя на одном из «Буранов», которыми возили остальных оленей.

Старожилы помнят, как ещё 15 лет назад и по мансийским деревням олени ходили. Куда они все подевались? Постоянные укрупнения и прочие эксперименты социалистического хозяйствования свели на нет частное оленеводство в этих местах. Последних оленей здесь пустили под нож в 1997-м, за нерентабельностью. По роковой случайности почти в это же время от ножа погиб и их хозяин, один из немногих грамотных оленеводов, оставшихся в этих краях.

Кино у нас так и не получилось. Творческого запала хватило лишь на победный репортаж об уникальном перегоне, а хотелось снять и те места, где происходили вышеописанные события, и воспоминания старожилов, проехаться по тем самым деревням,

| Команда |

| Кино не будет |

озеро Турват | Свердловская область
| Северный Урал | 2012 – 2016 годы

Послесловие и послевкусие

паулам, где ещё жив оленный дух... К тому же, надо бы и хозяйство Самбиндаловых навестить: как там олени? Кино – это тяжёлый, кропотливый труд. Нужно время, чтобы осмыслить. А ещё нужен кураж. Когда у тебя не горят глаза – фильма не получится. Замотала текучка, так бывает. Но надежды я не оставляю.

– Возвращение оленей одной из мансийских семей – лишь пилотный проект. Организаторы «Нового оленного дома» надеются, что и другие семьи на западе Югры, глядя на Самбиндаловых, возьмутся за восстановление частного оленеводства... (Из интервью с Татьяной Гоголевой).

Это была задача максимум. Сегодня, несколько лет спустя, семейство Самбиндаловых по-прежнему единственные оленеводы в тех краях. Все эти годы мне не давала покоя мысль: когда Иосиф Антонович Сопочин и его соплеменники захотели вернуться в тайгу и возродить оленеводство у себя на Тром-Агане, они просто сбросились и вкладчину купили себе небольшое стадо. На зарплату охотника купил первых оленей и Юрий Вэлл. Недавно с помощью нефтяников приобрела оленей моя новая знакомая Люда Кнезьянова, и даже семья молодой хантыйской рок-певицы Веры Кондратьевой, живя в Лянторе, начала строиться в лесу и собирается купить оленей. Почему же мансийские оленеводы всё ждут помощи от кого-то? Ответ я получила от депутата Думы Югры манси Надежды Геннадьевны Алексеевой:

– У вас на Тром-Агане нефтяное освоение подтолкнуло к юридическому оформлению земельных участков, есть куда оленей привести. И люди посостоятельнее. У нас нефтяников нет, землю оформить труднее, народ беднее, у иных и на пололена денег нет. Без помощи им не обойтись. Просто нужно время.

Недавно Татьяна Гоголева выдвинула ещё более фантастический проект – предложила объявить мораторий на территорию Сопочиных, которая находится сегодня под угрозой нефтяного освоения. По её совету живущие в одной из «горячих» точек Югры, Иосиф Иванович и его сын Степан, собираясь на приём к губернатору, написали следующее:

Уважаемая Наталья Владимировна!

Просим Вас содействовать – наложить мораторий на разработку месторождения «Отдельное» на период 20-30 лет, которое выкупило ОАО «Газпромнефть – Ноябрьскнефтегаз». Это месторождение находится на последних оленьих пастбищах нашего родового угодья.

Ваше личное участие необходимо, потому что при обсуждении согласования по данному месторождению с участием чиновников, со стороны администрации Сургутского района, начальника отдела Севера Шухардина А.П., мы считаем, исходят угрозы нашей безопасности за позицию в отказе согласования.

31.08.2015.

Не прошло. Пока не прошло.

Олени для Саввы

| Фоторепортаж |
| Евгений Романов |

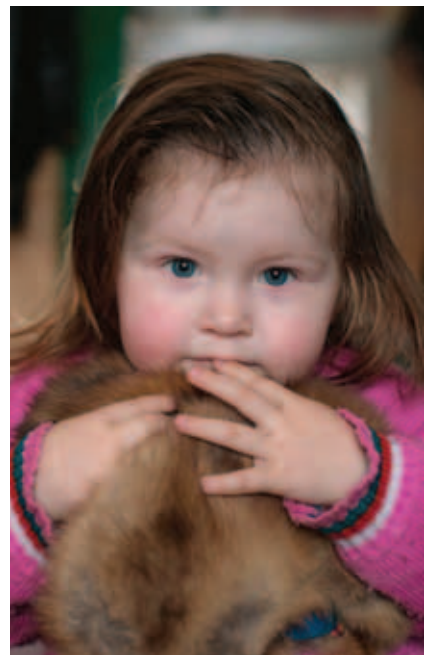

Что значит быть вождём

| История Александра
Айпина |

*Вождь – общепризнанный
идейный, политический
и т.п. руководитель.*

| Толковый словарь
русского языка |

С Сашей Айпиным мы познакомились ещё в 1996-м, во время экспедиции на обла-ках по Агану, инициированной Юрием Вэллой. Неприметный 16-летний парнишка был, что говорится, «на подхвате»: занимался бензином, добывал дрова для костров на стоянках, управлял одной из двух моторок сопровождения. Я была чрезвычай-но занята съёмками фильма и, кажется, даже не обращала на него особого внима-ния. Экспедиция закончилась, и мы расстались. Встретиться снова довелось летом 2014-го в Варьёгане, когда адвокат Галина Оболенская пыталась объединить аган-ских жителей, пострадавших от нефтяных и лесодобывающих компаний, с целью их защиты (как окажется позже, у Галины Васильевны цель была несколько иная: за свои услуги она просила 30 процентов от выигранной суммы).

На этом собрании Саша и напомнил о себе. Это был 30-летний, уверенный в себе симпатичный молодой человек, с одной стороны – представитель современной хантыйской молодёжи, с другой – потомок древнего хантыйского рода Бобра, рода хранителей священных мест по реке Аган.

Саша – частный предприниматель, пытающийся развивать этнотуризм в родном крае. Раньше работал учителем физкультуры, а теперь ищет государственные гран-ты для своего стартапа и параллельно учится на заочном отделении по специаль-

ности «Государственное и муниципальное управление». От него я и узнала подробности истории о белоягельном боре Агана.

– 2012 год был особенно жарким, многие ягельные места сгорели. Наша семья смогла отстоять всего один бор. На сегодняшний день он является основным кормовым пастбищем для наших и соседских оленей. Именно под ним находятся 3,5 миллиона тонн нефти Марталлеровского месторождения, выкупленного «ЛУКОЙЛом».

Год напряжённого противостояния пришлось выдержать семейству Айпиных. По электронной почте Саша скинул мне всё, что сумел собрать в прессе относительно этой истории, и я зарылась в интернет.

Вечером 21 февраля 2013 года в интернет-газете ZNAK появился материал под заголовком «Ханты из рода Айпиных требуют от «ЛУКОЙЛа» прекратить осквернение святых мест и не губить природу», в котором говорилось следующее:

«Представители именитого рода Айпиных, чей родственник – Еремей Айпин – занимает должность вице-спикера Думы ХМАО, публично, посредством популярного видеохостинга «YouTube» обратились к властям Югры. Они просят повлиять на губительную для них ситуацию, виновником которой Айпины считают компанию «ЛУКОЙЛ» и ее дочернее предприятие ТПП «Покачёвнефтегаз», работники которого ведут разработку Марталлеровского месторождения».

Столкновение интересов произошло в районе 90-й разведочной скважины, которая находится в границах родового угодья Семёна Айпина, Сашиного отца, неподалёку от стойбища. А рядом, в прямом смысле, – на месте жилого дома Айпиных и на территории ягодника – планируется поставить еще две скважины – 41 и 42. Айпины были возмущены, что компания начала геологоразведку на ягельных пастбищах рода, протянув технику без ведома и согласия хозяев через кладбище, священное место, и территорию четырёх родовых угодий.

В тот раз договориться так и не удалось. Техника, зашедшая на землю Айпиных в ночь 12 февраля, 13-го была вынуждена ретироваться с помощью нанятого адвоката и местной полиции. Но ни нефтяники, ни ханты от своих интересов в конфликтном районе отказываться не собирались.

Читать было интересно не только сами статьи, но и отзывы под ними, коих было множество. Причём, судя по отзывам, участие в них приняли и коренные жители, и нефтяники, и просто неравнодушные:

Вогулы: *Нефтяники, как оккупанты, как сонмища нечистой силы из преисподней, убивают Живую Планету и Священные её места! Ради наживы!*

Неизвестный: *Если бы на ваши земли и угодья НЕЗАКОННО и НЕСОГЛАСОВАННО залезли бы нефтяники, ты бы тоже запрыгал!!! Тем более что нарушили всё святое, даже по кладбищу проехали! Это разве нормально?!*

Лук: *Цена вопроса устроенной хантами акции – несколько миллионов рублей (5 миллионов рублей по совету Оболенской запросили Айпины за три месяца эксплуатации дороги по ягельному бору, - прим. автора). По миллиону на брата, ну, и адвокату. Не нужны снегоходы, ГСМ. А вы говорите – окружающая среда, святое...*

Фото Галина Мумракова

Из интернет-переписки

Grom: LUK, а ты считаешь, что деньги не нужны в лесу? Думаешь, тот же самый кораль для оленей бесплатно кто-то будет делать?! А корм для оленей, также восстановление после погромов нефтяников... Как же без поддержки? Значит, нефтяники каждый год на курорты раскатывают по заграницам, а людям, которые всю жизнь поднимали культуру, горбатиться без отдыха и жить в нищете?

Глас: Ханты молодцы! Пора сказать «нет» нефтяным боссам, которые и работягам не платят, и то, что положено по закону коренным жителям, — отжимают у них. Свой дом надо защищать. Им здесь жить, и сохранить природу могут только они. Нефтяным королям безразлично, что останется после нефтеразработок. Им безразлична судьба их рабочих. И последствия их вмешательства в природу им также безразличны. У них дом в другом месте. Россия для них — это лишь место работы.

Конда: Народ ханты — хозяева на своей земле, все полезные ископаемые, которыми пользуется государство, принадлежат и им тоже. Нефтяники должны считаться с интересами коренного населения.

КОМ: Создано множество различных комитетов, ассоциаций, институтов, которые должны заниматься проблемами малочисленных народов Севера, но кроме словоблудия, псевдонаучных исследований да имитации заботы, и, как следствие, размазывания и разворовывания средств финансирования целевых программ, дальше дело не идёт. А нефтяные компании, нарушая финансовую дисциплину, да ещё несколько законных и подзаконных актов, покупая снегоходы, лодочные моторы, ГСМ и пр., вынуждены списывать их как запчасти и комплектующие к нефтяному оборудованию и к транспортным средствам. Нефтяные компании, конечно, готовы помогать местному населению, но где Федеральный, точно выверенный, Закон? Куда уходят значительные средства за недропользование? Много вопросов, от решения которых власть самоустраняется, и всё ложится на плечи нефтяников да на коренных жителей, которые с помощью адвоката пытаются эти вопросы порешать.

Седой: Нефтяники вторглись в святые для нас места, равнозначные церкви и мечети. Что скажут православные и мусульмане, если проехать на технике по их святым местам? Наверняка, это вызовет большой общественный резонанс. А чем хуже мы? Это наша земля, наши святыни, которые завещали и передали нам в наследство наши предки! Это наша Вера, Культура и Быт! Мы большая многонациональная страна, так давайте жить дружно, беречь и уважать наши общие духовные ценности!

Андрей: Ханты ЗАЖРАЛИСЬ уже. Для них нефтяники что только не делают, разве что кан-кан не танцуют. Обнаглели уже окончательно. Чем больше есть, тем больше хочется? Ну и что, что они коренные? А работаем здесь мы! А эти кайфуют! Тошно, противно! ПОСТЫДИЛИСЬ БЫ, УВАЖАЕМЫЕ МНОЮ ХАНТЫ!!!

Uzer: А дама в розовом (адвокат Г. Оболенская, — прим. автора), интересно, знает, сколько денег нефтяники тратят на организацию праздников для хантов? Миллионы! И они не говорят, что им это не нравится. Жрут там водку и радуются. Кстати, с нас ещё, работяг, берут по 300 рублей за катание на оленях. Нормально, а?

Неизвестный: То, что получают ханты, это около 3000 рублей на человека в квартал и изредка единовременные выплаты за работы на угодьях. А кто зажрался, так это сами нефтяники, которые списывают миллионы на хантов, а сами выплачивают им тысячи. И вообще, здесь речь идёт не о деньгах, а о святых местах, в которые вторглись нефтяники! Ханты молодцы, они хозяева на своей земле, а нефтяники и все остальные — всего лишь гости, приехали на Север за длинными рублями.

Альбина: Андрей, не судите людей по себе!!!

Ольга: User, водку жрут не только ханты, больше чем уверена, что твои земляки тоже не хило заливают. А насчёт катания на оленях — кто как может, так и зарабатывает. . .

Я тоже ханты, у меня есть договор с нефтяной компанией, по которому они обязаны взять меня на работу, так вот прежде чем устроиться, как меня только не унижали зажавшиеся начальники...

Andrej Danilov: Ханты молодцы!!! Боритесь за землю предков, за традиционный уклад.

Преклоняюсь перед теми, кто не продаёт землю и память предков. Умрёт ведь семейное дело, люди остаются без средств к существованию, лишатся памяти.

Посоветую юристам обратиться к международной практике. Посмотрите требования Всемирного банка. Ни один банк не даст кредит «ЛУКОЙЛу», если нарушаются права человека, и тем более коренных народов. Хантам предлагаю держаться и не сдаваться. Если надо – поможем всем миром.

Саами с вами!!!

Гость: Бедные ханты! «Узнетают, лишают, спаивают»... Да вы оглядитесь, давно уже нет такого. Живут лучше нас, при этом особо не напрягаясь. Кому бюджетными деньгами, кому нефтерублями помогают, никто не обижен, это точно. Впечатление складывается, что какая-то золотая каста, которой мы все должны только за факт рождения. Пора прекращать эти хороводы вокруг них и переходить на цивилизованные и экономически выгодные отношения для всех нас. Нефть – это источник дохода для округа и страны в целом.

Слава великому интернету! Где бы ещё в такой концентрированной форме можно было бы прочесть историю взаимоотношений наших цивилизаций!

Думалось о Саше. Позже он неоднократно будет говорить мне: «Я ведь не один там был, все переживали, за ягель, за оленей, за землю...» Переживали все, но только один сделал шаг вперёд и дошёл до конца. Решился. Не струсил. Не отступил.

«Как стало известно Znak.com, 1 октября 2013 года вице-президент «ЛУКОЙЛа» Сергей Кочкуров обратился к югорским властям со срочной просьбой – собрать комиссию по вопросам территорий традиционного природопользования ХМАО, чтобы обсудить ситуацию с исполнением лицензионных требований по данному участку. В своём письме он указал, что вопреки сложившейся практике заключения соглашений между недропользователями и аборигенами коренные жители, на чьих угодьях находится месторождение, затребовали огромные денежные компенсации. Также он указал, что компания считает заключение соглашений на условиях, предложенных КМНС, недопустимым, так как это «вызовет взрыв социальной напряжённости во взаимоотношениях хозяйствующих субъектов и глав ТТП во всем регионе». В свою очередь отметим, что одна семья запросила 5 млн рублей, остальные – по 1 млн рублей. Также Кочкуров указал, что одна из семей (семья Айпиных) выступила категорически против размещения двух разведочных скважин (№41 и №42) в своём родовом угодье. По его словам, таким образом, под запретом оказалась часть, составляющая половину площади лицензионного участка. «В данных условиях произвести полноценное геологическое исследование недр невозможно, и выполнение лицензионного соглашения под угрозой срыва», – резюмирует он в обращении».

Власти на это письмо отреагировали оперативно. Комиссия была собрана через месяц, 7 ноября, в Ханты-Мансийске, в Департаменте природных ресурсов. Но участники переговоров и там договориться не смогли.

«Вы не понимаете, в данный момент возникает большая угроза по уничтожению нашего последнего ягельного пастбища, где мы содержим оленей, – пытался отстоять свою позицию Александр Айпин. – После пожаров в 2011 и 2012 годах наша кормовая база сократилась. Мы вынуждены были очертить эту территорию как запретную для того, чтобы и далее содержать наших оленей. Более того, встаёт вопрос не только о сохранности поголовья оленей, но и о сохранности наших традиций. Если на этих лицензионных участках найдут нефть, то всё – нас сметут с этой территории, а нам больше нигде содержать оленей. Мы за всё время уже пять раз меняли место. Уже уходить некуда. Никакой альтернативы по территории, где есть ягель, нам не предложено».

Айпин также отметил, что там, где нефтяники хотят бурить 42-ю скважину, непосредственно находится дом-стойбище, где проживает его семья.

«Что нам делать в этой ситуации? Скважины несут скрытую угрозу нашего выселения с земель. Мы не хотим, чтобы на этой территории были какие-то объекты. Летом выгорели все близлежащие ягельные боры. На сегодняшний день мы подошли

к критической отметке – нам просто нечем будет кормить оленя. Такая же ситуация в Сургутском районе – там тоже подошли уже к той планке, что поголовье будет сокращаться. Нам-то что делать?!»

Пока Саша, как умел, защищал своё родовое гнездо, представители «ЛУКОЙЛа» свои действия объясняли заботой об экономическом развитии всего Ханты-Мансийского округа. По информации газеты «Аргументы и факты – Югра», главный маркшейдер ООО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь» Константин Беляев считает, что требования Айпиных могут поставить под угрозу весь нефтяной сектор края:

«Каждый из них [коренных жителей] может подумать: «Если они не соглашаются идти на уступки, почему мы должны?» Ситуация очень опасная. Если коренные жители не будут согласовывать объекты нефтедобычи – значит, их не будут строить. Если их не будут строить – не будет добываться нефть. В дальнейшем это приведёт к дестабилизации экономической обстановки в регионе».

Несмотря на жаркие дебаты, согласительная комиссия проголосовала за разработку 90-й, 41-й и 42-й скважин.

Позже, в одном из интервью, Саша скажет: «Собрание напоминало спектакль. Казалось, всё было, очевидно, решено заранее». И обратится в прокуратуру, чтобы признать решение незаконным.

В тот день на согласительной комиссии было высказано предложение обозначить территорию уникальных аганских ягельников как природный памятник.

Ханты приняли это предложение, его поддержал и вице-спикер Думы ХМАО-Югры Еремей Айпин:

«Вопрос не только о сохранении ягельника. Это единственная территория, где сохранились аганские ханты как общность. Мы знаем, как осваивается земля, и что в таких условиях сохранить там традиционный образ жизни будет невозможно. Поэтому тут неважно, на ягельнике будут строить или на болоте. Думаю, правильно поставлен вопрос о консервации работ на этой территории. Другого выхода я не вижу...»

Ещё через полтора месяца, 26 декабря, в ходе пресс-конференции онлайн губернатор Югры Наталья Комарова заявила, что компания «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь» отозвала свои документы и предложения по разработке участка недр в границах родовых угодий аганских семей. Глава региона согласилась с оленеводами, что разработка Марталлеровского месторождения негативно скажется на размере территории, занятой ягелем и используемой как кормовая база для оленей, что вызовет сокращение их поголовья. Пресса назвала это маленькой победой всех малочисленных народов России, экологов и гражданского общества.

Сам же Саша так не считает.

На 1 января 2015 года производственную деятельность на территории Югры осуществляют 82 компании, владеющие почти четырьмястами лицензиями на право пользования недрами с целью разведки и добычи углеводородного сырья.

Суммарная площадь распределённого фонда недр – порядка 160 тысяч квадратных километров. Это тридцать процентов от территории округа. Степень техногенного воздействия на исконную среду проживания коренных народов в районе освоения нефтяных месторождений очень значительна: из 475 территорий традиционного природопользования 263 практически стопроцентно совмещены с лицензионными участками недр.

В Сургутском районе это почти 70% совмещения ТТП и лицензионных участков, в Нефтеюганском – 50%, в Нижневартовском – 25%.

Белый ягель Агана

| Интервью с Александром Айпиным |

То время, когда в Югре разгорались страсти вокруг семьи Айпиных, было и для меня очень горячим: в связи со съёмками нового фильма, зарубежными поездками и многочисленными авторскими встречами я почти не бывала на родной земле. Но летом 2015-го мы снова встретились с Александром Айпиным, и я, наконец, услышала эту историю от самого героя.

То есть давили на него, чтобы он надавил на тебя?

Кто тебе помогал?

О том, что «ЛУКОЙЛ» собирается выкупить лицензию на Марталлеровское месторождение, слухи ходили ещё в 2011 году. Мы говорили об этом с Юрием Кылевичем (Вэлла, – прим. автора); я спросил у него тогда: можно ли сделать заказник на месте Аганского ягельного бора, заповедную территорию какую-нибудь, защитить от нефтедобычи? Он подумал, говорит: «Можно». Потом я пошёл к нашему учителю географии, Любови Васильевне Солодухиной, она мне учебник географии дала, раздел «Природные парки, природные особо охраняемые территории». И ещё я разговаривал с главным хранителем священных мест реки Аган Дмитрием Ивановичем Айпиным. С Сергеем Васильковым много общались, он тоже подпадал под разработки...»

Летом 2013 года, когда угроза подступила уже вплотную, не зная, что делать и как спасти ситуацию, Саша позвал на помощь Гринпис. Было написано письмо в администрацию с просьбой помочь с машиной, чтобы доехать до территории, и в нём, разумеется, фигурировало слово «Гринпис»:

– Маленькие чиновники пошли к большим чиновникам, большие чиновники пошли к ещё большим чиновникам, и где-то там, наверху, всё застопорилось. Машину нам не дали, поездку сказали отменить, мне начал звонить дядька мой, Еремей Данилович Айпин: «Саша, отменяй эту встречу». Я ему говорю: «Они ко мне едут как туристы, они мои гости...» Оказалось, ему звонил председатель Думы Хохряков, начал узнавать, кто такой Саша Айпин и что за поездки Гринписа на эту территорию. Вопрос шёл как раз о Марталлеровском месторождении, внутри которого находятся наши угодья. И он мне говорит уже на повышенных тонах: «Саша, у меня здесь телефоны разрываются, отменяй поездку».

Да. Я сказал, что поездка всё равно состоится и с этими людьми я встречусь. Потому что я вынужден защищать свой дом, хотя бы таким путём. Затем я отключил телефон и положил его на полочку. Это было в лесу, на стойбище. Гринпис должен был приехать ко мне на следующий день. А в тот вечер у нас появились люди, трое человек: один из администрации Нижневартовского района и двое из Департамента природных ресурсов (второй, возможно, от нефтяников, не могу точно сказать). Семь километров от шлагбаума нефтяников до нашего стойбища они прошли пешком, думали, что Гринпис уже здесь. А меня дома не было, я поехал в урман за пихтовой веткой, чтобы гостям в чумах постелить, она мягкая, вкусно пахнет. И вот я на моторной лодке еду, а мне звонит мама и по-хантыйски говорит: «Тут пришли люди...»

Пошли сначала все, а потом народ начал отсеиваться: кто-то испугался, кто-то засомневался... Когда я остался один и нужна была чья-то поддержка, я звонил Юрию Вэлле. Я не знал, как действовать, мне нужен был совет знающего человека, как себя вести, и Юрий Кылевич меня постоянно консультировал, мы всё время были на связи.

Айпин? Он считается старейшиной на нашей территории. Я не могу его осуждать, потому что я моложе его намного. Сначала тоже подсказывал, что делать, но после того как он попросил меня отказать в поездке Гринпису...

Потом я по делам прибыл в Ханты-Мансийск, зашёл к нему в кабинет. Скорее всего, у него осталась маленькая обида, что я его в тот раз не послушал и принял своё решение, потому что после всей этой заварушки на него ещё больше наехали, непосредственные его начальники давили. Его спросили тогда: кто такой Саша Айпин? И он меня спрашивает: «Саша, ты кто такой? Ты выдающийся учёный, или выдающийся человек?»

Видимо, да. Я не знал, как ответить на этот вопрос, поэтому промолчал. Я до сих пор ему не ответил, но, думаю, когда-нибудь это случится. Для себя же я уже нашёл ответ. Я простой коренной житель, оленевод, вчерашний студент. Я не какой-то там большой чиновник или выдающийся человек, я обычный гражданин, который на тот момент посчитал нужным отстоять свои священные земли, земли дедов и прадедов. Помните, когда в 1996 году была экспедиция на обласах по Агану, мы заехали на кладбище, там были разрытые могилы и лежали кости? Вот из этих могил была вырыта моя бабушка, моего отца мать. А Виктор Романович Айпин мне дед, он поднял моего отца, сироту круглого. И вот это меня задевает. То, что моя земля превращается в какое-то... Вот как есть вот – саранча.

А своему дядьке (Е.Д. Айпину, - прим. автора) я отвечаю, что мотивировал меня сам мой народ к этому поступку, воспитание моей же бабушки, моего отца.

Мы ждали интернациональной поддержки, чтобы донести наши проблемы до широкой общественности.

Я верю в тех людей, которым безразлично.

По большому счёту, да. Но я посчитал это нужным. Другого выхода нет, понимаете? Вот Вы говорите, коренные люди так думают, что сейчас кроме ружья другой защиты в лесу против нефтяников-то и нет. Видимо, до такой степени уже загнаны в угол, что по-другому и защититься не смогут, если что. А я на сегодня образованный человек, с высшим образованием, я понимаю, что таким путём ну, никак проблемы не решить. Хотя бы через какое-то общественное мнение...

Окружной телеканал «Югра» снимал, когда приезжал Гринпис. Весь материал забрали потом. Просто пришли на следующий день неизвестные люди в гражданском и забрали из телекомпании всё, ничего не осталось. Материал в эфир не вышел. В основном, писали блогеры, которых привёз с собой Гринпис. На окружном уровне были «Аргументы и факты-Югра», «Новости Югры»...

В смысле, ты кто, чтобы так себя вести?

Что вы ждали от Гринписа?

Ты веришь в общественность?

Но эти люди не находятся на ключевых постах, от них, практически, ничего не зависит в решении проблемы. Они ничего конкретного не сделают для тебя...

Местные средства массовой информации принимали участие в тех событиях?

Как ты оцениваешь участие адвоката Г. Оболенской в этом конфликте?

Я в юридических тонкостях ничего не понимаю, позвонил ей, она согласилась помочь. Перед тем как нефтяники потянули технику, было собрание в Варьёгане. И мы с ними не договорились. Мы категорически против этой дороги были, говорили и про дом, и про оленью пастбище, но они предпочли сделать всё, как обычно делают. Разошлись, и вот сразу после этого собрания, в ночь с 12 на 13 февраля, техника пошла на нашу землю.

Когда, на каком этапе переговоров появились 5 миллионов?

Когда мы с Оболенской начали работать, я понимал, что юристу нужно платить деньги. Моя основная задача была сохранить землю. А уже потом договорные отношения, что, кому и сколько. А мне этот договор всё вперёд совали. Эти пять миллионов, они не откуда-то слева или справа появились, сумма вырисовалась в процессе подсчётов. Я подсчитал, сам лично. Не для того, чтобы от нефтяников поиметь. Когда с Оболенской работали, она говорит: «То, что вам платят, – это копейки. Давай считать, что тебе нужно?» Я говорю: «Компенсации, что по договорным экономическим соглашениям сейчас платят – по 6 тысяч в квартал на человека, и дают валенки да спецодежду, – это, скорей всего, нет. Вот на сегодняшний день нуждаемся в технике. Снегоходы «Буран», потом, хорошо бы узик какой-нибудь, строительство стойбища». У меня только на это строительство смета на полтора миллиона лежит. Оболенская перевела это в деньги, и получилось пять миллионов. Я сказал: «Ну, хорошо, пускай будет 5 миллионов».

Но за свои услуги она берёт 30 процентов от суммы...

Мы ей эти деньги отдали. Потому что мы их (нефтяников, – прим. автора) остановили, и я считаю, благодаря именно юридической помощи. Оболенская переводила всё с их юридического языка на мой оленеводческий, и наоборот.

Я слышала, ваша семья поссорилась из-за этих денег...

Это сейчас у всех так, кто с нефтяниками общается. С одной стороны, люди готовы отстаивать землю, а на подсознательном, бытовом уровне мысль: «Да мы всё равно ничего не сможем сделать, лучше деньги взять». И понятно: у многих земля уже пустая почти, не может прокормить, живут за счёт города. Этот процесс для меня очень тяжёлый, болезненный. Потому что, когда идёт речь о деньгах, люди теряются, и очень трудно кому-то что-то объяснить. Ты начинаешь свою точку зрения отстаивать, а тебе говорят: ты делаешь это ради денег.

Вот, например, говорю одному из родственников: если мы сейчас этот момент упустим, то на наших ягельных борах, святых местах будет стоять техника. Не просто техника, а там будет стоять всё, что обслуживает целое месторождение. Что на сегодняшний день важно: сохранить эти места или получить какой-то кирзовый сапог от нефтяника? Он промолчал, потом засобирился и ушёл.

Страшно было, когда пошёл на конфликт с «ЛУКОЙЛом», с чиновниками?

Страх? Да, страх был. Я боялся, в первую очередь, того, что мы будем разъединены. У меня слёзы пошли, когда я мысленно представил эти будущие объекты. В какой-то момент я поник. Я вспомнил своё детство, как я бегал по этой речке, как ловил рыбу, как мы ходили ягоду собирали – я вот это вспоминал. Действительно, было так,

слеза прошла. Страх был в том, что это и моё будущее погибает, мои дети там не смогут бегать, жить. И от этого страха мне нужно было действовать, что-то предпринимать. Ведь действительно, по реке Аган этот ягельный бор последний. Слева Покачёвское месторождение «ЛУКОЙЛа», на севере – там и «Газпром», и «Сургутнефтегаз», и «Варьёганнефтегаз», справа «Ватьёганнефтегаз», с юга – Саяногорск большой легендарный, ещё «Ваньёганское», это к «Роснефти» относится...

Переживал очень сильно. Но отец мне мудрую вещь сказал: «Саша, ты ещё молодой, тебе жить надо. У тебя жена, ребёнок, тебе нужно поднять свою семью. Не уходи туда весь, не отдавайся полностью». Я послушал, проанализировал потом его слова: всё, что я мог, я сделал. На сегодняшний день в правительстве Югры ведётся работа по созданию особо охраняемой территории «Аганский ягельный бор».

Я начал думать над этим ещё с 2011 года. По телеканалам Югры в то время шёл большой поток информации о развитии внутреннего туризма. Я подумал: может быть, попробовать? Вскоре мне даже грантовую поддержку дали – 300 тысяч. Я их вложил в стойбище и начал дальше писать проекты. Один из туристических маршрутов даже хотел сделать по топонимике Юрия Вэллы «Река Аган со притоками», это как бы вторая часть той экспедиции, которая состоялась в 1996 году, «Путём Хозяйки Агана». Только с тех пор как нефтяники стали претендовать на Марталлеровское месторождение, не получается у меня заниматься туризмом.

Это тоже. Ещё мне кажется, в нашем округе этнотуризм медленно будет развиваться, потому что... Не те люди этим туризмом занимаются.

Вот я, коренной житель, оленевод, как индивидуальный предприниматель в сфере этнотуризма, наверно, невыгоден. Но я всё равно буду реализовывать свои идеи, по-другому как-нибудь.

Дорогу отец им подписал, не через ягельный бор, по болоту. Пока временное затишье. Я бы сказал, затишье перед большой бурей.

Неизвестно. Они информации не дают никакой. Но, мне кажется, второй этап наступления будет ещё более мощным, более жестоким.

Вскоре после того как интервью было закончено, Саша с женой Ренатой и одиннадцатимесячным сыном приехал ко мне в Сургут. Пока спокойный головастый Савелий тихонько возился с мамой на диване, Саша долго и внимательно читал «Белый ягель Агана». А прочтя, воскликнул: «Это же бомба! И это, действительно, напечатывают? Я бы хотел иметь у себя эту книгу, чтобы потом когда-нибудь её прочитали мои дети, мои внуки». А я смотрела на Савву и с грустью думала: какой может оказаться его судьба, и нужна ли будет ему эта книга.

В одном из Департаментов на стене я видел карту: наш округ – это один большой лицензионный участок. Всё уже распродано на 10, на 20 лет вперёд. Я спросил об этом специалиста по экологии. Она улыбнулась, сказала «да». И под разработки не только родовые угодья попали, а и природные парки, в том числе такие как Нумто.

Было бы неплохо. Ты ведь собираешься заниматься туризмом?

Может быть, потому, что официально зарегистрированное этнотуристическое стойбище ещё больше защитит вас от посягательств на вашу землю?

Была информация, что разработки перенесены на начало 14-го, потом на начало 15-го года...

Когда эта буря ожидается?

До:
Я жил! Спокойно и счастливо.

После:
Я живу? В душе – постоянная тревога. В голове лишь одна мысль, всегда: как обезопасить своих детей и свой род.

Александр Айпин.

После...

Прозрачные слёзы Нумто

История Наташи Вылла и священного озера Нумто

Озеро Нумто издавна считается священным для коренных жителей Югры и Ямала. Обские угры верили, что это одно из трёх мест на земле, куда с небес спускался верховный бог Торум.

Впервые мне довелось увидеть Нумто в 1996 году. Была зима, из ямальского совхоза Ярсалинский к деревне, которая находится на самой границе двух округов, подходила тысяча оленей. Их предполагалось раздать оленеводам-частникам Югры. Все были взволнованы и озабочены: шутка ли, целую тысячу оленей наши оленеводы получат бесплатно! Все ли дойдут? Приживутся ли? Кому из оленеводов сколько оленей выделить? Нельзя ошибиться, нельзя кого-то обидеть. В общем, в те дни работы хватало всем. Поэтому и деревня, и озеро, на берегу которого она стоит, в те дни для меня представлялись лишь местом, где происходило нечто важное, уникальное. А ещё там жили Татва, певец-сказитель, в три года ослепший от неизлечимой тогда болезни – кори, и его жена Алла, которой врождённое увечье не позволяло рожать, а она взяла и родила, и жили они, вопреки всему, дружно и счастливо. В Нумто я впервые прокатилась на оленьей упряжке. До сих пор помню те незабываемые ощущения. Ни о священном озере, ни о нефтяной трагедии Нумто я тогда ещё не знала. Свои реальные черты место это стало обретать для меня несколько позже, когда я познакомилась с Наташей Вылла.

| Некуда бежать |

– Мне лет 6-7 было, уже тогда шли разговоры, что у нас здесь очень большие залежи нефти и газа, большое месторождение. В Нумто в те годы работали учёные из Москвы, они и сказали, что освоение этого месторождения начнётся примерно лет через 35-40: «До вас доберутся примерно в эти года, большая нефть придёт вот

к этим маленьким, которые сейчас в люльках, бегают, они застанут нефтяное освоение». И сейчас, спустя время, я начинаю понимать, почему, когда мы бегали, играли тогда, дедушки и бабушки, глядя на нас, вздыхали: «Как же они будут жить...»

Так и вышло, переломный момент отеческой (традиционной, отцов и дедов, - прим. автора) жизни пришёлся именно на наше поколение, которому сейчас около сорока – сорока пяти, на наш возраст.

Почему у нас, сорокалетних, очень хорошо сохранилось этническое сознание? Я так думаю, потому, что мы застали очень многих своих бабушек и дедушек, которые вложили в нас самое главное – духовное начало. Те, кому сейчас по 18, по 20 лет – у них такого уже нет. И это очень страшно. Глядя на них, я сейчас понимаю, насколько это страшно, когда у молодёжи нет духовного стержня. Получается, при сильном ветре их качает. Как они будут защищать свои духовные основы, священные места, когда они даже не знают, что это такое? Конечно, и недропользователям, и протестантам очень легко будет выбить оставшуюся почву у них из-под ног...

Наташа рассказывала мне, как постепенно это всё происходило. Я-то хотела услышать историю о неорганизованном и неэкологичном нефтяном освоении священных территорий, но то, что в итоге услышала от Наташи, оказалось намного более грустным.

– Мы участвовали в сельскохозяйственной переписи населения в 2008 году и в 2010-м – в общероссийской, делали собственный этнологический мониторинг, старались зафиксировать, какие за эти годы произошли изменения. Мы пытались выяснить, в каком душевном и материальном состоянии наши коренные жители находятся, в каком состоянии стойбища, оленеводство наше, как люди думают завтра жить. Чем они обеспокоены, как сохранился наш язык...

В 2008 году народ не сильно был обеспокоен, потому что жили ещё как-то спокойно, размеренно. Но когда появилось много нефтяных объектов вокруг, очень сильный прессинг пошёл на людей, стала чувствоваться очень сильная обеспокоенность: за оленей, за свою жизнь, за хозяйство, надежды на будущее не стало. А если люди знают, что объекты будут с каждым годом нарастать, то «Куда же мы?»

Я в 1967 году родилась, в Нумто очень много тогда было чумов, домики тоже были маленькие. Помню, соберётся толпа 30-40 детей разного возраста, старшие в прятки играть – мы с ними. Кушать захотели, раз – в чум забежим, слышим – чай пить собираются, мы туда. Ещё хорошо помню, родители скажут старшим: «Вот этой бабушке надо принести сучки на растопку». Кто-нибудь из старших нас организовывает, и мы все, вместе с этой бабулей, идём сучки собираем... Что меня поражало: леса в то время были чистые. Все сучки, где кто рубит, соберём – и в чумы. Кому-то водички принести, кому ещё чего, никто никого не заставлял. Солнышко к закату – мы все разбегаемся по домам, знаем, что шуметь нельзя.

| **Детство** |

| Фото Анатолий Пашук |

На улице становится тихо, птички петь перестали, – всё, мы разбежались. А на следующий день после обеда снова начинаем кучковаться. Мы знали, что нам можно поиграть только до определённого времени. Знали, что должны быть на виду у взрослых, в лес далеко не ходили. Взрослые кто нарты делал, кто рыбачил... Рыбу сдавали в Берёзовский рыбокомбинат. Покосом занимались, звероферма была, коровник, лошади, стадо целое...

Что ещё хорошо помню: когда маленькая была, где-то на Тром-Агане, на Пиме, – появилась уже большая нефть, началось освоение, и к нам стали приезжать на лето ханты из Сургутского района, которые попали под освоение и остались без оленей. Им надо было как-то прокормить своих детей, и вот они готовили рыбу, рыбий жир, а жили рядом, недалеко от Нумто.

| Озеро |

Озеро тогда было глубокое, и берега были совсем другие. Вот сейчас берега далеко уже, потому что оно очень сильно за эти годы обмелело. Суши стало больше, зеркальная водная поверхность уменьшаться стала, зарастать по берегу. Озеро же питается водами с верховьев рек, подводных ручьёв. Я так думаю, почему это идёт – сейчас же бурят очень много вокруг, душат мелкие ручьи, речки, они задыхаются, и озеро мельчает. Озеро нашего детства было полноводным, вода доходила до самых высоких берегов. Очень много было лягушек, и мы вместе со старшими любили за ними наблюдать.

Старшие старались их ловить, а мы, малышня, сидели тихо-тихо, чтобы не спугнуть. У нас, у ненцев, есть поверье: нельзя обижать лягушек, ведь они священны. Обидишь – будет гроза или руки покроются волдырями и бородавками. Но старшие всё равно умудрялись их ловить в ведро и уносить на другое место (примерно шагов на десять), там тоже был лягушатник. А нам они говорили, что лягушки пошли в гости к соседям. Зимой, играя на берегу, мы видели, как взрослые уезжали на остров, что стоит посередине озера, для совершения священного обряда. В это время очень много отовсюду коренных приезжало, со всего Тюменского Севера. Помню, что дары были очень богатыми. Меня брали два раза, мне было 5-6 лет, но на сам остров мы никогда не ступали – нельзя. Из-за боязни аж животы сводило, старались не смотреть на дары. Для нас это очень сакральное место, и есть много случаев и историй, связанных с ним...

Мы знали, что нам тоже, вслед за старшими, идти в школу надо будет. Я видела, как старшие собирались в школу, какое выражение лица было у них, оторванность какая-то чувствовалась, отчуждённость. Знали, что меня и других младших тоже увезут куда-то далеко, непонятно куда, и среди нас тоже чувствовалось какое-то напряжение. В школу я пошла в 75-м. Надо было лететь в Казымскую школу-интернат. Стресс был большой, до сих пор помню. Вертолёт был переполнен, а когда винты запустили, он

| Школа |

Фото Анатолий Пашук

загорелся, дым внутрь салона пошёл. В вертолёт паника началась, в окна стали колотиться. Взрослых сопровождающих нет никого (и сейчас-то, когда вертолёты детей собирают, нет никого, а раньше-то уж о чём говорить!), и вот, кто плачет, а кто колотит. Раньше в вертолёты сажали не по сиденьям, а чем больше – тем лучше. Стоя летели, битком набивались. Детей много раньше было, вывозить не успевали отовсюду. Отремонтировали вертолёт, мы дальше полетели. Где-то под Юильском вертолёт упал, аварийная посадка была. Я хорошо помню, как мы садились. Он не успел приземлиться на сухое, на край бора, сел на краю какого-то болота, мы снова как начали орать! Лётчик нас успокаивает – бесполезно. Старшие уже просто орали, не было ни одного, кто не плакал. Когда в Казым прилетели, из вертолёта вышли, солнце уже было низко, над деревьями, а мы уже были настолько измученными, что кое-как доплелись до интерната и спать легли. Помню маленькую комнату и очень плотно стоящие кровати. Нас было 20 в одной комнате, а всего в интернате было 120 человек. Сейчас-то хорошо, если 60-80 наберётся. Первое время, когда не хватало кроватей, их сдвигали, и маленьких укладывали на 2 кровати по 4 человека.

Больных детей увозили в то время в Берёзово, там была коррекционная школа. И программа в той школе была хорошая, такая, что, когда мы после общались с такими ребятами, разница между нами почти не чувствовалась. Потому что уровень образования в коррекционной школе был хороший. А сейчас таких детей в Берёзово не увозят, все

– и больные, и здоровые – в одном интернате. Дети жалуются: вот у ребёнка, который должен учиться в коррекционной школе, случится приступ психоза или ещё что-то, а сделать ничего не могут, или не хотят... Все в одной каше варятся сейчас. Это тяжело.

У нас в интернате недавно, буквально перед Новым годом, мальчик десятилетний из Нумто чуть не повесился. И это не единственный случай. Один раз чуть не утопился парнишка. Один со второго этажа выпрыгнул. В школе что-то происходит, а разбираться не хотят. И школа всё это скрывает. Я специально осенью целую неделю вечером ходила в школу, наблюдала. Вот меня если поместить, когда я была маленькой, в эту, нынешнюю школу, я бы, наверно, тоже не смогла там жить. На занятия больные дети, практически, не ходят, один раз в неделю с ними занимаются, а в остальное время они сами себе предоставлены. По интернату шарахаются, что хотят, то и делают, от безделья маются. Здоровым с больными в одном интернате тяжело. Но официально у нас самый лучший район в округе считается.

В то время у нас такого не было – чтобы рано бросали школу. И все очень хорошо говорили по-русски. А сейчас самое большее – 5 классов, до девятого еле-еле дотягивают. Начинают курить, пить, хулиганить – и всё, их выгоняют. Или сами уходят.

Я хорошо помню из своего детства, как перед Днём оленевода (национальный праздник, - прим. автора) у нас в интернате напился один мальчишка. В Нумто его родственники приехали, и он пошёл к ним в гости. Лет восемь ему было, и то ли он стаканы перепутал, то ли что... Еле спасли. А нас всех в наказание выставили в коридоре, и мы простояли где-то часа три.

Один раз кто-то катался на хрюшках (в интернате тогда свои поросята были). Поймали и опять наказали всех. И так за любую провинность – всех в коридор. А сейчас какие наказания? Что хочешь, то и делай.

Ещё у нас были дежурства: убирали в столовой, столы накрывали, полы подметали, старшие девочки бельё гладили. Несколько бригад было: одни гладят, другие в коридоре убирают, третьи маленьких укладывают... Дрова кололи-таскали... А сейчас попробуйте ребёнка заставить полы подмести! Он завтра напишет жалобу – вас с работы уволят: «Разве ребёнка можно работать заставлять!» В школе нельзя ничего сказать ребёнку, до того «умные» дети стали, могут даже на родителей жалобу накатать.

Я последние лет пять работала с детьми на летней площадке, наблюдала за ними. Думаю – как же много всего упущено! Общение родителей с детьми стало очень узким, традиционного становится всё меньше и меньше, и непонятно, влияние какой культуры идёт на детей. А раз они в интернате ничего не делают, они и дома ничего не делают. Как-то к нам на сход приезжала глава Белоярского района, рассказывала: в соседней деревне родители бьют тревогу, что детей дома ничего делать не заставить. По соседству с нами в Нумто тоже семья живёт, двое детей, мальчик с девочкой, так мать не может их заставить принести даже ведёрко воды! Вот вам

| Выброшенные |

Фото Анатолий Пашук

и вся ювенальная политика. Такие дети, получается, они выброшенные. В лесу жить не приспособлены, раз ничего не могут делать, работать в какой-нибудь организации тоже не могут, так и живут на шее у родителей.

| Бомжи |

В августе на одном из наших стойбищ повесился мальчишка. В школе его тащили до девятого, а дальше – «Идите куда хотите». Я с ним нянчилась несколько дней, он даже в магазине не мог ничего покупать самостоятельно. Он бичевал, натуральный бич, никак не мог места своего найти в жизни. В интернате он ничего не привык делать, пил, курил, шлялся...

Никогда среди коренных жителей не было бомжей. А сейчас они появились. Построили избушки возле месторождений... Они прекрасно знают, когда в Нумто привозят пенсию. Наберут к тому времени в Сортыме (посёлок нефтяников Нижний Сортым в Сургутском районе, - прим. автора) дешёвого спирта, суррогата, и везут продавать в деревню. Пенсионеров подпоят, денежек опять наловят, и на эти деньги живут. Молодые ребята, ездят с одного стойбища на другое...

Почему на стойбищах сейчас стали пропадать то вещи, то продукты? Потому что вот такие бомжи кочуют. Такого никогда у нас не было. Это всё пришло с цивилизацией, с интернатами. Я когда в интернат захожу, я поражаюсь – не слушаются, спокойно могут наругать воспитателя... У нас такого не было.

Когда я училась в старших классах, я всё время ездила к дедушке на каникулы, и мы с ним кочевали в сторону Сургутского района: то родственников проведать, то на охоту... В Рускинскую ездили, что-то продать, купить... Вот взрослые между собой разговаривают, а я слушаю. У нас в то время, как я помню по своему деду, – для него все другие народы – это были русские: «Русские построили там-то большую дорогу, положили там-то большую трубу, что не переехать... Я привык по этому бору кочевать, а сейчас там положена большая труба. Наверяд ли ещё туда поеду, потому что стало ездить тяжело. Нигде не остановишься, нарты нигде не поставишь, нигде не переночуешь...»

Освоение началось – ханты стали с привычных мест уезжать. Вот это я тоже запомнила, когда дедушка говорил: «Проезжаешь такую длинную дорогу, и не знаешь, где переночевать». В последние годы он уже никуда-никуда не ездил. И когда приезжали гости, судя по их разговорам и глядя на него, я уже по выражению его лица догадывалась, что та жизнь, которая была привычна для него, – она уже разрушена.

Когда я была маленькой, дедушка всё время говорил «уфат кум», «от русских убежавшие». Владимир Мытович Пяк, «Шашупи», остальные Пяки – они все беглые ненцы. С Ляминой, Сытомина, Дарко-Горшкова... Дарко-Горшково – оно же вообще просто-напросто исчезло. Деревня исчезла, а люди разбежались в разные стороны. Это началось в 50-х, 60-х. Их, этих людей, с насиженных мест нефти начала сдвигать

| **Дедушка** |

| **Беженцы** |

| **Фото Георгий Корчёнкин** |

Фото Анатолий Пашук

к нам, на север. А у нас как раз организовались совхозы, где можно было работать ещё по старым традициям, с оленями, и как-то на что-то жить, ещё можно что-то заработать было, семью накормить. Вот многие и пошли в эти бригады. У моего деда соседи-ханты появились где-то к концу 70-х. Потому что там, где наши жили раньше, по Сель-Ёгану, те территории сейчас полностью хантам отошли. У нас в те времена эпидемии пошли, рождаемость стала меньше, больше умирать стали, большие дальние территории пустеть стали, и их стали ханты-беженцы занимать. Прописаны, например, в Русскинской, а сами от Русскинской за 250 километров к северу живут, уже на территории Ямало-Ненецкого округа...

| Эпидемия |

Когда с Тром-Агана беженцы к нам потянулись, у нас была большая эпидемия, и очень много в то время умерло детей. Помню, бабушка Айваседа рассказывала, что только у неё умерло за одно лето пятеро детей. Дизентерия, корь, оспа... Слепой-то, который у нас живёт, Татва, он же тоже от кори ослеп в три года. Это был конец пятидесятых. Перед Великой Отечественной войной у нас тоже так было, очень много умерло. В то время же ни лекарств, ни продуктов нормальных, толком ничего не было. А ещё цинга была. Очень хорошо чувствовалось, что численность населения падает, стойбища сокращаются... В 80-х в совхозе дела пошли на спад, у нас отделение совхоза закрыли в 90-м году, уже чувствовалось, что идёт какой-то экономический кризис, и кто мог – те уезжали.

Я тоже уехала, училась на метеоролога. Второй раз мы уже вместе с Пашей (муж Наташи, – прим. автора) приехали в Нумто в 1990 году. На деревню, на людей было просто страшно смотреть. Даже те, кто с нами в школе учился, уже спились и продолжали спиваться на глазах. Безработица, безысходность, суициды...

Очень много было суицидов. Что ни день – то резня или труп. В стране время всеобщего развала, торговля свободная, неконтролируемая, все как будто с ума посходили. В конце 80-х был такой «Ройял», спирт, литровой. Коньяки, брэнди пятизвёздочные. В то время талонная система была. И, наверно, чтобы была выручка, к нам возили вот эти все коньяки, одеколоны...

У нас раньше был запрет на спиртное. Некоторые рассказывают: «Вот раньше: пошёл, взял чекушку спирта, втроём выпьем, спать ложимся – утром на работу. План не дашь – накажут или уволят». Строго же было. Безработицы не было. В марте охота заканчивалась, заставляли мужиков брёвна возить, женщины дрова готовили и возили для пекарни, для клуба, для больницы. На одну женщину положено было два с половиной куба, а брёвна огромные... Организовывал это всё совхоз Казымский. Денежки давали, боеприпасы. А с 24 октября по 1 марта снова на охоту.

Охотиться ездили в Надымский район, в основном, на белку занимались. В России в 60-е годы экономика очень сильно упала, вот этой пушниной экономику подняли. Не только у нас, по всему Енисею, Дальнему Востоку охотились. У карабинов,

| Пьяная деревня |

которыми воевали в сорок первом – сорок пятом годах, стволы поотрезали и дали охотникам – стрелять пушнину. До 90-го года пушнину принимали в Нумто.

| Нефть | Нефти у нас ещё не было, но тогда уже ханты, приезжавшие со стороны Сургутского района, сейчас это второй Лапуть-Юган (в 95-м Сортым только начал строиться, Тян начал осваиваться), говорили: «В сторону Нумто освоение идёт с двух сторон: – вот это я хорошо помню, – со стороны Северного Лапуть-Югана (Сургутский район со стороны Лямы) и со стороны Тяна. Сейчас так всё и оправдалось».

В начале девяностых, как учёные и предсказывали, на наших территориях появилась первая буровая. Сначала с дальних территорий начали, а потом поставили буровую в 15-ти километрах от Нумто. В 90-е годы у меня дедушка умер. В деревню он приезжал редко, в лесу жил. Ездил на буровые, там где-то подхватил инфекцию и умер.

| Коренные там не живут | Приблизительно в то же время, как начали у нас буровые появляться, здесь стали создавать природный парк, так называемую «особо охраняемую территорию Нумто». Пашу туда на работу звали, но он против парка был, мы же не знали, чего и как там выдумали. Руководство говорило нам тогда: «Мы будем совместно бороться с нефтяниками, с вами (коренными жителями, – прим. автора) всё согласовывать будем...»

Вот уже 15 лет прошло, только в этом парке, похоже, не с нефтяниками, а с нами борются. Чисто для себя я недавно проанализировала, что сделано за эти 15 лет. Получается, что ни один объект, который был заложен в первоначальном проекте, до сих пор не построен.

Недавно в одном месте хотели буровую ставить, директор пишет, что коренные там не живут. А как не живут, когда там в 15-ти километрах Вася Пяк живёт, подчинённый его, с семьёй? И только когда Вася сам начал «Сургутнефтегаз» на уши поднимать, директор задним числом написал другое: «Есть там хозяин, надо у него спрашивать...»

| Зачем ненцу цемент? | Мы слышали, что «Сургутнефтегаз» с сургутскими родовиками проводит какие-то сходы, собрания, и тоже решили: если они к нам пришли бурить, мы тоже будем проводить сходы. Естественно, у хозяев земли надо спрашивать, кто испокон веков жил и живёт. Они же последствия потом получают: рыбы не будет, того не будет, этого не будет, нефть разольётся... И мы начали помаленьку организовывать сходы. Договора сейчас заключаются через администрацию, минуя коренных. Нефтяники считают, что это самая удобная, самая правильная форма работы. А мы, конечно, так не считаем. Представьте, первый договор был: 4 тонны цемента коренным жителям, тем, кто живёт на стойбище. Паша лично, когда старостой был, раздавал по 50 мешков. Они себе в тундру цемент увезли, побросали там. Договора администрация с «Сургутнефтегазом» подписала. Это как в насмешку: зачем коренному жителю, который в лесу живёт, оленей пасёт, цемент? Но Паша всем всё раздал. Так в тундре, наверно, и валяются до сих пор...

Наташа рассказала мне ещё про две беды, которые, буквально, валяются на головы жителей Нумто: про надвигающийся в те края этнотуризм (который, вроде, ещё и не начался, но от которого в других местах ханты и другие коренные жители уже начали уставать) и про иноверцев, сектантов, которые, якобы под предлогом этого самого туризма, уже легально обустроиваются на землях Нумто, строя туристические базы и так называемые туристические тропы, в том числе и к душам неприкаянных нумтовцев.

– Когда мы живём своей размеренной жизнью, а тут такое мощное влияние идёт со стороны – это нехорошо, мы не привыкли к этому. В первую очередь, туристы просят показать самое сокровенное, редкое и исключительное: сводить их на священные места, или ещё что-то в этом роде. Вторгнуться, растоптать то, что для нас было свято... Тропы идут в сторону Парсавара, на голову озера (имеется в виду священное озеро Нумто, – прим. автора), где два глазика находятся, перешеек. Там же тоже у нас священные места есть, всё будет проходить через Нумто: Белоярский – Нумто – Парсавар и назад. Эти московские маршруты я в интернете нашла. Даже если будут туристы приезжать – за такое короткое время что про нашу жизнь можно им объяснить?

Я читала в интернете отзывы тех, кто побывал где-то на стойбище. Многие вещи относительно нашей культуры, быта, традиций и туроператоры, и сами туристы стараются переиначить на свой лад, относительно своей культуры, не так, как мы это видим, коренные, как оно существует на самом деле. Очень всё сырое, как будто двойной мир, они смотрят и не видят. Нефтяники спрашивают: «Вам что, цивилизация не нужна?» А вслед за цивилизацией, видите, что приходит...

Именно Наташа нашла для меня героя для одного из фильмов, лесного ненца, живущего в окрестностях Нумто, Владимира Мытовича Пяка. Я не люблю снимать фильмы с плохим окончанием, вот и в конце этого фильма шутник и балагур Шашупи (ненецкое прозвище нашего дедушки, в переводе означает – «Пуганый»), даже уже прекрасно зная, какой огромный объём нефтедобычи лежит на тех землях, где он пасёт своих оленей, не теряет спокойствия:

– А олени... Олени будут всегда. Надо только уметь их пасти и место находить...

Но в английской версии фильма другое окончание. Его тоже подсказала мне Наташа. Под ещё невидимый, но уже неумолимо приближающийся гул буровых на чёрном поле экрана появляются слова:

*На территории Югры лесных ненцев живёт 200 человек,
в мире же их насчитывается всего около двух тысяч.*

*В связи с активным нефтяным освоением
эта уникальная этническая группа
в ближайшее время исчезнет с лица земли.*

Не «может исчезнуть», а именно исчезнет. Так думают они, лесные ненцы, живущие в районе священного озера Нумто.

Как две блондинки на Ямале кино снимали

История Владимира Пяка

Территория вокруг священного для народов ханты и ненцев озера Нумто – одно из настоящих чудес света (так говорит всезнающий интернет). Это до недавнего времени, практически, не тронутые цивилизацией места, которые хранят в себе память многих поколений. Уникальность удивительному месту придадут и коренные жители.

Потому что живут в гармонии с природой и не пытаются изменить её для себя, а слушают её мудрые советы. Здесь же расположено само озеро Нумто – Божье озеро. Для аборигенов это святое озеро есть человек, а остров посреди него – его сердце. Несколько родов заселяют эту территорию. Владимир Мытович Пяк – глава одного из них.

Пяки принадлежат к уникальной (опять же!) немногочисленной этнической группе лесных ненцев. На территории Ханты-Мансийского автономного округа их осталось не более двухсот человек, в мире – около двух тысяч.

Меня часто спрашивают: как я нахожу героев для своих фильмов? Владимира Мытовича Пяка мне сосватала Наташа Вылла: «Сними фильм про дедушку, нефтяники идут, уж очень он о своих оленях беспокоится». Накануне, приехав на День оленевода в Нумто, я познакомилась с дедушкой, заручилась разрешением на съёмки, и летом 2010 года мы отправились в путешествие.

Живёт дедушка в тридцати километрах от деревни Нумто и в шестнадцати – от Ватлорской ДНС (дожимная насосная станция, – прим. автора). Ватлорское месторождение совсем недавно и очень активно разрабатывается нефтяной компанией «Сургутнефтегаз», видимо, об этом и беспокоился наш дедушка.

Одна из стоянок моего героя находится как раз посредине так называемого «караванного пути» из Нумто в цивилизацию, то бишь на «тэнээску». Местные аборигены путешествуют по этому пути, надо сказать, почти постоянно, и дедушкину стоянку уже смело можно назвать придорожным отелем: «А кому откажешь? Почти все – родственники... Кто идёт родню встречать, кто, наоборот, провожает. Из Лянтора идут, из Нижнего Сортыма...» А ведь всех и накормить, и уложить, и в дорогу покусать, по правилам ненецкого гостеприимства...

Ждали большую съёмочную группу из нескольких мужиков, с кучей оборудования, разговаривающих непременно матом, а приехали две блондинки, экипированные весьма скромно, самое страшное ругательство которых было «ёшкин кот».

Несмотря на то, что оборудования было не так много, нам понадобились сопровождающие: до конечной цели путешествия предстояло отшагать километров 16 по очень пересечённой местности.

Наши проводники, лесные ненцы Паша Вылла (муж Наташи) и Гриша Пяк (сын нашего героя), выдали нам непродолжительную инструкцию относительно поведения в тайге, комаров и ещё чего-то в том же духе, и мы, совершенно не подозревая о том, что нас ожидает в ближайшие десять дней, мужественно ступили в болотную хлябь.

УУ звали Люда. Это первое и, пожалуй, наиболее сильное из всех сильных впечатлений, которые мы получили, снимая фильм. Мы так до конца и не поняли, чем занимались на стойбище два здоровых молодых парня (сыновья нашего героя), но Люда, жена старшего из них, Гриши, с утра и до позднего (!) вечера стойко и без нытья обеспечивала им, и нам тоже, комфортабельное существование: стирала, варила, убирала... Собирала сухостой, таскала брёвна и колола дрова, разделывала рыбу (а способов готовки оной она знала невероятное множество), через день месила тесто и пекла хлеб, а в свободное от основной работы время бегала по ягоды и грибы, из которых тут же варила варенье и жарила самые разнообразные блюда.

| **Ёшкин кот** |

| **УУ** | универсальное устройство для лесного быта |

Шестого числа каждого месяца (день выдачи пенсии старикам, живущим окрест деревни Нумто) младший из сыновей, тридцатилетний и до сих пор неженатый (нет достойных) Женя отправляется в деревню, чтобы принести продукты и остаток от почти единственной финансовой подпитки семьи. В дни нашего пребывания на стойбище Женя вернулся не только с помянутым выше, но и... с видеоплеером! Так вот, когда я попыталась слабо пожаловаться неутомимой УУ на то, что мужики засели в избе на много часов перед тем самым плеером, решив посмотреть зараз все серии популярного телесериала «Платина», она, насторожённо подняв голову, спросила: «И что?» В тот момент я окончательно поняла, что в мире существуют совершенно разные цивилизации.

| Об особенностях ненецкого языка |

Тавелеску. В переводе с ненецкого «тавелеску» означает «мышка». С мышками здесь обращались весьма сурово. Поначалу мышки были почти полноценными обитателями нашего совместного жилища. Они свободно перемещались по полу, бегали в сенях, а одна даже была замечена нами во время коллективного обеда на кастрюле с вареньем из морошки. Это-то, наверно, и достало Гришу. Вечером он решил расставить мышеловки, а затем поутру ежедневно проверял свои ловуш-

ки. Бедные тавелеску! Оказывается, мышь нужно просто сильно потрясти в мышеловке, и после этого её можно смело выкидывать в кусты, она уже не очнётся.

Ху ю. Как ни странно, эти три буквы в языке лесных ненцев означают самое сокровенное, что есть у каждого оленевода, – оленёнок. Нам повезло снять, как на стойбище нашего героя ставили прививки осиротевшим оленятам, и мы воочию убедились, насколько трепетно относятся эти люди к единственному, пожалуй, что осталось у них от всех прошлых жизней.

А ещё нам поведали историю про ху ю, который потерял маму (так нередко бывает по весне), и его усыновил вожак стада. С тех пор маленький ху ю неотрывно и преданно следовал за огромным быком, который мог бы при желании убить его одним ударом копыта, но почему-то этого не сделал. На шее у «папаши», как и у некоторых других оленей, в качестве привычного колокольчика висела половинка аппарата сигнализации с Ватлорской ДНС.

Хомо чи. Так мы вначале прозвали нашего дедушку. Вообще, в переводе с ненецкого «хомо чи» значит «хорошо», а у дедушки уже было целых два имени: родители называли его Шашупи, а советская власть – Владимиром Мытовичем, но «Хомо чи» тоже ему очень подходило. Что бы ни происходило на стойбище, он всегда говорил «хомо чи!» Олени пришли – «хомо чи!» Рыбу поймал – «хомо чи!» Погода хорошая – «хомо чи!» Не очень хорошая – тоже «хомо чи!» Потому что комаров нет и оленям хорошо.

Биография нашего Хомо чи весьма банальна: дед («Не знаю, но люди говорят») был шаман на Ямале, отец – тоже шаман... Сам – пионер, комсомолец, коммунист, в советские годы ходил за оленями в совхозе, имеет награды «За доблестный труд»... Но вот чего нет в других похожих биографиях, так это того, что вырастил наш Хомо чи восьмерых детей, а после смерти жены, 19 лет назад, последних троих ещё и сам на ноги поставил.

Встаёт наш Хомо чи ежедневно в пятом часу утра; несмотря на свои 68 лет, весьма бодро и целеустремлённо (уверяю, отнюдь не для видеокамеры) делает зарядку, пробежку, налаживает дымокур для оленей и отправляется на речку проверять мордушку. Затем мешочек с утренней добычей бросает на Людин брезент, пьёт утренний чай и садится читать книгу. Книга называется «Сын Отечества».

Она работала поваром в интернате. Зоя Кирилловна Молданова. Когда мы в ЗАГС пошли, а там удивляются: как у вас числа-то одинаковые? У меня 15-е апрель 41-го, у неё 14-е апрель 41-го года. Она на один день старше меня была.

В 62-м первый сын родился, Сергей. И в 64-м, осенью, второй сын, Алексей. В 67-м дочь родилась, Света. Уже в бригаде работать начали, ну, пастухом там и работал.

| Сын Отечества |

| Жизнь Шашупи, описанная им самим |

**| Барак Обама, Чекист,
дяденька ЛУКОЙЛ
и прочие ходоки |**

В 68-м Григорий родился. Всё было нормально, вместе и работали. Она чумработницей была, чумхозяйкой. Ну, а через два года там: Лёня, Зина родились. Ещё Женя и Миша. Ничё у нас, никакой ругани не бывало.

И в апреле 91-го, седьмого апреля, как раз ей 50 лет исполнилось, она умерла.

Первые года скушно было. А щас – уже сколько годов прошло...

Моих сыновей взять, вот Женю, например. Всё умеет делать. Хлеба печь ещё лучше, чем как Люда печёт!

Они у Татвы в Парсаваре сначала жили, где-то пять или шесть годов прошло, как они к нам сюда переехали. До этого мы всё одни жили, потому и всё умеем. На охоту ходили, на рыбалку ходили... Сlopцы проверяли, нарты делали... Всё сами. И дрова надо же, воды надо... Воды таскали, всё сами...

И младший тоже... Который в армии погиб, утонул, говорят. Привезли гроб-то его сюда, в Нумто. И тоже умел он всё, хлеба делал... Так всё мы сами: или стираемся, или рыбу сушим, варим – тоже всё это умеем делать.

Вырастить – вырастил, конечно. Как говорят – на ноги поставил. А чё жениться? Так и вообще не думаю. Сами справляемся. А потом – какую женщину возьмёшь: вдруг сама работать не будет, а по работе ещё будет тебе мешать!

«Дяденька ЛУКОЙЛ» никогда не работал в «ЛУКОЙЛе», но у него был такой роскошный рабочий костюм от этой весьма солидной организации, что все другие имена и прозвища ему просто не подходили.

«Чекиста» звали Гриша, он постоянно улыбался, был вежлив и открыт, как, впрочем, и подавляющее большинство представителей этого народа. В отличие от нашего героя он, как и другие коренные жители в окрестностях Юильска (Белоярский район), успел оформить свои отношения с хозяевами новой жизни (читай: недропользователи), теперь у него есть самые полноценные родовые угодья и экономическое соглашение с акционерным обществом «Сургутнефтегаз». А вот тем, кто живёт в окрестностях природного парка Нумто (в том числе и дедушке), лично я считаю, – очень не повезло. Им совсем не светят дармовые снегоходы «Буран», дизельные электростанции, лодочные моторы и сами лодки, хотя бы марки «Ветерок», а также денежные компенсации и прочие блага, которыми укомплектован набор стандартного экономического соглашения аборигена, живущего в верховьях (или низовьях), например, реки Тром-Аган, что протекает по территории нефтеносного Сургутского района, и благодаря которым они могли бы запросто поправить своё достаточно бедственное финансовое положение (потому что все средства, выделяемые недропользователями, уходят в кубышку природного парка «Нумто»).

Барака Обаму в народе звали Федя. Федя периодически бегал из Нумто на ДНСку «налаживать связи и заводить знакомства». Прозвище, однако, ему дали за то, что лицом Федя был зело чёрен, а 30 километров от деревни Нумто до стойбища нашего героя мог запросто отмахать по болотной слякоти в ослепительной белой рубашке (иногда с ружьём наперевес и собакой на верёвочном поводке).

Всех этих, а также многих других людей объединяет то, что периодически они встречаются на стойбище нашего дедушки, потому что место это находится как раз между деревней Нумто и ДНСкой. Слово «ДНСка», похоже, получило постоянную прописку в лексиконе нумтовских лесных ненцев. И в нашем фильме это, конечно, присутствует: сидит во дворе компания ходоков, слышна неторопливая ненецкая речь, в которой нет-нет да и проскользнёт знакомое: «тэнээска».

На стойбище нашего героя есть карта. На ней – расположение всех стоянок людей, живущих в окрестностях Нумто. Нам очень хотелось, чтобы дедушка показал на этой карте и дорогу, по которой гуляют бесконечные ходоки, и место, где мы сейчас находимся, и те места, где уже стоят или будут устанавливаться буровые и другие объекты недропользователей (кстати, на все наши многочисленные попытки спровоцировать его на разговор о том, мешают ли нефтяники пасти оленей, Владимир Мытович неизменно отвечал: «Хомо чи, однако...»

| Призрачно всё... |

В последний съёмочный день удалось-таки нам раскрутить старика на карту. И он старательно начал показывать, где находится стоянка его сына Гриши, а где его летняя стоянка, где ставят весенний чум, когда каслают по тундре...

На огромной карте было так мало точек, что их с трудом удавалось разглядеть. Единственным крупным пятном, которое сразу бросалось в глаза, была Ватлорская ДНС. Но позже, когда основной разговор на камеру был уже закончен, младший сын Женя проговорился, что якобы у банкира, захватившего наведни в эти края поохотиться, видел другую карту, и по памяти взялся пересказать то, что запомнилось: «Здесь будет ДНСка, и здесь тоже, здесь будет месторождение, всё будет в буровых. Здесь, возле летней стоянки, будут буровые, и на месте деревни Нумто тоже всё будут буровые... Деревня мешает, её снесут, наверно...»

– А дедушка знает? – спросили мы его. – Нет, а зачем ему?

| Домой, в цивилизацию |

Обратно в цивилизацию старик вывозил нас на оленьей упряжке. В считанные минуты они с Женей запрягли четырёх самых красивых оленей, погрузили рюкзаки и съёмочные железяки, и мы отправились в другой мир. Правда, и по дороге нас ждала работа: поскольку и тундру, и оленей с нартами летом я видела лишь в кино, нам непременно нужно было это снять.

Итак, мы с двумя камерами вновь хлябали по тундре, пытаюсь догнать упряжку. Актёром наш Хомо чи был превосходным. Он не смотрел в камеру, старательно выполнял всё, о чём мы его просили...

Я подвела себя сама. Когда старик спросил: нас на оленях довести прямо до ДНСки, или мы переночуем в избушке Гриши, а утром следующего дня за сорок пять минут дошагаем туда, где нас будет ждать машина, я сказала: «Конечно, мы будем ночевать в избушке». И навсегда потеряла финальную часть фильма.

А если кто насчёт водки интересуется... Не было там её. Ни мы не привезли, ни нас не угощали.

Прошло шесть лет. Наташа изредка передавала мне приветы от дедушки, говорила: ждёт в гости. Жаль, не случилось.

Весной 2016-го дедушки не стало. Остались дети, внуки и фильм «Жизнь Шашупи, описанная им самим».

Олени тоже остались. За ними присматривают Гриша и Люда, которые живут теперь на стоянке, где мы гостили когда-то. Ближайшая буровая ухаёт уже в двух километрах от стойбища. Грише предлагали вакансию, но идти работать он отказался: не получается у оленеводов двойная жизнь.

Женя так и не женился.

Жизнь Шашупи, описанная им самим

| Фоторепортаж |
| Ксения Артева |

С моих слов записано верно

| История Аграфены Песиковой и священного озера Имлор |

В ноябре 2014 года священное озеро сургутских ханты Имлор было объявлено объектом культурного наследия народов Российской Федерации. Годом ранее правительством Югры оно было включено в единый государственный реестр объектов культурного наследия муниципального значения.

Эту информацию можно найти во многих интернет-материалах, чего нельзя сказать о так называемых «подстрочниках» (главная цель подстрочного перевода – максимально передать смысл).

Почему возникла необходимость закрыть озеро таким государственным щитом, и спасает ли сегодня его нынешний статус, мы неоднократно беседовали с коренной жительницей этих мест, научным сотрудником Обско-угорского института прикладных исследований и разработок и моей давней знакомой Аграфеной Семёновной Песиковой.

– Лет 12, наверное, я официально занимаюсь сбором информации о священных местах. Последние годы вместе с сотрудниками научно-исследовательского предприятия «Барсова гора» мы путешествуем с этой целью по территории всего округа. Священное для хантов озеро Имлор стало известно научному сообществу ещё в конце 19-го – начале 20-го века из публикаций исследователей Западной Сибири. В 60-70-х годах водоём, питаемый родниками, использовали для разведения сырка, который потом поступал на Сургутский рыбоконсервный комбинат. На Имлорском рыбном промысле работали местные русские жители, предки которых поколениями проживали бок о бок с коренным населением. Поэтому они относились к священным местам с таким же почтением и бережением, как и сами ханты. До прихода нефтяников природа сохраняла свой первоначальный вид, и вопрос о сохранении этого уникального места на повестке дня тогда не стоял.

В середине семидесятых подразделения «Сургутнефтегаза» начали освоение одного из крупнейших месторождений, Фёдоровского, на севере которого и расположено священное озеро.

Это повлекло за собой неизбежное появление пришлых людей и, как следствие, – грабительское использование природных ресурсов, циничное отношение к коренному населению (воровство, уничтожение орудий лова, отстрел домашних оленей, браконьерский подход к охоте и рыбалке).

Многие хантыйские семьи вынуждены были откочевать в более спокойные места. Именно в те годы перебрался в верховья Тром-Агана и уже известный читателю Борис Антонович Комтин: «Невозможно стало держать оленей из-за их отстрела пришлыми людьми, а также постоянного разграбления имущества из лабазов, добычи из охотничьих ловушек, постоянными «проверками» рыболовных снастей». Неоднократно совершая экспедиции в те места и беседуя с коренными жителями, которые свидетельствовали о характере и размахе потребительского отношения приезжего населения к природе и имуществу людей с традиционным укладом жизни, Аграфена Семёновна убеждалась: «Такое отношение сохранилось и по нынешний день».

Веками озеро Имлор было не только сакральным местом для сургутских ханты и их соседей, местом обитания богов, но и значимым участком рыболовства и сезонной охоты на водоплавающую птицу. Количество добываемой рыбы и дичи коренными жителями регулировалось нормами обычного права. Индустриальное освоение озера и бассейнов сопредельных водотоков кардинально изменило экономическую привлекательность участка, сделав его не только территорией нефтедобычи, но и местом активной любительской охоты и рыбной ловли городского и поселкового населения. Усугубила положение прокладка асфальтированных дорог, обеспечившая полную бесконтрольность «вторжения».

Юридически земля и природные ресурсы не принадлежат в полной мере коренному населению, живущему на ней. Этим пользуются пришлые люди. Оснащённые современными орудиями лова и средствами передвижения, они получили возможность в любое время и без всяких ограничений заехать на любое родовое угодье, безнаказанно добывать в неограниченном количестве любую рыбу и всякого зверя. Хотя в окрестностях Имлора находится более десятка построек для отдыха, охоты и рыбалки, и сюда постоянно завозят не только собак, оружие, сети, но даже моторные лодки, представители нефтедобытчиков упорно отрицают факты браконьерства и незаконной добычи рыбы.

– Даже на священном острове Сергей Васильевич Кечимов, смотритель этих мест, дом обнаружил, место для пикника. Он взял и сжёг его. В окрестностях – избушки, не принадлежащие коренным жителям...

Нужно было принимать какие-то меры. Что мы могли сделать? Была подготовлена вся документация по охране озера Имлор как особо охраняемой территории, но, тем не менее, поначалу оно в реестр особо охраняемых не попало. Почему? Когда стали создавать реестр по особо охраняемым территориям и документы, защищающие озеро, были составлены и поданы в этот реестр, оказалось, что в резуль-

тате дополнительной разведки под этим озером нашли 1 миллион тонн нефти. И, чтобы достать этот самый миллион, компании «Сургутнефтегаз» процесс подготовки документов как-то надо было приостановить.

В деревне Русскинской руководство решило собрать общественные слушания, но, видимо, провести хотели их чисто формально. Мы узнали об этом случайно, подняли коренных жителей, они же все ездят на это озеро молиться, и 7 декабря 2012 года слушания начались. Прессы, практически, не было, зато было очень много представителей «Сургутнефтегаза».

Из-за того, что поздно узнали, не многие смогли приехать из коренных жителей. Был Борис Антонович Комтин, он... если перевести на русский язык – Хранитель священности озера Имлор. Не хозяин озера, а Хранитель священности. Есть у нас такие Хранители. Род Кечимовых, в том числе и Сергей Васильевич, например, является Хранителями священности Шаман-горы. Последним Хранителем священности Барсовой горы был Илья Александрович Кечимов (в начале шестидесятых он умер, и не стало нашей Барсовой горы. Начиная с 65-го, чего с ней только не делали, когда освоение этой земли началось)...

Хранители существуют для того, чтобы на священных территориях люди поступали по определённому регламенту: не нарушали священности этого места, чтобы женщины не заходили, куда не следует, чтобы русский и другой народ чего-то своего не строил...

Хотя и было объявлено, что это будут общественные слушания, на самом деле это было обсуждение проекта размещения дополнительных нефтеобъектов. Нефтяники, я думаю, рассчитывали, что ни одного коренного жителя на слушаниях не будет, а если будут, то согласятся с тем, что им будет предложено. Ну, а закончилось тем, что «Мы там всё равно будем работать». Я не побоюсь этого слова – но там происходил реальный шантаж. И шантаж этот заключался в следующем (в протоколе чётко и ясно об этом говорится): «Если вы сейчас не согласитесь с новыми границами этой территории, то мы всё ваше озеро в пух и прах разнесём». Почти дословно. «Ни вашего священного острова, ничего не останется».

Поскольку я выступала от имени коренных жителей, из протокола, который там писали, меня невозможно было выкинуть.

Позже мне прислали этот протокол, отпечатанный уже, думали, наверно, что я так просто возьму и подпишу. Я опять связалась с коренными жителями, мы прослушали запись (мы записывали слушания на диктофон) и стали сверять, что там не отражено. Оказалось, что то, что невыгодно нефтяникам, они упустили, что выгодно – оставили. Дело не в том, что миллион тонн нефти под озером обнаружен, а в том, что «Сургутнефтегаз», практически, отказывался от защитных экологических мероприятий.

В протоколе было отмечено, что на подъезде к озеру контрольно-пропускной пункт стоит, но, тем не менее, все всё равно проникают туда, в объезд, по «пьяной дороге».

А вердикт нефтяники предложили на слушаниях такой: начинать этот свой миллион осваивать, а соответствующие документы на охрану после оформить...

Аграфена Семёновна передала мне копию «Особого мнения коренных жителей», составленного по итогам протокола слушаний в Русскинской.

**Особое мнение коренных жителей
бывшей территории Русскинского с/Совета
Сургутского района
по проекту протокола общественного слушания
«О введении дополнительных нефтеобъектов
вокруг священного озера Имлор»**

Мне, Сопочиной Аграфене Семёновне, субъекту ТТП №18л, начальнику Сургутского филиала Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, участнику сбора информации о священных местах Сургутского района, коренными жителями Кечимовым С. В., Комтиным Б. А., хранителем священности озера Имлор по обычному праву, а также паломниками на Имлор Сопочиным К. И., Покачевым Д. Н., Сопочиным В. Л., Покачевой Э. Н., Покачевой Н. И. поручено проанализировать и дать оценку проекту протокола общественного обсуждения «О введении дополнительных нефтеобъектов вокруг священного озера Имлор».

Коренные жители записали на диктофон ход общественных слушаний 7 декабря 2012 года в зале Центра культуры сельского поселения Русскинская Сургутского района. Мы его прослушали, сравнили с проектом протокола г-на Москвина, и пришли к выводу, что многие моменты слушаний, важные для коренного населения, там не зафиксированы.

1. ОАО «Сургутнефтегаз» не предоставило полную карт-схему уже освоенных нефтяниками прилегающих к Имлору озёр.
2. На предоставленной ими карт-схеме отсутствуют обозначения мостов, водоотводных труб, каналов вдоль коммуникационных коридоров, обваловок вокруг кустов.
3. В проекте протокола г-на Москвина не зафиксированы свидетельства коренных жителей о разливах нефти на существующих нефтеобъектах на озере Имлор.
4. Удивило коренных жителей и заявление представителей ОАО «Сургутнефтегаз» о том, что коренные жители дезинформируют, хотя эти разливы по просьбе коренного населения были сфотографированы и запротоколированы соответствующими государственными службами.
5. Нет в проекте протокола г-на Москвина сообщения Данильца Андрея Васильевича и Кечимова Сергея Васильевича о массовой гибели рыбы на озере Имлор из-за отсутствия моста через ручей.
6. Не запротоколировано заявление г-на Москвина о том, что коренным жителям лучше согласиться с вновь вводимыми нефтеобъектами. В случае несогласия с их стороны государственные органы обещают, что священное озеро Имлор не введут в Реестр особо охраняемых территорий.
7. Не зафиксирована в проекте протокола озабоченность коренных жителей отъединением озера Имлор от общего комплекса священной территории в верховьях Лях-ягуна.

У коренного населения создано особое мнение по организации общественных слушаний:

1. Администрация Сургутского района не сумела довести до коренных жителей проект ОАО «Сургутнефтегаз» по внедрению новых нефтеобъектов на озере Имлор.

2. Коренные жители узнали о дате и месте общественных слушаний через третьих лиц, а не от официальных организаций.
3. Из-за дефицита информации отсутствовали ханты-субъекты территорий традиционного природопользования, расположенных вокруг озера Имлор, за исключением Кечимова Сергея Васильевича.
4. На общественных слушаниях отсутствовали первые лица официальной власти Сургутского района. Коренные жители хотели бы видеть на таких слушаниях если не главу района, то хотя бы его заместителей. Не присутствовали на слушаниях представители власти сельского поселения Рускинская.
5. Отсутствовали официальные представители общественной организации «Спасение Югры».

14 января 2013 года

Начальник Сургутского филиала

Обско-угорского института

А.С. Песикова

– Задолбали эти нефтяники, одно дерьмо после себя оставляют: пластик на помойке, вонь бензина и загрязнение воздуха, почвы, грунтовых вод, разливы в океанах, на территориях добычи, нефтепроводов, пожары нефтехранилищ... Долой нефтяное лобби!!!

– Серьёзно? А на что страна живёт? Да задолбали эти ханты. Им дома, бани, гаражи, туалеты и пр. нефтяники строят за свой счёт. А им всё не ладно. Хант на болото поехал, снегоход «утопил», к нефтяникам пришёл, ему новый дали! А он тот и не топил, а продал. Да очнитесь вы уже. Все земли принадлежат государству, народу, всем, понимаете? Законы почитайте, в конце концов. Ханты, не ханты... Эта земля принадлежит государству, а значит, всем нам, НЕ ХАНТАМ!

| Из интернет-переписки |

По результатам слушаний коренные жители написали письмо председателю Ассамблеи коренных малочисленных народов Севера Думы Югры Е.Д. Айпину, в котором просили вмешаться в процесс постановки озера Имлор в Реестр достопримечательных мест ХМАО-Югры.

Это письмо вместе с другими документами Аграфена Семёновна лично отнесла Еремею Айпину. А 7 марта 2013-го года губернатор Югры Наталья Комарова подписала Постановление №71-п «О включении в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленных объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа-Югры». В Приложении 2 к постановлению окружного правительства сказано: «Наименование объекта: достопримечательное место «Священное озеро Имлор». Статус природоохранного объекта не помешал, однако, строительству девяти новых кустовых площадок вблизи озера. Здесь по-прежнему наблюдается полное отсутствие природоохранной стратегии. А коренные жители создали инициативную группу, чтобы предложить и администрации района, и представителям «Сургутнефтегаза» механизм сотрудничества в сфере осуществления промышленной деятельности вблизи озера. Сотрудничества не получилось. Проведя исследование природоохранной деятельности вокруг озера собственными силами, инициативная группа выработала документ, в котором говорится:

1. Разработка мероприятий охраны и сама охрана озера Имлор для муниципалитета «Сургутский район» является рекомендательной, то есть необязательной.
2. Со дня появления Постановления правительства №71-п «О включении в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленных объектов культурного наследия ХМАО-Югры», утвердившего границы территории достопримечательного места «Священное озеро Имлор», администрация Сургутского района не интересовалась обозначенным вопросом и не проводила никакой организационной работы по охране указанного объекта культурного наследия.

3. Охранная зона озера де-факто отсутствует (границы самого достопримечательного места проходят, по сути, по урезу воды), что беспокоит коренных жителей, поскольку деятельность вокруг озера, практически, не регламентирована.

4. Природные ресурсы территорий традиционного природопользования продолжают подвергаться хищническому истреблению. На озёрах и речках только на отдельно взятых участках собирается до 30-40 автомобилей с представителями МЧС, полиции, руководителями среднего звена промышленных предприятий.

5. Картина пожаров, следствие времяпровождения отдыхающих, поражает: в 2012-м и 2013-м годах полыхал лес в бассейнах рек Ляминой, Пима, Тром-Агана, Агана. Пострадали не только боры – зимние пастбища оленей, но и торфяники – летние пастбища (в том числе и вокруг Имлора).

6. В государственной программе социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера ХМАО-Югры на 2014 – 2020 годы отсутствуют статьи расходов бюджета на восстановление флоры и фауны территорий традиционного природопользования. Само же социально-экономическое развитие этих народов рассматривается программой не более как сопутствующий товар для развития этнотуризма. Следовательно, сохранение природного, исторически сложившегося ландшафта священного озера Имлор остаётся без государственной поддержки. И может случиться, что это достопримечательное место из объекта сакрального святилища превратится в объект потребления этнотуристов.

– Любой колонизатор, – напоследок сказала мне Аграфена Семёновна, – будет мыслить как колонизатор. Я не имею в виду национальность, я имею в виду общество техногенное, оно в данном случае является колонизатором. И вот это общество делает всё, чтобы «обслуживаемые» (коренные жители, – прим. автора) оказались в невыгодном положении. Мы говорили про оленеводство, про Имлор, – всё это показывает, что здесь работает психология колонизатора. Чиновникам неудобно. Когда Имлор обсуждали на слушаниях, там были наши коренные жители, из тром-аганских, они рассказывали, не стесняясь, что, когда они приехали в Ханты-Мансийск, в правительство, просто как физические лица, не представляя никакой официальной организацию, их чуть ли не материли за то, что они за этот самый Имлор заступаются. Это было в мае 2012 года. И председателю общественной организации «Спасение Югры» Александру Навьюхову было чуть ли не задание дано, чтобы он сделал всё, чтобы коренные жители пришли к выводу, что нужно осваивать этот Имлор. И чтобы делалось это всё тихим сапом, почему коренных жителей и не пригласили на общественные слушания. И так со всеми коренными священными местами...

Когда такая же история происходила со священным озером Нумто, что на границе с Ямалом, в Белоярском районе, и я по этому поводу разговаривала с Андреем Николаевичем Кондрашовым, начальником Ханты-Мансийского окружного фонда «Наследие», он мне сказал, что на оформление документов и постановку в реестр охранных памятников озера Нумто денег нет.

Это только после Имлора началось какое-то движение документов по признанию озера Нумто объектом культурного наследия...

А мне вспомнились слова Паши Выллы, живущего в деревне Нумто: «Ради нефти государство этот народ с лица земли сотрёт, если нужно будет»... Позже я такие слова услышу ещё не один раз.

Мы, ниже- подписавшиеся...

История Сергея Кечимова

В начале августа 2015 года мои московские коллеги попросили меня прочесть и подписать следующий документ:

ХОДАТАЙСТВО

Научно-экспертная и творческая общественность озабочена судьбой Сергея Васильевича Кечимова, выдающегося исполнителя музыкально-поэтического фольклора и знатока традиционной обрядовости обско-угорских народов. Сергей Васильевич – последний носитель устной мифо-поэтической традиции восточных ханты. Уникальность его дарования была признана на региональном и международном уровне: отечественные и зарубежные исследователи угорской культуры приезжают к Сергею Васильевичу, чтобы взять у него интервью, записать его выступление, проконсультироваться с ним. Сергей Васильевич также владеет мастерством изготовления ныне почти исчезнувших хантыйских музыкальных инструментов. Этой ипостаси народного художника посвящён документальный фильм сургутского режиссёра Ольги Корниенко «Мастер и Евдокия».

Участники недавней Международной научно-практической конференции «Новый взгляд на ритуализм медвежьего культа в Северном регионе» (в рамках реализации законов Ханты-Мансийского автономного округа-Югры «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского округа-Югры», «О святынях коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре»), проходившей с 24 по 26 июня 2015 года в Ханты-Мансийске, обсудили ситуацию с традиционной культурой обских угров в Ханты-Мансийском округе-Югре и пришли к выводу, что древние автохтонные традиции этих народов находятся

на грани исчезновения, особенно устный фольклор. Среди неотложных мер по сохранению самобытной культуры народов ханты и манси участники конференции предложили развернуть на территории округа программу ЮНЕСКО «Мастер – ученику». В рамках обсуждения данной программы Сергей Васильевич Кечимов был единогласно признан единственным ныне живущим Мастером древней устной традиции восточных ханты. Именно от подвижнической работы Сергея Васильевича, от его деятельности по передаче традиционного знания сегодня зависит сохранение культурного наследия восточных ханты.

Сергей Васильевич Кечимов – традиционный таёжный охотник и оленевод, коренной житель Сургутского района. Он далеко не молод, и здоровье его подорвано условиями ведения хозяйства на Севере. Мы, нижеподписавшиеся, обращаемся с просьбой ко всем должностным лицам, в чьих руках находится сейчас жизнь и здоровье Сергея Васильевича, принять во внимание его заслуги и огромный вклад в сохранение культуры своей земли.

Под документом стояло более двух десятков подписей видных учёных, юристов, депутатов, деятелей культуры, простых оленеводов... Адресован он был главе региона Наталье Комаровой, генеральному директору компании «Сургутнефтегаз» Владимиру Богданову и прокурору Сургутского района Андрею Горобченко.

Дело в том, что осенью 2014 года приключилась с Сергеем Васильевичем одна неприятная история. Обнаружил он на своём родовом угодье собачьи следы. Собаки мешают жизни оленеводов, но не свои – свои сидят на привязи, мешают чужие. Откуда в тайге берутся «чужие» собаки? От нефтяников и прочих природопользователей. Бурят ли разведочные скважины, ставят ли буровые – рано или поздно всегда там появляются собаки. Везут ли из города брошенных, разводят ли сами для охоты, но собаки на буровых всегда есть. На привязи они не сидят, а бегают где попало, в том числе и в тех местах, где пасутся олени.

Несколько лет назад в нефтяных компаниях появился один очень важный, с точки зрения коренных жителей, документ: «Правила поведения работников нефтегазового комплекса на территории проживания коренных малочисленных народов Севера». Среди прочих там содержатся следующие пункты:

РАБОТНИКАМ ЗАПРЕЩАЕТСЯ:

- завозить, хранить, реализовывать алкогольные напитки, наркотические и иные токсические средства;
- завозить, хранить и применять боеприпасы, огнестрельное и другие виды оружия, орудия для ловли дичи, диких зверей;
- завозить и применять орудия рыбной ловли;
- привозить, разводить и содержать домашних животных; вырубать леса, кустарники;
- осуществлять сбор дикоросов;
- допускать разлив горюче-смазочных материалов на рельеф.

В конце этого документа написано: «При любом контакте с местным населением уважительно относиться к самобытной культуре, укладу жизни, обычаям, верованиям и языку коренного населения».

Как показывает практика, у многих работников нефтепромыслов нет никакого представления о том, что есть культура ханты и ненцев, а вышеупомянутого документа почти никто и в глаза не видел. Те же, кто видел и читал, не обращают на него особого внимания. А зря.

Вернёмся к Сергею Васильевичу. Обнаружив рядом со стойбищем собачьи следы, он, конечно же, оценил угрозу для своих оленей и начал звонить нефтяникам.

**Из протокола
Сургутского межрайонного следственного отдела
СУ СК России по ХМАО-Югре
от 15 сентября 2014 года**

... 10.09.2014 ко мне приехали родственники Тэвлин Олег Андреевич и Тэвлины Антонина Дмитриевна, которые находятся на угодьях по сей день.

11.09.2014 утром и вечером на моих угодьях я слышал лай собаки, но не видел её. Те местные народы, которые разводят оленей, знают, что недопустимо, чтобы на угодьях были собаки, потому что они будут гонять оленей, есть их. Если у кого и есть собака, то она обязательно сидит на цепи. Поэтому я решил найти ту собаку, которая лаяла у меня на угодьях.

12.09.2014 около 09 час. 00 мин. я позвонил «нефтянику» ОАО «Сургутнефтегаз» Попушой Владимиру Григорьевичу, который с нами всегда общается по поводу, где разместить буровые вышки, снабжает нас снегоходами и т.д., и который сидит в посёлке Фёдоровский, и сказал ему, что у меня на угодьях завелась собака, и спросил, можно ли её застрелить. Попушой В.Г. ответил, что можно, но только чтоб рядом не было людей. ...

Затем Сергей Васильевич сел в моторную лодку и поплыл искать собаку. Высадившись неподалёку от буровой (куст №197), он пошёл по собачьему следу. Обнаружив собаку, которая бросилась на него, выстрелил в неё два раза и, развернувшись, поехал домой. А вечером того же дня к нему опять нагрянули гости.

**Из протокола
Сургутского межрайонного следственного отдела
СУ СК России по ХМАО-Югре
от 15 сентября 2014 года**

... Ближе к вечеру 12.09.2014, около 18 час. 00 мин., ко мне на угодья приехала дочь гостивших у меня родственников, Тэвлины Юля Олеговна.

Около 20 час. 00 мин. 12.09.2014 в дом зашла Тэвлины Ю.О. и сказала мне, что к моей избушке подкрадываются два человека, поэтому я вышел на улицу и пошёл им навстречу, а все остальные, кто был у меня на угодьях, остались в сторонке, наблюдали. Я подошёл к тем двум людям, один из них был в гражданской одежде (пальто чёрного цвета, джинсы синего цвета, резиновые сапоги), высокого роста, худощавого телосложения, похож на русского, у него в руках был маленький карабин, при встрече узнать его смогу. Второй был одет

в форменную одежду светло-серого цвета, на плечах были погоны со звёздами маленькими, на каждом погоне по три звезды, на рукавах были нашивки, но какие именно и что было написано, я не запомнил... Я стал спрашивать, по какой причине данные люди пришли ко мне на уголья, на что человек в форме сказал мне, что я арестован и что мне нужно поехать с ними в п. Фёдоровский. Я спросил, где их документы, на что человек в форме мне ответил, что на Фёдоровке всё покажет. Я ещё раз спросил, зачем они пришли; человек в форме ответил, что их отправили «нефтяники». Я сразу позвонил Попушой В.Г. и спросил, посылали ли ко мне кого-нибудь, на что Попушой В.Г. сказал, что никого не посылал. Также человек в форме мне сказал, что я застрелил «нужную» собаку...

То, что произошло дальше, в юридической практике принято называть «арест в грубой форме». Кечимова повалили на землю и, избив, пытались волоком тащить до машины, пока не вмешались родственники, обещав, что на следующий день сами привезут его в посёлок. Не зная, что делать, Сергей Васильевич позвонил знакомому в Сургут, и тот посоветовал обратиться в Следственный комитет, а также зафиксировать в больнице следы побоев.

– Я хотел их посадить, чтобы они больше так над коренными жителями незаконно не издевались, поэтому написал заявление в прокуратуру, – скажет мне потом Сергей Васильевич. Но приблизительно в то же время случилась с ним ещё одна история. Тремя днями ранее отправился Сергей Васильевич к нефтяному начальству узнать, когда же ему выplatят деньги по экономическому соглашению за подписанные им к разработке нефтяные объекты. Придя на один из таких едва установленных кустов (объект нефтяников, – прим. автора), он спросил, может ли видеть начальника. А работники возьми да и пошути: протянули ему телефонную трубку, а в ней: товарищ Путин занят, не может с Вами разговаривать! Ох, нельзя было так шутить с лесным человеком, да ещё и с ружьём (хоть и незаряженным). Рассердился Сергей Васильевич, да и наставил ружьё на шутника. Не заметил, что в стороне ещё один стоит и на телефон его снимает.

Поостыл Сергей Васильевич, пошёл домой ни с чем. А ночью 13 сентября приехали к нему на стойбище люди забирать ружьё, да под это дело сунули бумаги, которые он, полуграмотный, и подписал, не глядя («Ну власти же, разве они будут обманывать!»). А в бумагах тех было его, Сергея Васильевича, признание в покушении на убийство. Только вот ружьё-то забирала за то, что собаку застрелил, а документы подсунули – за инцидент трёхдневной давности – за то, что то же самое ружьё на человека поднял в запале, спровоцированный этим же человеком.

С апреля 2015 года потянулись суды. Почему-то не фигурировали в тех судах ни показания свидетелей-нефтяников, ни видеозапись. Защитников и сочувствующих было много, прилетал даже московский Гринпис. Так появилось и письмо-ходатайство, с которого начинается этот рассказ.

Аграфена Семёновна Песикова, которая с первых дней судебной тяжбы неотступно находилась рядом с Сергеем Васильевичем и в качестве товарища, и в качестве переводчика, уверена, что нефтяники обозлились на Кечимова за то, что мешает им беспрепятственно работать на озере, интервью раздаёт, «компрометирующие» фотографии делает:

– Сколько лет здесь живу, нефтяники водоотводные трубы не чистят. Внутренность трубы песком-мхом, мусором-отходами забивается. Осенняя вода, весенняя вода ни взад ни вперёд не просачивается. По этой причине сколько деревьев-трав высыхает, сколько зверей-рыб погибает. Эти плохие дела никто не исследовал, никто не подсчитывал. Сколько рыб-зверей зря погибло, сколько больными оказались, сколько вообще не родилось!

ОАО «Сургутнефтегаз» к нам бы прислушивалось. Когда составляют проекты, сначала бы поинтересовались у коренных жителей, которые проживают на своём месте. Мы же воды-земли знаем, подсказали бы, где и как кустовую площадку ставить, чтобы меньше окружение портить. В какую сторону скривить автомобильную дорогу, чтобы не передавить незаметные глазу, но главные для водообмена подземные водотоки. Таким образом, рыбы-звери живыми будут, деревья-травы будут расти. И нефть тоже будут добывать. ОАО «Сургутнефтегаз» старается поставить себя выше законов. Его работники не понимают: сегодня коренных жителей шельмуют, а завтра эта победа против них обернётся...

Когда интернет-кампания в защиту Сергея Васильевича достигла своего апогея, в соцсетях и появилось то самое видео. Хороший адвокат у Сергея Васильевича, потребовал экспертизы видеозаписи. Появились и свидетели обвиняющей стороны. Про шутку с Путиным, спровоцировавшую Кечимова на этот инцидент, в суде до сих пор ни слова. Судебная тяжба продолжается.

Грустно то, что обсуждается сегодня не обстановка, сложившаяся вокруг священного озера, а «сядет или не сядет Смотритель Имлора, а если сядет, то на сколько».

Последний МОНОЛОГ

Личное

12 сентября 2013 года Юрий Вэлла ушёл из этой жизни. Семье он оставил оленей и землю, за которую в течение двадцати лет бился с «ЛУКОЙЛом», миру – бесценное творческое наследие, а мне – слова, из которых и сложился этот фильм. Фильм-исповедь. Фильм-завещание. Фильм-напутствие.

– Это первый вопрос: Что такое человек? Для чего он живёт?

Вот банально: в школе об этом сочинения писали... Я не знаю, сейчас пишут или не пишут, а мы писали. Ты ведь знаешь, ответить на этот вопрос, ну, если, конечно, откровенно отвечать, было очень сложно...

Он уже знал, что уходит. Он оставлял этот мир в неподходящее время. Хотя где они – подходящие времена? Он знал, что уходит. И мы знали.

– ... Я смотрел на учительницу; с одной стороны, я понимал, что это вопрос советский, на него мы уже знаем, как надо отвечать: ну да, посадить дерево, написать книгу, оставить после себя след, ну, добрый, конечно...

Но сам вопрос в душе человека всё равно остаётся. И чем дальше живёшь, старше живёшь, этот вопрос сам себе всё больше и больше начинаешь задавать и искать ответ, уже не для контрольной работы, не для сочинения, а для своих внуков, для своих правнуков, у которых, может быть, не будет такого сочинения, а, наверно, надо было бы...

Мы приехали к нему на стойбище в июле 2013-го. Он сам просил меня приехать, чтобы зафиксировать работу комиссии из лесфонда, от решения которой зависело, будут ли вырубать сгоревшую лесную гриву, которую так любят олени. В ожидании мы снимали быт семьи: жена Лена готовила обед и воевала с непослушным колодцем, зять Пётр чинил автомобиль, внуки бегали туда-сюда по своим малышейовским делам и делишкам... Вдруг он вышел из избы и, неожиданно для нас, сел на лавку, прямо перед работающей камерой. Поднял глаза к объективу, смотрел долго, почти невыносимо долго...

– ... Что такое жизнь? Что такое человек? Для чего человеку дана жизнь? Для чего человек родился на этом свете?

Позже, когда наступит время монтажа, я не смогу убрать ни единого из сказанных им слов, ни единой паузы, ни единого вздоха.

– ... Умирал Аули. За два дня до смерти его я подошёл к нему, к его постели. Он знал, что умирает. Я, для того чтобы поддержать его, его дух, я ему говорю: «Ты знаешь, человек просто так не исчезает. Даже если тело умирает, дух его остаётся, продолжает жить». А он мне ответил: «Так-то оно так, но если после человека на этой земле не осталось ни одного чума, то тогда ради чего я жил вообще? Для чего я детей растил? Если после меня на этой земле ни одного чума не останется?»

В глазах его стояли слёзы, и он не старался их скрывать. Я сидела рядом, на той же лавке, и по моим щекам тоже катились слёзы. Всё остальное вдруг оказалось неважным, второстепенным. Что-то рвалось изнутри, и было невыносимо тоскливо и больно.

– ... Я думал, что я пришёл поддержать его дух, а, на самом деле, оказывается, это он, находясь при смерти, он пытался поддержать мой дух...

«Последний монолог» с одинаковым вниманием смотрели студенты Полярной Академии в Санкт-Петербурге и университета в эстонском городе Тарту, участницы Всемирной студенческой финно-угорской конференции в германском городе Гёттинген и зрители кинофестиваля «Аргиш» в Нарьян-Маре, читатели сургутских библиотек и курсанты учебного центра УВД округа, и ещё многие и многие люди.

16 октября 2014 года в кинозале национальной деревни Русскинской смотрели его представители многочисленного семейства Сопочиных. Они приехали защитить свою землю от надвигающейся беды. И как когда-то умирающий старик Аули поддерживал его, Юрия Вэллу, так теперь он, Вэлла, поддерживал с экрана своих соплеменников:

–...Сейчас здесь моё стойбище стоит. Перед этим здесь было стойбище моей бабушки. Там, за Ватьёганом, мать моей матери родилась. То есть я живу сейчас на родине своих двух бабушек...

Сопочины смотрели и слушали очень внимательно. Каждому из тридцати пяти человек, сидящих в зале, было о чём подумать.

В июне 2014 года нефтяная компания «Газпромнефть Ноябрьскнефтегаз» выиграла лицензию на пользование недрами, геологическое изучение, разведку и добычу углеводородного сырья до 2039 года на участке Отдельный, где живёт род Сопочиных. 25 августа Сопочины впервые вежливо, но твёрдо сказали: «Нет, мы не согласны», выразив недовольство решением окружного правительства на продажу лицензии на участок без согласования с ними, живущими в границах этого участка. Спустя полтора месяца нефтяники вновь пригласили Сопочиных на разговор, привезя с собой в поддержку представителей правительства и прочих властей.

Итак, 16 октября в Русскинской главы и члены семейств угодья №14 ещё раз повторили, по какой причине они не согласны допустить нефтеразработки на земле, где покоятся их предки, где пасутся олени: «Мы много работали, чтобы сохранить лес и стадо для своих внуков».

Около трёх часов нефтяники говорили о том, что «прошли те времена, когда работали грязно» и что «нас самих сейчас государство штрафует, если мы экологию нарушим», представители властей – что «сейчас мы все живём за счёт нефтяных денег». Сопочины стояли на своём. Из всех, приехавших на встречу, лишь один человек, депутат Ассамблеи коренных малочисленных народов Думы округа, манси Надежда Алексеева пыталась защитить их позицию.

Пока готовили протокол, я и попросила включить «Последний монолог».

– ...А вот километров пятнадцать отсюда – могила отца моей бабушки, Айваседа Хэши. А там, где начинается грива, та грива, которую собираются рубить, – там могила Иуси Кольчу, имя которого я постарался оставить за своим внуком. Потому что мой внук – это не только мой потомок, но и его потомок, того Иуси Кольчу. Вот как связана эта земля со многими именами. Ну, а если здесь не останется ни одного чума, то кто будет об этом думать, кто будет об этом вспоминать?...

Фото Алесь Антонович

Чтобы прогнать индейцев с их земель, достаточно было перебить всех бизонов. Индейцы сами ушли в резервации, потому что им нечего стало есть, негде жить, не во что верить. Таков был план американского правительства. А ведь всего двести лет назад они были полноправными хозяевами бескрайних американских прерий. Те посёлки, куда в течение последних десятилетий российское государство пытается выселить коренное население с помощью активного социального и домостроительства (в нашем случае это Тром-Аган, Варьёган, та же Русскинская), я бы тоже назвала резервациями. Только по-быстрому и без заморочек вытащить аборигена из леса пока не получилось. А сегодня и вовсе не те времена, мешают нормы международной этики и права: не по-человечески, вроде, как-то.

Противостояние, возникшее в нефтяных семидесятых, сегодня отнюдь не ослабло, не сгладилось. Ведь сколько ни говори аборигену, что в новом веке нефть добывают по-новому, – он-то у себя в лесу разницы до сих пор не видит.

А государство просто сменило тактику. В последние годы из российского законодательства исчезают те позиции, которые ранее помогали лесным людям сохранить свой традиционный уклад. Теперь, согласно Лесному кодексу, лес в России принадлежит региональным лесничествам, земля — государству. «Нужные» поправки в Законах «О рыболовстве ...» и «Об охоте ...» ставят коренного жителя в одну строку с браконьером, а изменения в Законе «Об особо охраняемых природных территориях», куда ранее относились и земли коренных жителей, создали условия для неограниченного хозяйственного вмешательства. Иными словами, идёт настоящее, хорошо продуманное, плановое наступление. И хантам, так же, как и индейцам когда-то, этой войны не одолеть.

Фото Денис Синяков

Это было очевидно и 16 октября в клубе деревни Русскинской. Когда выяснилось, что доводы чиновников и недропользователей всё равно недостаточно убедительны для семьи, слово взял из сидящих в зале Человек самого большого калибра. Приехавших из леса людей он просто поставил перед фактом: «Работы всё равно будут начаты, с вашим согласием или без» и зачитал поправку из Закона о недрах. Если ранее строительство нефтяных объектов и коммуникаций обсуждалось с живущими на этой земле до подачи заявки на лицензирование участка (действовала система «двух ключей», где Югра была равноправным партнёром государства в продаже нефтяных земель), то теперь раздача драгоценных участков на конкурсной основе – прерогатива исключительно федеральных властей. А уже с документом на выкупленное месторождение нефтяник идёт к коренному жителю. И не для того, чтобы спрашивать у него разрешения на производимые работы, а чтобы «согласовывать объекты» и объёмы уже производимых работ с его, коренного жителя, традиционным видением землепользования. Если это видение в очередной раз, в ущерб государству, не совпадёт с планами промышленника – в законодательстве могут появиться и другие поправки.

Поэтому на фоне всеобщей растерянности аборигенного населения многострадальных югорских земель такие, как Иосиф Сопочин, с их вежливыми, простыми и вполне обоснованными «Нет, мы не согласны» выглядят для кого – злостными саботажниками, а для кого и просто глупцами. Для меня в тот момент Иосиф был герой. Правда, внутренний голос нашёптывал: «Иосиф, зачем ты ведёшь людей к тропе войны?» А ещё была гордость: «Какой же ты молодец, Иосиф!» И был страх: а если опять не найдут общего языка, сколько ещё будет поломанных судеб...

Сколько же ещё законов нужно изменить, чтобы сломать этих людей, уничтожить голос земли, именем которой этот народ пытается говорить с нами, иными?

...Для чего ты детей растил, если после тебя на земле ни одного чума не останется?

Казалось, Вэлл с экрана обращался напрямую к каждому из сидевших в зале. Его слова были так же просты, как и слова Сопочиных. Разве их трудно понять?

Мы хвастаемся природой, которую сами же планомерно уничтожаем. Хвастаемся уникальным народом, у которого сами же отнимаем этот бесценный дар – оставаться уникальным.

Два таких разных мира, существующих в одном пространстве. И он – соединитель этих миров. Уходя, он оставил слова, что ведут к гармонии, до которой дотянемся ли?

– ... Кто своим внукам будет рассказывать, кто здесь жил, кто тут чем занимался? Кто завтра идёт встречаться с чиновниками, для того чтобы попытаться отговорить оленья пастбища от чиновничьего произвола? От чиновничьей жадности на деньги... Попытаться доказать им экологическую целесообразность не трогать эту землю...

Монолог Юрия Вэллы был записан 15 июля 2013 года на его летнем стойбище. 16 октября 2014-го в национальной деревне Русскинской он был так же актуален.

Наш человек в Белом доме

| Интервью с Надеждой
Алексеевой |

Эта книга версталась в год двадцатилетнего юбилея уникального института, единственного в мире, создание которого возможно было только на нашей земле, – Ассамблеи коренных малочисленных народов Севера Думы Югры.

В канун юбилея мы встретились с ветераном Ассамблеи, депутатом Надеждой Геннадьевной Алексеевой.

Изменились сами коренные жители. Молодёжь стала активнее, грамотнее и, главное, неравнодушная. Сами отстаивают свои права на сохранение родной природы, организуют общины, разрабатывают и реализуют проекты по этновосстановлению. Молодые люди уже стараются получить специальное образование, кто-то в области нефтедобычи, кто-то – экономическое, юридическое образование, не для того, чтобы уйти из стойбищ в города и посёлки, а, наоборот, чтобы остаться на своей земле и быть полезными своим родным.

Для коренных народов, ведущих традиционный образ жизни, земля – место исконного проживания, – имеет глубокое материальное и духовное значение. Если говорить о ключевом для коренных народов вопросе – о территориях традиционного природопользования, то с достаточно отрицательного момента начался 2014 год. По воле федерального законодателя (ФЗ от 28 декабря 2013 г. № 406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях»

Надежда Геннадьевна, какое главное изменение, на Ваш взгляд, произошло на Югорской земле в жизни коренного населения за эти 20 лет?

За 20 лет Ассамблеей достигнуто очень многое, и всё же главный – земельный – вопрос до сих пор остаётся открытым...

и отдельные законодательные акты Российской Федерации) территории традиционного природопользования (ТТП) коренных народов были исключены из перечня категорий особо охраняемых природных территорий. То есть территории (в прошлом – родовые угодья) потеряли свой природоохранный статус. У этих земель остался статус особо охраняемых территорий, который предполагает некий специальный режим природопользования, но без установления прежнего природоохранного надзора. Ни земля, ни вода, ни леса, ни болота на ТТП – не являются теперь особыми природными объектами с обязательной охраной.

Что это означает?

До принятия указанного закона нефтяные компании перед тем, как начать работать, проводили специальную экологическую экспертизу всего природного комплекса, то есть просчитывались, практически, все ущербы, буквально на каждый кустик, на каждое озеро. Считался весь природный ресурс, а соответственно, и возмещение, и последствия, которые наступали бы в результате освоения.

После внесения этих поправок у нас осталось (не только Ассамблея имеется в виду, но и природоохранные организации) меньше прав и возможностей защитить людей, живущих на ТТП. В случившихся изменениях природоохранное законодательство распространяет своё действие на ТТП на общих основаниях, наряду с общедоступными территориями.

Да, поправки облегчили жизнь проектировщикам и производственникам при освоении месторождений, но коренным жителям совместное с недропользователями соседство на ТТП без ограничений усугубит их традиционную жизнь.

Мы, депутаты Ассамблеи, общественность, коренные жители, которые живут на ТТП, обращались на федеральный уровень с тем, чтобы приостановить поправки, умаляющие статус ТТП, но нам не удалось отстоять своего мнения. Никаких изменений или хотя бы даже приостановки действия этих поправок не произошло. Пришлось приводить в соответствие федеральному законодательству наше региональное законодательство, и точно так же слово «природные» исключить из определения и статуса территорий традиционного природопользования.

В настоящее время на территории Югры в тлеющем, перманентном состоянии находится несколько неоконченных диалогов «природопользователи – коренные жители»...

Это священное озеро Нумто (Белоярский район), это ещё одно священное озеро – Имлор (Сургутский район), это территория Аганский ягельный бор (Нижневартовский район), находящаяся под угрозой нефтяного освоения. Наконец, это попытка нефтяного наступления на водораздел Тром-Агана, ситуация с ТТП №14 (Сургутский район), где, в соответствии с действующим федеральным законодательством, одна из нефтегазодобывающих компаний сначала выкупила лицензию на разработку месторождения, а затем начала диалог с коренными жителями, уведолив их о предстоящем освоении, без предварительного согласования.

Начнём с Аганского ягельного бора. В ноябре 2014 года на заседании окружной Комиссии при Департаменте природных ресурсов и несырьевого сектора экономики автономного округа было принято решение подготовить обоснование для создания ООПТ (особо охраняемая природная территория – прим. автора) «Природный заказник «Аганский ягельный бор». Представители Ассамблеи проехали по всем шести хозяйствам коренных жителей, которые перекрывает большой природный ягельный ландшафт на правом берегу реки Аган, для согласования с ними предполагаемых, с их точки зрения, границ будущего заказника. Результаты передали в Департамент природных ресурсов, был разработан план мероприятий, готовится научное обоснование создания Аганского заказника. При готовности документов проект будет вынесен на согласование и общественное обсуждение.

Всё может быть. Не уверена, что заказник обретёт юридический статус. Согласование проекта ведётся со всеми структурами правительства. Это длительный процесс, и, естественно, структуры, заинтересованные в том, чтобы не было никаких препятствий для нефтедобычи, наверное, могут и против высказаться. Ещё не факт, что согласуют создание этой особо охраняемой природной территории.

Здесь более важно то, что приходит понимание, что нет ничего дороже, чем природный ресурс, возобновляемый естественным образом. Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ» присоединилась к Глобальному договору компаний бизнес-сообщества. Компания ответственна за воздействие её деятельности на общество и окружающую среду, на коренных жителей, ведущих традиционную жизнь на территории будущего заказника «Аганский ягельный бор». Если «ЛУКОЙЛ» будет и дальше позиционировать себя социально ответственной компанией, она будет следовать принципам повышения ответственности за состояние окружающей среды и распространения экологически безопасных технологий, и, соответственно, производство там поведут (если уж придётся) более щадящее, хочется надеяться.

Прослеживается некая закономерность: священные места ханты и манси располагаются не только в уникальных природных комплексах и в завораживающих ландшафтах, но и в богатых кладовых-месторождениях нашей территории. И наверняка их сакральная значимость служила не только поддержанию энергии духа и силы коренных народов, но и выполняла функции «банков» по сохранению богатств – недр, а современное общество просто становится взломщиком этих «банков».

Да, особо охраняемая природная территория «Природный парк окружного значения «Нумто» была образована в 1997 году как для сохранения уникальных природных комплексов, так и для защиты мест проживания и хозяйственной деятельности

Как сегодня развиваются события в «горячих точках» Югры?

Защитит ли будущий заказник эту территорию от нефтяников и других природопользователей?

Может оказаться, что это нерентабельно – 3,5 миллиона тонн нефти против нескольких десятков оленей, которые пасутся на этой земле?

Не так ли всё начиналось в природном парке «Нумто» в 90-х?

коренных малочисленных народов Севера, но не только. Создание природного парка произошло и в целях сохранения священного озера Нумто.

То, что происходит сейчас, спустя 20 лет после создания парка, трудно назвать со-зиданием и сохранением – скорее, наоборот. Нефтяная компания «Сургутнефтегаз», без учёта строгих природоохранных условий, получила лицензию на добычу нефти на заповедной территории, дополнительно проведя ещё и изменение режимов природопользования в зонировании этой территории, что также запрещено законодательством. Данные изменения позволят нефтяникам работать на водно-болотных угодьях, представляющих сбалансированную экосистему, формирующую водную систему рек, озёр, болот Югры и Ямала.

Чем может закончиться этот очередной производственный эксперимент над природой – представить совсем несложно. Что будет со священным озером Нумто? Для меня этот вопрос остаётся без ответа.

Ещё одна «горячая точка» появилась на карте Сургутского района в 2014 году. Это водораздел реки Тром-Аган, земли рода Сопочиных (ТТП №14). В июне 2014-го нефтяная компания «Газпромнефть Ноябрьскнефтегаз» выиграла лицензию на пользование недрами, геологическое изучение, разведку и добычу углеводородного сырья до 2039 года на участке Отдельный, где живёт род Сопочиных. 25 августа Сопочины впервые вежливо, но твёрдо сказали: «Нет, мы не согласны». Спустя полтора месяца нефтяники вновь пригласили Сопочиных на разговор, привезя с собой на встречу представителей Правительства. И снова прозвучало единогласное «нет».

Мы с Вами были на этой встрече. Всё закончилось почти по-родственному: обнимались, фотографировались. Откуда опять это жёсткое противостояние?

Такие встречи, как вехи, очень памяты для меня. Недоверие сегодня к нефтяным структурам – это груз всех прошедших лет. Чем она отлична от других? Впервые весь род, вплоть до одной семьи, невзирая на то, что каждую семью в отдельности уговаривали согласовать схему размещения объектов, – все договорились в этом процессе участвовать вместе. И если говорить «нет» – то каждая семья готова была сказать «нет», чтобы их не раздёргивали поодиночке, а если сказать «да» – то, значит, все на тот момент выработали общую позицию. Это, действительно, впервые. Я так думаю, что именно тогда и власть, и нефтяники поняли, что в данной ситуации речь идёт не о банальных выплатах, а об отстаивании своих прав на сохранение исконной среды обитания. Раньше встречались такие ситуации: возникает некий запал противостояния коренных жителей с недропользователями, потом оказывается, что какие-то семьи уже подписали соглашения, из-за недопонимания, из-за выплат, из-за давления на них, – и успокоились. В данной же ситуации было определённо выражено – вопрос не в подкупных деньгах, а именно в отстаивании своей земли, и в том, чтобы коренных жителей уважали, как граждан, как партнёров в переговорном процессе.

В Варьёгане однажды меня пожилой мужчина спрашивает: «Вот почему на моей земле так много выкачивают нефти, а я не живу так, как живёт нефтяник?» Действительно, во всех взаимоотношениях недропользователей и коренных жителей зачастую наблюдалось поведенческое превосходство, пренебрежительные ноты со стороны первых. В Ноябрьске начался разговор на более высоком уровне, с признанием, хочется верить, равных партнёров.

Впоследствии проходили ещё несколько этапов переговоров, сейчас (на декабрь 2016 года) ситуация, если применить строительный термин, – «в замороженном состоянии».

Любое деление общества, правильное – разделение, может привести к конфликтной ситуации. Просто никто из тех, кто инициирует этот процесс, не хочет посмотреть его изнутри, глазами самого коренного жителя, а может, просто нет на это времени. Любой социальный конфликт должен быть изучен, проанализирован до принятия государственного решения.

Благодаря принципиальности Сергея Васильевича, его неустанному, ежедневному патрулированию, ещё сохраняется озеро Имлор. Он защищает его от техногенных катаклизмов и браконьерства, но, к сожалению, человеческие пороки не знают границ, сеются конфликты. По природе своей, отношения между коренными жителями-родовиками и недропользователями мне напоминают отношения Запада и Америки к России: провокации, санкции, искажение информации, неприятие правды истории, недомолвки и уничтожение. Но я верю в Россию, верю в священное озеро Имлор и его хранителя Сергея Васильевича Кечимова.

В 2013-2014 годах, действительно, случился такой инцидент в сельском поселении Угут, Сургутского района, и эта проблема до сих пор не решается. На территории общины начались лесозаготовки. Поскольку леса имеют федеральный статус, участок по решению федерального органа передан в аренду лесопользователю. Арендная плата поступает в федеральный бюджет. Сказать «верните арендную плату из бюджета Российской Федерации и остановите лесозаготовки», когда уже все процедуры по отводам лесных участков прошли, практически, невозможно. Представители Департамента природных ресурсов автономного округа после обращения общины юганских коренных жителей заверяли, что заготовка леса на ТТП завершится, работы перенесут на другую лесосеку, за пределы территории общины. Руководство Департамента природных ресурсов обещало, что, таким образом, ситуацию локализуют, что она не будет такой опасной, что лесозаготовители уйдут с территории «Яун-Ях».

То есть мы выходим на более высокий уровень переговоров?

Деление коренных жителей, имеющих отношение к «нефтяным землям», на первый и второй списки: тех, кому положены нефтяные компенсации, и кому не положены. Ведь эта проблема совсем недавно появилась, сейчас она обострилась до предела, мне кажется?

Священное озеро Имлор. Даже после придания ему в 2014 году статуса объекта культурного наследия народов Российской Федерации озеро остаётся болевой точкой для коренных жителей. Поговаривают, что выискиваются всяческие поводы, чтобы «посадить» неудобного Смотрителя Имлора Сергея Васильевича Кечимова...

Один мой знакомый из общины «Яун-Ях» посетовал на то, что на их территории идёт незаконная, как он считает, вырубка леса...

Но этого не случилось, и вырубки на территории общины продолжаются?

Да. Обещания остались витать в воздухе, лесозаготовители продолжают вырубать лес, фактически, на охотничьих угодьях общины.

О чём сожалеете? На что не смогли повлиять как депутат?

Остаются незаконными права коренных народов на ТТП, формально не утверждены границы и статус ТТП, а на каждую территорию должен существовать пакет документов (положение, паспорт и карта), который утверждается правительством, и тогда каждая территория будет иметь юридический статус. Необходимо, чтобы семья, ведущая традиционный образ жизни на ТТП, с этим пакетом документов в Росреестре могла зарегистрировать право традиционного природопользования. В этом случае наступит новый уровень отношений, когда любой природопользователь, приходя на эту землю, должен будет обратиться в Росреестр кадастрового учёта недвижимости, увидеть имеющиеся ограничения права пользования землёй, и уже официально, законным образом обратиться к субъекту права ТТП – то есть к семье, ведущей традиционную жизнь на этой земле, за согласованием схем, дальнейших действий и т.д. Сейчас природопользователи просто-напросто не соблюдают эти процедуры. Есть реестр территорий традиционного природопользования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, но он содержит информацию формального характера, и выписка из реестра – это, по сути, «справка о составе семьи». Она не является подтверждением каких-либо прав на землю.

Можно предположить, что в Югре намеренно поддерживается механизм плавающего законодательства, которым удобно манипулировать в целях природопользователей?

До сих пор применяются переходные положения Закона автономного округа «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», хотя юридически все вопросы должны быть урегулированы с 2008 года. Экономика нашего округа – экономика топливно-энергетического комплекса, идёт постоянное давление на тех, кто живёт на земле чёрного золота. Чтобы это давление не возрастало, необходим объективный партнёрский диалог субъектов права традиционного природопользования и недропользователей.

Вам, как представителю коренных народов в законодательном органе субъекта Федерации, трудно бывает сказать «нет» или свою позицию выразить перед большим числом высоких чинов, которые абсолютно убеждены в своей правоте?

Сказать «нет», если я себя считаю правой, абсолютно нетрудно. Собственно, в этом, в том числе – отстаивать свою позицию, и заключается работа депутата, тем более, если я выражаю мнение своих избирателей. Если считаю, что я права – мне несложно сказать «нет».

На Вас пытались оказать давление в каких-то сложных, спорных ситуациях?

Сказать, что оказывали давление – нет. Просто могут быть приняты решения большинства.

Действительно, был принят закон о внесении изменений в Устав Ханты-Мансийского автономного округа – Югры относительно формирования Ассамблеи. Согласно новому закону, Ассамблея в Думе будет формироваться из числа депутатов, избираемых либо по одномандатным округам, либо по партийным спискам. Иными словами, потенциальный претендент в Ассамблею должен быть избран сначала депутатом Думы, и только потом сможет заявиться в состав Ассамблеи. На Ассамблею переносится принцип формирования комитетов Думы. Такая схема кардинально отличается от предусмотренной ранее в Уставе нашего округа. Предыдущей редакцией Устава было установлено, что три депутата, избранные по единому многомандатному избирательному округу, представляют коренные малочисленные народы в законодательном (представительном) органе государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и составляют Ассамблею представителей коренных малочисленных народов Севера. Уже по итогам выборов сразу определялся состав депутатов Ассамблеи Думы, и этот же состав выбирал своего председателя. Принятые в 2015 году изменения регламентируют другой порядок формирования Ассамблеи и не способствуют избранию в депутаты и, соответственно, в Ассамблею, самих представителей коренных народов, ставя их в зависимость от капитала и политических партий.

О том, как хорошо живётся коренному населению в Югре, вы всегда прочтёте в официальной прессе. К сожалению, мнение о «золотой касте упакованных югорских аборигенов, сидящих на нефтяной игле» преобладает сегодня среди непосвящённого населения округа и России.

Но вот слова «дикаря» Кечимова, записанные недавно на диктофон на моей кухне: «Они (нефтяники, - прим. автора) хантам говорят сейчас: «Не будете взаимодействовать – пойдёте в тюрьму. Так и говорят».

А вот стенограмма выступления молодого хантыйского парня Степана Сопочина, с высшим образованием, работающего у нефтяников и живущего на богатейших родовых угодьях Сургутского района, на Общественных слушаниях в Москве 15 ноября 2015 года: «Решить вопрос взаимоотношений с нефтяными компаниями, как я вижу, в нашем округе уже не представляется возможным, так как всё пытаются загладить, чтобы информация о проблемах не выходила на государственный уровень. Власти пытаются заглушить все проблемы внутри, говорят в Москве: всё у нас нормально и хорошо. Защищая свои интересы, по крайней мере, в нашем округе, мы, ханты, становимся противниками государства, проблемой, помехой на пути к освоению земель, нефтяных месторождений.

Нам так и говорят – вы не патриоты своей земли...»

Как будто и не было двадцати прошедших лет... Или всё-таки были?

В декабре 2015 года на заседании Думы депутаты приняли решение о внесении изменений в Устав автономного округа, касающихся Ассамблеи. Как эти изменения могут повлиять на дальнейшую работу Ассамблеи, как это может отразиться на коренных жителях Югры?

В результате прошедших в сентябре 2016 года выборов членами Ассамблеи коренных малочисленных народов Думы ХМАО-Югры стали ханты Еремей Айпин и манси Руслан Проводников.

| г. Ханты-Мансийск | ноябрь | 2016 год |

| От автора |

...Утверждать, что некто может владеть территориями на основании некоей исконности в настоящий момент уже неактуально. Многовековая история Крыма, например, или североамериканских индейцев говорит о том, что земля принадлежит тому, кто её на данный момент взял своей силой и волей. И рассуждения о законности и морали ничего пока что не меняют...

| Из интернет-переписки |

Для моего народа каждая пядь этой земли священна. Каждая сверкающая сосновая шишка, каждый песчаный берег, каждый клочок тумана в тёмном лесу, каждая поляна и каждая жужжащая мошка – все они святы для памяти и чувств моего народа. Сок, текущий в стволах деревьев, несёт в себе память краснокожих.

Эта сверкающая вода, текущая в ручьях и реках, – не просто вода, а кровь наших предков. Если мы продадим вам землю, вы должны помнить, что она священна. Вы должны учить своих детей тому, что она священна, и любой призрачный отблеск в чистых водах озёр повествует о делах жизни и памяти моего народа. Журчание воды – это голос отца моего народа.

Прах наших отцов свят. Их могилы – священные места, и потому эти холмы, деревья и участки земли стали для нас святыми. Мы знаем, что бледнолицый не принимает наших мыслей. Для него один участок земли ничем не отличается от другого, ибо он – чужак, который приходит ночью и берёт от земли всё, что захочет. Для него земля не брат, а враг, и он идёт вперёд, покоряя её. Он оставляет могилы отцов позади, но это его не заботит. Он похищает землю у своих детей, но это его не заботит. Он забывает о могилах отцов и о правах своих детей. Он относится к своей матери-земле и к своему брату-небу как к вещам, которые можно купить, ограбить и продать, как овцу или яркие бусы. Его жадность пожирает землю и оставляет за собой пустыню.

Я не понимаю... Наши мысли отличны от ваших. Зрелище ваших городов – боль для взора краснокожего. Возможно, что так происходит потому, что краснокожие – дикари, и они многого не понимают. В городах бледнолицего нет тишины. В них нет такого места, где можно послушать, как весной распускаются почки, как шелестят крылья насекомых. Возможно, что я просто дикарь и многого не понимаю.

Если мы продадим вам эту землю, любите её так, как любили её мы. Заботьтесь о ней так, как заботились о ней мы. Сохраните в своей памяти вид этой земли, какой она была, когда вы забрали её. И всеми своими силами, всеми своими мыслями, всем сердцем сберегите её для своих детей — и любите её так... как Бог любит всех нас.

Мы знаем одно: у нас с вами один Бог. Для Него эта земля — сокровище. Даже бледнолицым не избежать всеобщей судьбы. В конце концов, мы ещё можем стать братьями.

Посмотрим.

**Речь индейского вождя Сиэтла
в 1854 году**

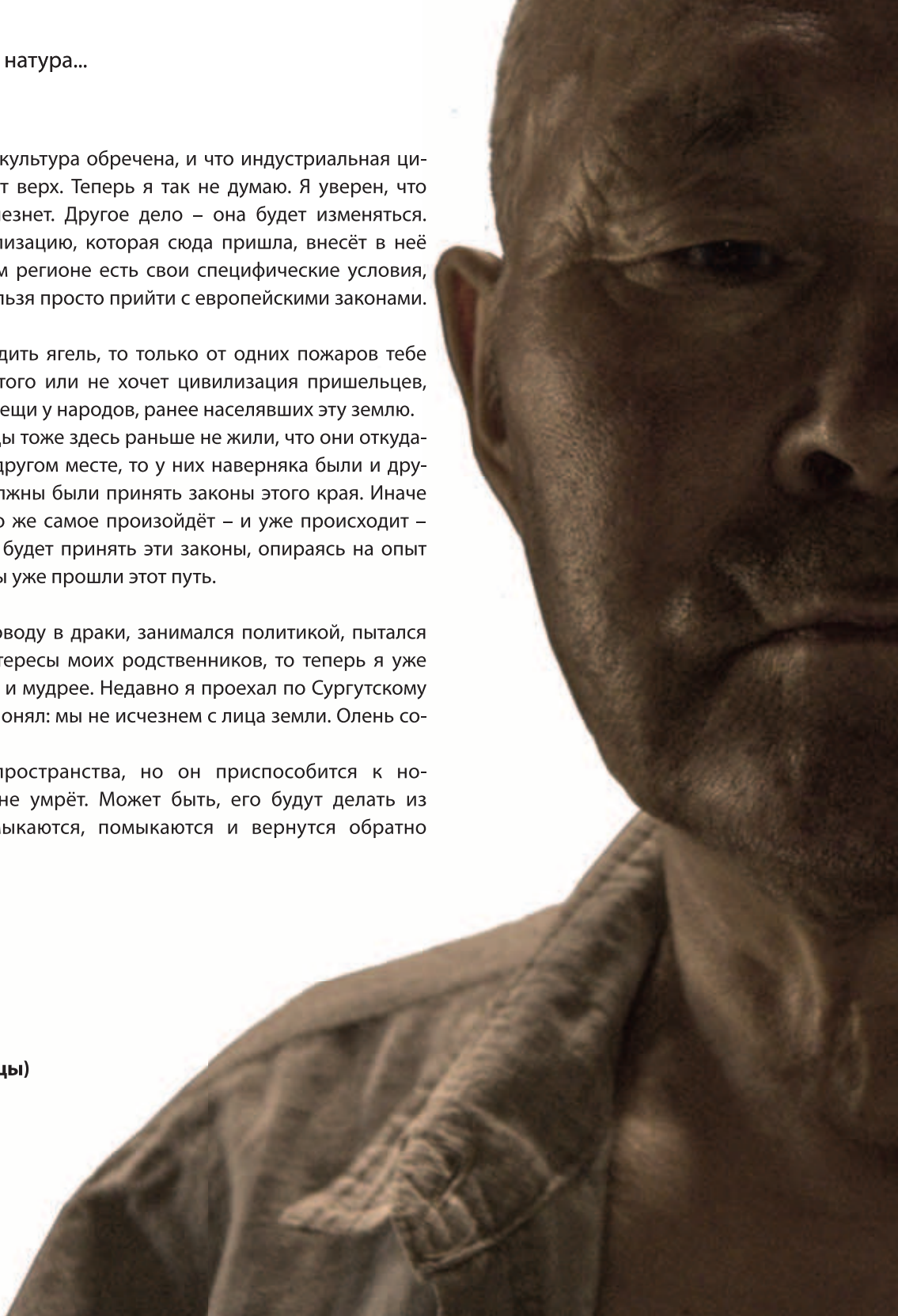
Раньше я считал, что традиционная культура обречена, и что индустриальная цивилизация рано или поздно возьмёт верх. Теперь я так не думаю. Я уверен, что культура коренных жителей не исчезнет. Другое дело – она будет изменяться. Но она также повлияет на ту цивилизацию, которая сюда пришла, внесёт в неё свои коррективы. Потому что в этом регионе есть свои специфические условия, и они диктуют свои законы. Сюда нельзя просто прийти с европейскими законами. Они здесь не приживутся.

Если, к примеру, ты не начнёшь щадить ягель, то только от одних пожаров тебе здесь нечем будет дышать. Хочет этого или не хочет цивилизация пришельцев, но ей придётся перенимать многие вещи у народов, ранее населявших эту землю. Этнографы говорят, что ханты и ненцы тоже здесь раньше не жили, что они откуда-то сюда пришли. Когда они жили в другом месте, то у них наверняка были и другие обычаи. Но, придя сюда, они должны были принять законы этого края. Иначе им здесь было просто не выжить. То же самое произойдёт – и уже происходит – с новой цивилизацией. Она должна будет принять эти законы, опираясь на опыт коренных жителей, которые однажды уже прошли этот путь.

И если ещё вчера я лез по этому поводу в драки, занимался политикой, пытался отстаивать свою точку зрения и интересы моих родственников, то теперь я уже успокоился. Или просто стал старше и мудрее. Недавно я проехал по Сургутскому району, по Казыму, был на Ямале, и понял: мы не исчезнем с лица земли. Олень сохранится.

Конечно, у него будет меньше пространства, но он приспособится к новым условиям. Думаю, что и чум не умрёт. Может быть, его будут делать из других материалов. А может, помыкаются, помыкаются и вернутся обратно к оленьей шкуре.

**Речь вождя пянхасаво (лесные ненцы)
Юрия Вэллы в 1996 году.**

| Глава II |

Я И ВЭЛЛА

... Конечно, нефтяники - крутые ребята, что для них какой-то Айваседа с семьёй. Если они очень захотят, – меня с моим стойбищем здесь не будет. Тем не менее, моё присутствие всё же сегодня ещё сохраняет тот кусочек земли, тот кусочек леса, который вырабатывает кислород, который даёт небольшую отдушину для нашей планеты. Но ещё не менее важно, что здесь сохраняется духовность, потому что я часть духовной ценности моих родственников. Когда моя семья тут живёт, и люди планеты знают, что есть такое стойбище, и можно приехать посмотреть, пообщаться, воспринять, почувствовать, духовно обогатиться или хотя бы полюбопытствовать, глянуть, – это тоже ценность нашей планеты. И пока я здесь, это сохраняется.

Юрий Вэлла

Из интервью журналу «Мир коренных народов. Живая Арктика»

№30 2014 год

Автор Н. Новикова

Живи долго, Большой Человек!

Утром я открываю глаза и смотрю, как олени, не торопясь, возвращаются в кораль. Вчера, как и несколько дней до этого, я пыталась запомнить их имена, училась отличать их по цвету шерсти, по рогам, по каким-нибудь другим, едва заметным приметам. Сегодня я устраиваю себе экзамен.

– Это Ямаха? – спрашиваю у хозяина.

– Нет, – отвечает он, – Ямаха ещё не подошла.

– А вон та, светлая, это же Плачущая?

– Да нет же, Плачущая вон там, в углу.

– Ну, а этот, это же Нямболатто?

– Да нет же, это его мать, Пасалола.

– Господи! Ну как же ты их различаешь?!

– Очень просто: по глазам, по лицу...

Двоих я всё же могу узнать наверняка: однорогого Комарика и Ямальскую, она приземистее других и темнее – тундровая.

Их пригнали из совхоза «Ярсалинский», тысячу тундровых ямальских оленей, чтобы раздать нашим югорским оленеводам-частникам. Я была рядом, когда ямальские пастухи отбирали оленей для нас и выгоняли эту тысячу, и я видела, как ему было трудно.

Я была рядом и чуть раньше, когда на Первом съезде оленеводов-частников Ханты-Мансийского округа, в славном и удивительно красивом городе нефтяников Когалыме, им было громко заявлено: пришло время вернуть совхозного оленя «хозяину». Съезд единодушно избрал его президентом Союза оленеводов. И он поплыл против течения. Он добился, чтобы за ямальских оленей платили не их будущие хозяева, а административные структуры округа. Появились недоброжелатели. Впрочем, у него их хватало всегда.

Первый шаг всегда самый трудный. Но из тайги, из тундры на него смотрело множество глаз, с надеждой обращалось множество душ: не сказка ли это? Неужели, действительно, вольётся новая кровь в обмельчавшие стада местных оленеводов? Перегон был рискованным: оленям предстояло преодолеть невероятную доселе дальность расстояния по незнакомому пути. Все ли дойдут? К тому же, тундровый олень не чета таёжному, а вдруг не приживётся на чужой земле?

Сумасбродная, на первый взгляд, идея породила множество слухов. Заговорили, что новоявленный президент гонит оленей для себя и родственников. Потом, когда стадо всё-таки дошло, и почти без потерь, и президент не взял для себя ни одного оленя,

поползли другие слухи: возможно, олени больны, зараза пойдёт по всему округу, загубит местные стада... Тогда он и взял себе Ямальскую.

Но всё это будет позже, а там, в Когалыме, я впервые решила подойти к нему. Имя, известное за пределами не только нашего округа, но и России, пугало, и в то же время чрезвычайно интересовало меня, притягивало, как магнит. Ведь именно он первым выставил пикет на дороге против произвола нефтяников. К тому же, в его стаде гуляет олень самого Президента России! Поговаривали, что на стойбище у него есть телевизор, видеомэгафон, несколько квартир в разных городах и даже иномарка! Что все свои громкие акции он совершает лишь для того, чтобы имя его звучало всегда и везде, и как можно чаще. Он же, вопреки легендам, витающим вокруг его имени, оказался человеком необычайно простым, чутким и искренним.

Спустя три месяца после нашей первой встречи он позвал меня на Аган. Мы проплыли на облаках почтовым маршрутом, которым местные жители пользовались в давние времена. На стоянках старожилы наносили на старую лоцманскую карту всё, что встречалось нам на пути: заброшенные и ещё жилые стойбища, кладбища, сгоревшие или развороченные катеристами, тони, пески и ягельники, которые когда-то давали жизнь многочисленным и состоятельным родам Айпиных, Лейковых, Казамкиных...

В книге, которую мы готовили к изданию, названия всех этих мест он настоятельно предлагал обозначить на родном языке.

– Ну кому это надо? – много раз спрашивала я у него. – Книга должна быть понятной для всех, если ты хочешь, чтобы об истории этой земли узнали где-то ещё.

– Если кого-то заинтересует какое-то название, пусть поищут в литературе, спросят.

– Да кто полезет в словари, чтобы узнать, что такое Порнэ най или сый?!

Сейчас я понимаю, что он опять прав. Только правда его – для завтрашних людей, для тех, кто придёт, – он верит, что всё-таки придёт на эту землю, – археологов и этнографов, чтобы если не сохранить, что осталось (нефтяной каток остановить почти невозможно), то хотя бы зафиксировать для будущих поколений, изучить то, что было.

Странно, но пока историей нашей земли больше интересуются за рубежом. Каждый год в эти края приезжают учёные из Венгрии, Канады, Финляндии, чтобы составить учебники для наших малышей или успеть, пока ещё не ушёл в прошлое исконный язык и диалект, записать местных стариков, рассказывающих удивительные старинные загадки, песни и побывальщины.

Уникальность этой экспедиции как раз и состояла в том, что историю своей земли писали сами старожилы.

...Молись.

**Быть может, слова твои
будут услышаны,
и Хозяйка Агана
восстановит не только
свои замазученные воды,
но и берега,
и народы,
жившие на её берегах...**

Фото Мартин Вагнер

Он научил меня понимать эту реку и эту жизнь так, что потом, спустя год, когда мы сделали фильм о нашей экспедиции и он вышел на телеэкраны, люди плакали на его просмотрах. Он стал частью моей жизни. Боль его души теперь уже постоянно живёт во мне. А в нём, я знаю, живёт боль его земли, его народа.

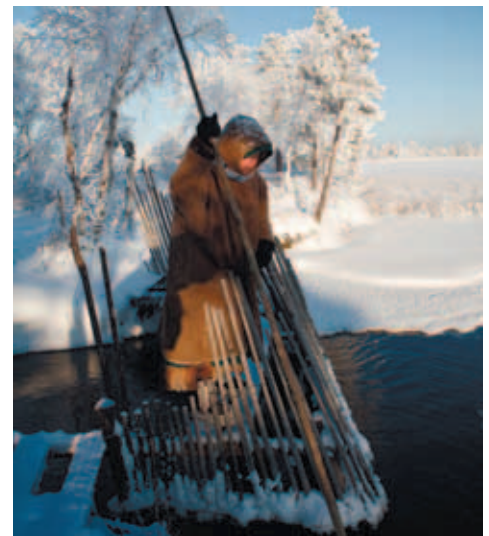
У него замечательная жена. Я не видела более счастливой семьи. Они всегда вместе. Даже если ему приходится выезжать без неё, души их в любое время находят друг друга. Она присутствует везде: в его стихах, рассказах, в его политических баталиях, с неизменной камерой за его спиной. Он шутит, что у Лены рука твёрже, и камера у неё не дрожит, как у него иногда.

Кстати, о видеокамере. Он никогда с ней не расстаётся. Снимает всё: беседы с соседями, поездки на стойбища и в многочисленные командировки, просто разговоры людей, и, конечно же, песни, сказки, загадки, исчезающие предметы быта ханты, манси, ненцев. Хотя многое мёртвым грузом лежит на полках, архиву, который он собирает у себя на стойбище, нет цены. Пригодится ли он когда-нибудь? Я уже не спрашиваю его об этом, потому что знаю, что он ответит.

Сумеет ли мы когда-нибудь догнать стремительный импульс его мысли, его мудрой простоты?

Когда в многочисленных беседах и интервью его спрашивают: «Кем Вы себя боль-

ше видите – оленеводом, писателем или общественным деятелем?», – он отвечает: «Я просто человек. Я живу так, как подсказывает мне жизнь».

Сейчас он опять плывёт против течения. Может быть, именно потому, что не просто оленевод, и не просто писатель, а Человек. Хозяин, или, вернее, сын своей земли.

У него на стойбище живёт русская учительница. Она учит его внуков грамоте: чтению, письму... А малыши учат её разжигать печь, кормить оленей. Они старательно собирают по утрам портфели с тетрадками, чтобы добежать до учительской избы, которая находится в десяти метрах от дома, а в конце урока звонят в колокольчик, и получается перемена, совсем такая же, как в поселковом интернате, только лучше, интересней: ведь можно выбежать на улицу и посмотреть, как бабушка готовит обед или как отец собирается на рыбалку...

И ведь он опять прав, несмотря на активное сопротивление общественных и образовательных структур: дети не должны отрываться от дома, от семьи, от оленей...

Когда-нибудь в его стаде будет ходить и мой олень. Я знаю, так будет. И я верю, что мой олень будет жить долго, потому что судьбу его доверю лучшему из людей.

Он жил вчера, и земля, охраняющая покой его предков, дала ему веру и силу. И он обязательно будет жить завтра, ибо та же земля, на которой и для которой он живёт, не позволит потомкам забыть его имя. Так живи долго, Большой Человек!

Юрина правда

Когда он звонит мне и не находит меня на месте, он просит передать: звонил Юра Вэлла. Кажется, мы познакомились не очень давно, а подсчитала – почти десять лет назад. Когда я впервые встретилась с ним, он казался мне великим и недоступным, сейчас это один из самых дорогих и близких мне людей.

Каждый раз, когда мы встречаемся, Юра потчует меня новыми стихами и новыми историями из своей жизни. В его жизни всегда что-то случается.

Например, недавно, долгое время пролежав в больнице и возвращаясь домой, он обнаружил, что на одном из мостов по дороге к стойбищу повесили шлагбаум и закрыли его на крепкий замок, чтобы невозможно было выломать. А ещё прикрепили табличку: «Ключ находится у господина Айваседы на стойбище». Это значит, что любой, кто едет по дороге, должен заехать к нему на стойбище и попросить, чтобы он открыл дорогу, как будто это его собственность.

– Но это неправда, – говорит Юра, – а правда в том, что таким образом «ЛУКОЙЛ» восстанавливает против меня соседей и соплеменников, которые ничего не знают о длительной судебной тяжбе.

Всё началось с того самого пресловутого бульдозера, который перекапывал мост по дороге на стойбище, и чьи колёса Юра порубил топором в прошлом году, защи-

щая права своей семьи и соседей. Были затяжные судебные разбирательства, письма губернатору...

После того как в окружном суде он в очередной раз проиграл процесс, на стойбище приехал судебный пристав и «арестовал» семь оленей, ровно столько, сколько составляет ущерб. Дело закрыли «без права на восстановление», а Юра, защищая свою правду, подал документы в Европейский Совет по правам человека. И стал готовиться к международному процессу в Страсбурге.

А табличку Юра повесил на сарай во дворе дома в посёлке Варьёган.

Теперь он готовит обращение к коренным народам мира о бойкотировании ЛУКОЙЛа.

– Но какое дело коренным народам мира до твоего «ЛУКОЙЛа»?! – я, как всегда, не вижу очевидного.

– Не скажи, – абсолютно спокойно отвечает он. – Два года назад в мире было всего двести лукойловских бензоколонок. Сейчас – тысяча двести. Есть много мест, где «ЛУКОЙЛ» собирается работать.

Когда он был в Сан-Франциско, то стал свидетелем того, как люди вышли с плакатами и встали у дороги возле одной из бензоколонок. Они больше ничего не делали, даже не загораживали дорогу. Просто стояли и молчали. Но за это время ни

Сегодня «ЛУКОЙЛ» – это:

– более 2% общемировой добычи нефти;

– около 1% мировых доказанных запасов нефти;

– 16,4% общероссийской добычи нефти и 15,7% общероссийской переработки нефти;

– крупнейшая российская компания (Forbes, 2014) с выручкой, по итогам 2014 года, более 144 млрд долл., чистой прибылью около 5 млрд долл.

**| Из официального сайта
компании «ЛУКОЙЛ» |**

одна машина не завернула на эту бензоколонку. «Значит, здесь не все в порядке», – очевидно, думали водители и проезжали мимо.

Во время фестиваля коренных народов мира в Финляндии я много раз приводила этот пример. Люди спрашивали: «Что мы можем для вас сделать? Ведь пятьдесят процентов нефти, которую эксплуатирует Финляндия, мы получаем из Сибири». Я приводила этот пример и понимала, что эти люди Юру обязательно поддержат. В Европе ценится общественное мнение. Основатель общества «В защиту малочисленных народов мира» Харри Фрилунд говорил мне, что, когда на президента той или иной страны со всех сторон сыплются «сигналы» о подобных непорядках, он обязан реагировать, хотя бы для соблюдения собственного имиджа.

Тогда, в Финляндии, Харри просил меня: «Напиши нам о Юре, мы должны как можно больше рассказывать о таких людях». И я пишу о том, как Юра защищает свою правду, борется за свою землю. А от себя добавляю, что то, что происходит с ним, на самом деле происходит почти с каждым из коренных жителей этой земли.

Между тем, Юра рассказывает мне следующую историю. На реке Кушаттяха, на территории родовых угодий его и его соседки Нины Укетовны, появились два новых плаката, говорящих о том, что это «Территория общества охотников и рыболовов. Зона воспроизводства дичи. Охота воспрещена. Проезд запрещен и т.п.».

– Но это же хорошо!? Теперь будет меньше браконьеров, члены общества сами будут следить за этой землёй? – опять наивно спрашиваю я.

– Нет. Это означает, что если я или соседка Нина Укетовна появились там в поисках оленей, например, то это будет расцениваться как посягательство на собственность общества...

Однажды мы сделали фильм о Юрином стойбище. Мы не стали в очередной раз рассказывать о многочисленных проблемах, просто показали, как могли бы жить эти люди, если бы мы не так грубо вмешивались в их жизнь. И ещё показали их будущее двадцать лет спустя. Будущее детей, для которых Юра построил на стойбище школу, чтобы они не потерялись в интернатах, чтобы жили, не отрываясь от своей земли. Оно было светлым, это будущее, потому что мы так хотели, мы вместе мечтали об этом. Помню, с каким трудом ему приходилось выбивать ставку для учителя, зарплату, другие необходимые вещи: учебники, бензин для транспорта, чтобы возить своих школьников на сдачу зачётов в посёлок...

...На самом деле в его школе осталось всего два ученика. Зять Эдик переехал жить в Варьёган и забрал детей, Женю и Лену. Сосед Дима Русскин увёз в Когалымский интернат своего Толика. Но во время нашей последней встречи Юра снова просил меня подыскать учителей для его школы, потому что он по-прежнему уверен, что лесным ребятишкам необходимо именно стойбищное образование. А я в который раз спрашиваю себя: если польза подобного образования столь очевидна, тогда почему Юрина школа вот уже много лет – единственная в округе?

*Говорят, правда – она у каждого своя.
Но иногда, слушая Юру, я убеждаюсь:
чем неправдоподобнее эта правда
выглядит, тем почему-то больше
хочется в неё верить.*

...Между Варьёганом и Новоаганском, это в Нижневарттовском районе, есть шоссейный мост. Если от моста пройти четыреста метров на запад, можно найти замшелые, но высокие пеньки. Здесь было зимнее стойбище ненца Айваседы (Вэллы) Кыли, на этом месте 12 марта 1948 года я родился.

Бабушка моя Ненги после смерти мужа Вэллы Калы, бросив чум и оленей, вернулась вместе с детьми на стойбище родителей, которые жили недалеко от Ватьёгана, вокруг озера Сеттэй и вдоль речки Хыпитосты. Во времена Международного Покраснения, в поисках Колхозного счастья, полупешком, пришли они вместе с родом Айваседы под деревню Варьёган, и здесь в 1951 году съели последнюю личную важенку.

Я, как и многие северные дети, прошёл через детский сад (помню смерть Сталина), через интернат (помню космический полёт Первого Спутника и Юрия Гагарина).

Будучи государственным охотником, одновременно заочно грыз я программу Литературного института А.М. Горького, и в 1988 году защитил дипломную работу (книга «Вести из стойбища») на «отлично».

Я и сейчас одновременно делаю два дела: пасу оленей и фиксирую фольклор – зеркало сегодняшнего культурного уровня моего народа, чтобы в это зеркало мог заглянуть любой.

**| Юрий Вэлла. Автобиография.
Из книги «Поговори со мной» |**

Любимые произведения? Одной из заметных работ считаю стихотворение «Облако в нефти». Также нравятся «Сказание о любви» и диалог с Татьяной Юргенсон «Охота на лебедей». Из ранних рассказов – «Ветерок с озера», стихотворения «Золотое руно» и «Первый снег», «Апокалипсис» (как маленький ненец воспринял это слово). В этих работах есть настроение, это самое главное, второе – независимо от того, о герое какой национальности идёт речь, мне кажется, они понятны и доступны для человека любой национальности. И потом – это то, что мне сокровенно. Эти произведения наиболее легко написались, словно моей рукой кто-то управлял свыше.

Однажды в деревне Нумто мы начали обсуждать тему взаимоотношений мужчин и женщин в нашем народе. Только в Нумто мы насчитали около 20 бобылей самого разного возраста. Почему так получилось?

Оказывается, главная вина лежит на интернате. Детей, родившихся на стойбище, вертолётами собирают в интернат, и тот их рассортировывает. Девочки на 90 процентов не возвращаются к стойбищной жизни, а связывают свою жизнь с инородцами. Многие из них, не сумев выбрать достойных партнёров среди культурно развитых людей (но возвращаться на стойбище не хочется), начинают выходить замуж, подбирать себе в мужья неграждан России: таджики, узбеки, лица кавказской национальности, подрабатывающие в Ханты-Мансийске и других городах. А юноши возвращаются в оленеводческий совхоз, становятся оленеводами и живут на стойбище. А совхозу проще на всю бригаду оленеводов держать одну чумработницу (как правило, это бывает жена бригадира), платить одну зарплату. Она и обваривает, и обшивает всю бригаду. Ведь если каждый оленевод женится, логично будет требовать зарплату для каждой оленеводки, а совхоз это не устраивает.

Обычно семейные люди, если человек нашёл себе жену, уходят из совхоза, становятся оленеводами-частниками. Охотятся, рыбачат, и за счёт этого небольшого дохода стараются жить сами по себе. О таких семьях я уже не беспокоюсь, они достойно воспитают своих детей. Но наступит время, и снова прилетит вертолёт, заберёт детей и увезёт их в Казымский интернат, и, боюсь, опять по окончании этого интерната часть людей уйдёт на стойбище, женщины уйдут жить в города.

В книге «Поговори со мной» эта тема отражена в трёх рассказах: вначале – триптих «Сказание о любви», о молодом человеке, незрячем, женившемся на хромой женщине, и живут они в любви и согласии. Оказывается, для того чтобы быть счастливыми, надо быть калекой. Если бы они оба были нормальные, скорее всего, интернат бы их разделил.

Второй рассказ – «Ожидание». Молодой человек вспоминает, как он дружил с девушкой в интернате, после его окончания этот парень вернулся домой, к оленеводству, а его подруга отправилась учиться в педучилище, получила образование, вышла замуж и уехала с мужем в Киев. И вот пришло известие, что она приезжает на родину, на побывку. У него уже есть своя семья, но чувства вспыхивают с новой силой.

Поэт. Оленевод. Человек.

Интервью к 60-летию

«Поговори со мной»

Вэлла чем-то напоминает философов древности. Он невозмутим, держится спокойно, с достоинством. Автор нескольких книг и блестящий рассказчик, он знает цену слову, но понимает и его ограниченность. Поэтому он философствует собственной жизнью, своими делами.

| Михаил Гнедовский, кандидат исторических наук, директор Института культурной политики, г. Москва |

Фото Анатолий Пашук

В конце книги – «Поговори со мной». Молодой человек из города (видимо, ездил за продуктами) возвращается на стойбище. По дороге он встречает девушку, которая едет в город, на учёбу. Между ними проскакивает некая искра, вспышка; и я оставляю читателю надежду, что в этот раз всё должно быть благополучно, что, окончив учебное заведение, она должна вернуться в оленеводческую семью.

Сегодня на стойбище нужны люди любой специальности, потому что оно стало современным и интересным. Воспитывать достойное поколение детей без знания биологии, истории, литературы, географии, математики невозможно.

Как же раньше справлялись?

Интуиция. Интернат выбил из людей интуицию напрочь.

Кстати, в различных вариантах этой книги также присутствуют переводы на несколько языков: эстонский, венгерский, немецкий, английский... Она включена в программы Тюменского, Нижневартковского, Сургутского университетов. Думаю, что в недалёком будущем с ней познакомятся и студенты зарубежных вузов.

Хотелось бы, чтобы книга вышла большим тиражом, чтобы там было несколько языков. Но потом я подумал: «Ой, как скучно будет брать в руки всё время одну и ту же книгу». И решил, что книга будет разная. «Поговори со мной» по внутреннему содержанию на сегодняшний день я считаю самой лучшей своей книгой. На втором,

а может, и на первом месте по значимости считаю «Азбуку оленевода». Думаю, этих книг вполне достаточно, чтобы иметь представление о творчестве Юрия Вэллы. Самым же совершенным произведением, где ни добавить, ни убавить ни одного слова, ни одной запятой, я считаю самое короткое своё стихотворение о сороке, рабочее название которого было «Настроение»; а сегодня оно публикуется без названия, с тремя звёздочками. Когда у меня бывает плохое настроение, я читаю эти три строки, и точно знаю, что у меня настроение меняется.

Как пишу? Что душа захотела, сам выбираю тему, что интересно. Получается, что более свободен от предрассудков и прочих обязательств. На стойбище иду за оленями, возникает какая-то мысль, я её записываю на кусочек бумажки или ножом выцарапываю на стенке обласа...

«Ветерок с озера» – это восстановление сгоревшей в 1992 году рукописи книги прозы. Вторая книга содержит в себе 36 хантыйских загадок, собранных Любовью Айпиной на Агане и Ираидой Ермаковой на Югане. Я отредактировал их и подал в том виде, как они сохранились. К каждой загадке на этой же странице я даю отгадку. Вся книга идёт на двух диалектах хантыйского, русском, немецком и английском языках. К тому же, отгадка спрятана и в эксклюзивных иллюстрациях художницы из Нижневартовска Натальи Волик (Цыбиной), созданных специально для этой книги. Наверное, студенту, который изучает этнографию, чужой язык, в данном случае хантыйский (а мы знаем, что его изучают во многих образовательных учреждениях не только России, но и Европы), – этому студенту легче было бы понять мировоззрение ханта.

А когда у него в руках и загадка, и отгадка – он начинает логически мыслить: ах, как у него тут завёрнуто, ах, как он тут схитрил!

Может быть, кто-то и из любознательных читателей напряжёт свою память, попытается мыслить хантыйским мировоззрением. Ведь многие древние восточные философские рассуждения стали частью сегодняшней жизни. Возможно, со временем и хантыйская логика через эти загадки станет доступной для среднего европейского человека.

Большая благодарность за это Евдокии Андреевне Нёмысовой. Я уже ушёл из сельсовета, надо было на что-то жить. Не было ещё ни пенсии, ни оленей. И она, будучи в то время директором нашего института, сказала: «Многие твои книжки опираются на фольклор, у меня есть ставка научного работника. Получая зарплату, надеюсь, ты ещё более конкретно будешь заниматься фольклором».

Вот если бы я не был сотрудником научно-исследовательского института, если бы в своё время не связался с российской общественной организацией экологов – я боюсь, что и топонимикой так и не стал бы заниматься, и этот материал так мимо меня бы и прошёл. А ведь вокруг нас очень много интересного. Нужно только внимательно присматриваться и прислушиваться.

***

*Ранним утром
по двору скачет сорока.
Ну и что?*

| «Настроение» |

Сегодня Вы выпускаете целых две книги: «Ветерок с озера» и «Загадка моя». Последнее издание весьма своеобразно...

Фрагменты национального фольклора всё чаще появляются в современной литературе. В Ваших произведениях, кажется, он присутствует постоянно...

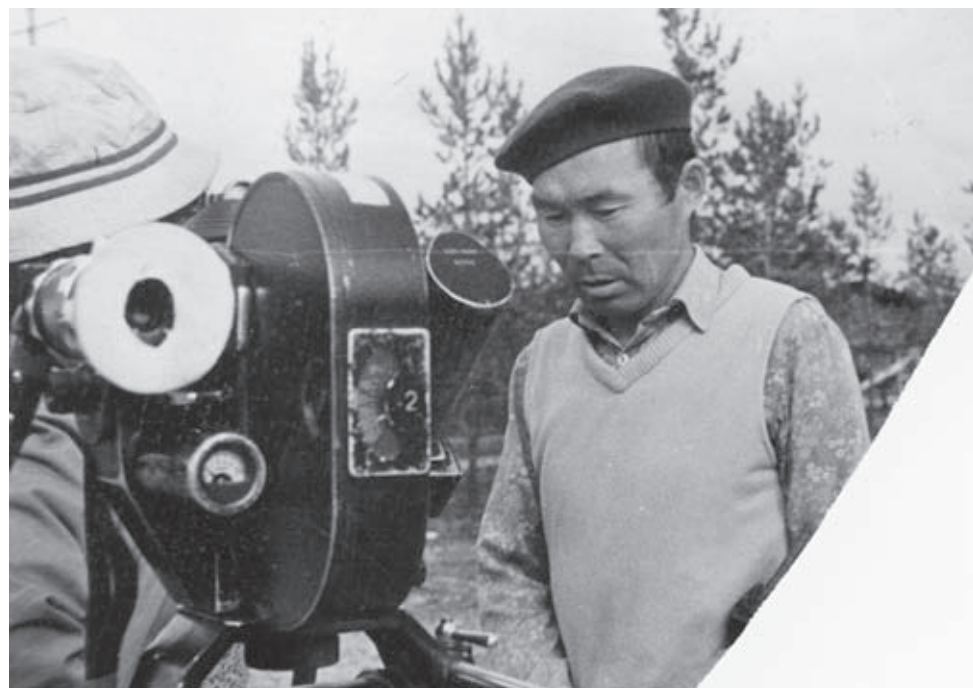
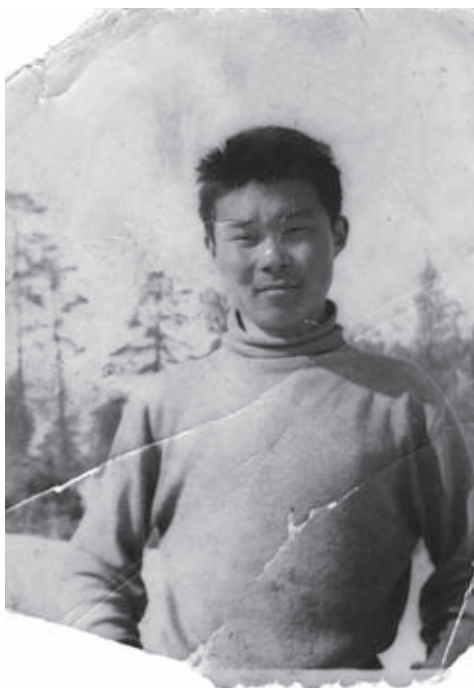
| О стойбищной школе |

Когда, при каких обстоятельствах появилась мысль создать школу в лесу, на стойбище?

Мысль, может быть, всегда была. Может быть, она впервые появилась, когда я был в интернате. В сознании возникал вопрос «почему?». Почему я не дома, не среди оленей, а тут? Я завидовал детям, которых на каникулы родители увозили на стойбище. А мои родители, ставшие колхозными рабочими, лишились оленей. Я помню, как мы забили возле колхозного дома в деревне последнего нашего оленя семейного. И я всю жизнь испытывал ностальгию по оленю, по семье по оленной, и вот я хотел бы, попытаться создать, во всяком случае, такие условия для своих внуков, чтобы у них, в их сознании, такого недостатка не было.

Я не могу сказать, лучше оно или хуже, стойбищное образование. Считаю, что я ничего не теряю, мои внуки ничего не теряют. Ибо сегодняшние интернатские дети, мои дети, которых я, считаю, во многом упустил, выходцы из интернатов, так или иначе, очень мало, редкие единицы только могут поступить куда-то в высшее учебное заведение и прийти оттуда нормальными грамотными выпускниками. Даже на примере большинства наших родственников, которые прошли через высшие учебные заведения: от них там отпихнулись, прислали в нашу жизнь обратно, мы их получили, якобы специалистов, на самом деле эти специалисты всегда не дотягивали до того уровня, который существует здесь, в Сибири, среди пришлого населения. Эти люди по своему образовательному, по человеческому своему уровню всегда были выше нас.

| Фото из семейного архива |

Я всегда завидовал этим людям. Мне всё время хотелось, чтобы кто-то из моих родственников стал бы нормальным человеком. Я считаю, что образование среднее, среднетехническое, среднеспециальное ничего человеку не даёт. Те родственники, которые, кое-как закончив интернатское образование, кидаются в ПТУ, в колледжи, для того, чтобы получить такое образование... Всё равно жизнь их отсеивает в большинстве своём. По-моему, образование должно быть либо высшим, либо, ну, теоретически – может быть, никакого, а высшим по практическому знанию жизни.

Я знаю среди своих родственников много людей, которые в своей жизни не получили никакого образования, школьное у них там 2, 3 или 4 класса всего лишь. Но по образу жизни, по мышлению, по способам общения, способам применения своих возможностей в жизни они тянут на высшее образование.

Если человек имеет в кармане диплом, а не получил ничего для своего сознания – это не значит, что он имеет образование. В этом плане, я считаю, что мои внуки ничего не теряют. Даже если они не получают теоретического образования, не смогут когда-то поступить в высшее учебное заведение, я считаю, что самому главному – прочно стоять на своей земле – кое-кто из них научится.

Уже сейчас, даже в маленьком возрасте, они сами топят печь, внучка сама себе шьёт одежду, знает, как пользоваться иглой. Внуки, у них у каждого свой нож есть, иногда

Фото Мартин Вагнер

Стойбицкая школа Юрия Вэллы была открыта в 1996 году и прекратила своё существование в 2009-м. За всё это время здесь проработало 18 человек.

В 2002 году, подписав договор на один миллион рублей с представителями сейсмологической партии на проведение разведочных работ, Вэлла передал эти деньги учителям, работавшим в школе с 1996-го по 2002 год (6 человек) в счёт заработной платы с индексацией.

строгают, я их силком это не заставляю делать, не хочу отбить у них этого желания, они делают это тогда, когда у них возникает потребность. Главное, что они находятся в своей среде, на своей речке, на берегу своего озера, со своими оленями, со своими родителями, в своей жизни.

Проекту «Стойбищная школа Юрия Вэллы» одиннадцатый год. Каковы результаты? Почему, несмотря на очевидную необходимость стойбищного образования, Ваша школа по-прежнему единственная в округе? Сами как считаете, нужна или не нужна стойбищная школа сегодня? Не изменился ли Ваш взгляд на стойбищное образование?

Действительно, до сих пор ни Департамент образования округа, ни Нижневартовский районный комитет даже совещания не провели на тему «Плюсы и минусы стойбищного образования». И вообще: плюс это или минус. Что хорошего, что плохого. Надо поддержать эту идею или не надо.

Почему такое отношение? Иногда мне кажется, одна из причин – чиновникам жалко деньги. Это логично. Действительно, роскошь – поддерживать маленькие стойбищные школы, финансировать их, потому что затраты на одного ученика в такой маленькой школе будут намного больше, нежели в одной большой школе. Это очевидно. Но если говорить о выходе, об интеллекте ученика, то я боюсь, что в большой школе много талантливых ребят проходят мимо преподавательского коллектива, ребёнок растворяется в общей массе и не получает того должного воспитания, образования, которое должен бы был получить для того, чтобы стать настоящим человеком. В данном случае – в стойбищной школе – это индивидуальная работа. Учитель вынужден подстраиваться под ученика, и если он способен, талантлив – мимо внимания учителя он никогда не пройдёт. К тому же главное условие такой школы: ученики здесь, в лесу, получают как бы двойное образование – светское и лесное.

Как я понимаю, что такое оленеводство – это нечто наподобие твёрдого тыла, сберкнижки. Ведь наши ученики являются жителями стойбища, и всё, что касается стойбищной жизни, они знают и могут: обеспечить себя теплом, водой, дровами, следить за оленями, дела рыбацкие, охотничьи, – это, всё мимо них не проходит.

А когда молодой человек узнаёт, что такое олень (не назидательно, не за одну неделю преподали ему это, а он постепенно познавал это в процессе всей своей жизни, от рождения), он может сейчас, закончив школу, со своей частью оленей отделиться, создать семью и жить самостоятельно. И в случае, если из него не получится специалиста по компьютерам, автомобилям, не станет он депутатом, чиновником, то в любое время он может заняться оленеводством, рыбалкой, охотой, если, конечно, наша окружающая среда ему это позволит, к этому он готов и готовится каждый день.

Но политика Югры мотивирует молодёжь, наоборот, выходить из леса, идти в ногу со временем...

Все выйти из леса мы никогда не сможем, всё равно кто-то останется. Стойбищные жители будут всегда. Мало того, – посмотри на Европу. У них часть населения живёт не в городах, есть ещё фермерские хутора, и хуторская жизнь – это та же самая цивилизация.

Фото Николай Гынгазов

Фото Георгий Корчѐнкин

Там есть свои правила жизни, взаимоотношения с окружающей средой: вокруг тебя лес, такие же хутора стоят, и если ты себя неправильно ведёшь, будут страдать твои соседи.

Нет, все мы никогда в города и деревни не переедем. Конец двадцатого столетия наше население уже отсортировал. Сегодня на стойбищах живут уже отсортированные от общества жизнью, условиями люди. То есть: человек не получил должного образования, ему не нашлось места в городе, в деревне, должного, с зарплатой, и у него остался один выход – приспособиться жить на стойбище. Вот этот принцип сегодня ещё продолжается. Мы, чиновники и культурные люди, никак не можем вернуться к правде лицом и сказать, что это тоже цивилизация, и она будет продолжаться, но на должном уровне.

Сегодня у нас в Дорожном департаменте округа нет программы дорог на стойбище. У нас люди болеют, и своими возможностями, своими силами выбирают в ближайший медпункт: кто на снегоходе, кто на оленьей упряжке, кто на уазике, если рядом есть месторождение. А часто получается: часть дороги человек проезжает на снегоходе, а часть – на автобусе, идущем с месторождения. В этом плане правительство никакой помощи не оказывает.

Да, можно было бы сейчас поставить крест на стойбищной школе, и я бы подписался. Можно было бы оставить это явление как исключительный случай. Но вот в Финляндии, например, у оленеводов саами есть опыт: там, практически, на каждое стойбище муниципалитетом поддерживаются дороги – грунтовые дробильные. Расстояния там, конечно, не такие, как у нас: до самого дальнего стойбища – 70 километров. Каждое утро из муниципалитета выходит автобус, собирает учеников, и к 9-10 часам утра дети привезены в школу.

Школа имеет функции интерната. Это образовательное учреждение, где есть жилые комнаты с кроватями, тумбочками, туалетами, со всем необходимым, чтобы можно было день, два, три пожить, переночевать в случае стихийных бедствий, буранов, например. И вечером автобусы снова развозят детей: по одному маршруту один, по другому – другой, по третьему – третий. А ведь в бюджете Финляндии нет таких средств, как в нашем бюджете, который подкармливается нефтяными и газовыми деньгами.

Я видел эту финскую школу, она на дровяном отоплении. Это как будто вчерашний день, но, тем не менее, дети там не оторваны от жизни, живут с родителями, выходные полностью проводят с семьёй, с оленями. И от учебного процесса они тоже не оторваны. Вот если бы мы могли этот опыт перенять? Например, у нас из Варьёгана ходил бы автобус (я прикидываю: самое дальнее наше стойбище – 90-110-140 км от Варьёгана, а остальные-то – ближе 60 км). Есть дороги на месторождения. От них можно сделать ответвления на стойбища. Часть дороги – 20-30 км – поддерживал бы муниципалитет, а остальные дороги, так или иначе, нефтяниками поддерживаются. Кроме того, наша власть могла бы договориться с нефтяниками, чтобы они эту работу – поддержание и обустройство дорог – делали за счёт компенсаций. А автобус-вездеход на базе КамАЗа, например, мог бы курсировать и возить детей. Тогда необходимость в стойбищных школах, конечно бы, отпала.

Вот сейчас проводят эксперимент в Варьёганской школе: если раньше в учебном процессе три раза были каникулы, то сейчас 2-3 недели дети занимаются, неделя каникулы, потом опять 2-3 недели занимаются, и опять каникулы. Многие дети уезжают, у них есть возможность почаще бывать на стойбище. И тем не менее, я считаю, что там, где есть желание самих родителей, есть возможность создать условия для учителей, – там можно и нужно создавать такие школы. В первую очередь, это общины. Например, община Сопочиных на Тром-Агане вполне могла бы позволить себе такую школу, там несколько семей проживает. Если бы у нас в округе таких стойбищных школ 4-5 было бы, я думаю, это был бы большой плюс.

| О науке | Когда первое весеннее солнце начинает пригревать, начинает подтаивать снег, появляются первые проталины – олень начинает перебираться на открытую продуваемую местность. Потому что из-под наста он имеет возможность достать пищу. Вот почему весной, перед отёлом, олени перебираются на болота. Там другая растительность, больше витаминов, а это во время отёла необходимо. И человек за оленем перебирается на это же место. Но болото – это мерзлота. Если человек на болоте начинает строить избушку – то избушка стоит 2-3 года, потом эта мерзлота подтаивает, дом начинает проваливаться в болото, человек вынужден покидать его и строить новый дом. Вот поэтому возникла идея построить нечто особенное.

И вот на Вашем весеннем стойбище появилось оригинальное строение. Расскажите про это ноу-хау.

Однажды ко мне приехали студенты Ханты-Мансийского Центра одарённых детей Севра. Один – будущий проектировщик, другой – дизайнер... Их преподаватель спросил: нет ли у меня идеи подсказать им какой-нибудь проект для стойбища? Я сказал: нужен дом, который не разрушал бы вечную мерзлоту, находящуюся под ним. И предложил несколько своих вариантов: дом на сваях, на ножках, на санях, передвижной, разборный дом мог бы быть... В нашей кочевой жизни есть 3 постройки: дом (жилище), лабаз для продуктов и навес для снегоходов, нарт, чтобы дожди и солнечные

| Фото Георгий Корчёнкин |

лучи не портили вещь. Кроме того, у моего соседа Аули ещё была смотровая вышка. Он туда с биноклем залазил, смотрел, куда ушли олени, не отбились ли...

Дом, который спроектировали по моей подсказке эти ребята, стоит на ножках. Все 4 постройки объединены в одном строении. Снежный покров под домом максимум 7-5 см, он выдувается, и мерзлота там сохраняется.

Дом уже четвёртый год стоит на мерзлоте, и она нисколько не пострадала. Мы построили этот дом сами. В данном случае у нас ножки опираются ещё и в полозья – раз в 4-5 лет дом можно переместить на 3-4-5 км на новое место, как пастбище перемещается.

Были у меня на стойбище оленеводы, стояли, языками цокали. Да, говорят, наверно, удобно в этом домике. Но они прекрасно понимают – надо ещё построить этот дом. Я знаю, что в нашем округе сегодня очень популярна национальная приоритетная программа «Строительство жилья». Если бы власти захотели, этот проект можно хоть завтра внедрять в жизнь наших оленеводов.

Музей рода Айпиных в Новооганске, то есть в местах исконного обитания рода. Поддерживают и собирают его Виктор Иванович Колодкин и его жена, Ольга Даниловна. Они охотно рассказывают о народе ханты, о частице этого народа – родословной Айпиных, об отдельных людях данного рода, об обычаях, которые отличают этот род от других родов аганских ханты.

Я считаю, что это одна из новинок, которая должна быть достойна внимания культурных работников, потому что родовых музеев нет, практически, нигде. Это новшество, на котором можно было бы строить, в том числе, и туристический бизнес.

С 1997 года музей строился и формировался на общественных началах. С 2000 по 2004 год под покровительством Бориса Хохрякова, главы Нижневартовского района, существовал официально. А с приходом к власти Виктора Пичугова музей был закрыт и расформирован. Многие его экспонаты растворились в фондах Варьёганского музея, где они стали безликими, потеряли свою родовую значимость. Но у Колодкина остались экспонаты, которые не были профинансированы чиновниками. И после 2004 года отдельные посетители в частном порядке знакомятся с предметами материальной культуры рода Айпиных.

Я слышал о существовании музеев знатных династий, о музеях великих людей, где были представлены семейные реликвии, но никогда не слышал о существовании родового, семейного музея, и тем более коренных малочисленных народов Севера. Я горжусь тем, что подобный музей зародился в нашем округе.

Я подготовил к публикации и изданию в нашем институте научную работу Виктора Ивановича «Концепция музея «Махи сир Оуэн ях» (рода Бобра аганских ханты). Даже если невозможно возродить музей рода Айпиных в том виде, в каком

| О культуре |

Когда-то Вы первым в округе, причём на общественных началах, стали собирать музей под открытым небом в Варьёгане. Он и по сей день остаётся одним из самых уникальных музеев Югры. Сегодня, опять же, исключительно по собственной инициативе, Вы пытаетесь поддерживать ещё один уникальный музей...

задумал его в своё время Колодкин, то, изучив Концепцию, культурологи, люди, занимающиеся национальными культурами, ознакомятся с этими замыслами. Опубликованный в форме научного труда, с иллюстрациями и с рецензией М.Е. Каулена вместо предисловия, этот проект мог бы стать учебным пособием для институтов, готовящих культурологов. И, возможно, кто-то когда-то создаст свой родовой музей. Не повторяя Колодкинский, а оттолкнувшись от него, сотворит нечто своё, оригинальное. В этом случае проект Колодкина станет основой, фундаментом для рождения музея новой формы.

Я очень хорошо знаю, что такое создать музей, сам когда-то создавал. Без денег это, практически, невозможно. Подвезти экспонаты из леса – нужен транспорт; раскатать дом в лесу и поставить на территории музея – брёвна тяжёлые, одному не поднять, кто-то должен помогать хотя бы второй конец бревна поднять. Значит, надо нанимать людей, что-то им платить, хотя бы символически, потому что у них тоже семьи, дети, кормить надо. Просто так работать никто не может уже. Часть экспонатов из Варьёганского музея, будучи директором, я за некоторую сумму вынужден был уступить Нижневарттовскому музею: лабаз, обласа, другие предметы, для того, чтобы у меня была возможность здесь профинансировать вывозку других объектов. Вот таким образом создавались наши музеи на общественных началах.

Сегодня рядом со своим домом я задумал домик, который может называться кабинетом, домом писателя, и стать частью нашего Варьёганского музея. И если я его сделаю всё-таки, то это опять будет в одностороннем порядке: Юрий Кылевич сделал подарок для государства, создав ещё одну часть музея.

| О политике |

Главной своей работой на сегодняшний день считаю топонимический словарь бассейна реки Аган. Однажды с группой наших юристов я побывал в Сан-Франциско на мероприятии, организованном их американскими коллегами, общественной организацией, защищающей экологические права белых американцев. Общаясь с ними, я обратил внимание на то, что эта организация стала защищать гражданские права индейцев, особенно когда те претендуют на земли якобы своих предков, которые находятся за пределами резерваций. В этом белые экокюристы стараются им всячески помочь. Почему? Да потому, что, оказываясь, защищая гражданские права индейцев, они защищают экологические права белых жителей Америки. Индейцы хотят дополнительных земель, чтобы на этих землях не было технологических объектов, загрязняющих окружающую среду, чтобы можно было на этих землях свободно жить, ведя традиционную деятельность: охотиться, рыбачить... А это значит, что ещё один кусок земли будет свободен от технологических разработок, будет излучать в окружающую среду здоровье, чистоту, ну, и так далее.

И вот, беседуя и с индейцами, и с экологами, я задал вопрос: как можно доказать принадлежность рода к земле? – ведь с тех пор, как индейцы подписались под территориями резерваций, а остальные земли по договору отошли белым людям, прошло более двухсот лет! Чтобы вернуться к пересмотру этого договора, нужны веские основания.

Оказывается, одним из таких оснований является топонимика. То есть, если на местности река, озеро, какая-то гора, поворот реки имеют название на языке какого-то племени, – это и есть доказательство того, что племя может претендовать на этот участок земли.

Тогда я подумал: в нашей Сибири дело идёт таким образом, что некоторые её жители однажды тоже окажутся без земли. Сегодня правительство отстаивает интересы нефтяников и газовиков, завтра под нашими землями откроют ещё что-то, оно будет работать в интересах других землепользователей, а жизнь коренных жителей всегда будет откладываться на второй план. И если кто-то из наших потомков когда-нибудь захочет попытаться юридически доказать своё право на тот или иной земельный участок, у него будет возможность обратиться к моему топонимическому словарю.

Ну неужели мы всегда будем пресмыкающимися?!

Фото Мартин Вагнер

Вы верите, что когда-нибудь наши законы будут достаточно основательны и убедительны, чтобы правительство не смогло тасовать их, как колоду карт, а наши юристы будут достаточно сильны и неподкупны, чтобы уметь грамотно апеллировать к этим законам?

| О жизни |

На Ваш взгляд, какие три самых важных поступка в своей жизни Вы совершили?

| Фото Татьяна Юргенсон |

Первый важный поступок – я правильно женился. Правильно выбрал жену. Мать моя говорит, что, оказывается, я её выбрал, когда мне было полтора года. Я этот эпизод ощущаю как во сне, но когда матери недавно рассказал, она говорит, что именно так было наяву. В чём тут суть: человеческий род должен продолжаться. Мой род не прервался. У меня есть дети, внуки. Сейчас возраст моих старших внуков достиг такого, что, вероятно, в ближайшее время надо ожидать правнуков.

В том-то и есть глубина философии: продолжение рода человеческого. Я ведь в своё время писал заявление добровольца во Вьетнам. Если бы я туда попал, не вернулся оттуда живым, – на мне бы оборвался род.

Второй поступок – я закончил литинститут, получил высшее образование. Сегодня, оглядываясь на свою жизнь, думаю: если бы я не получил высшего образования, я бы сейчас не занимался оленями. Я бы где-то на уровне сельского Совета, допустим, устроился бы чиновником и пудрил мозги своим родственникам, то есть был бы посередине между своим вышестоящим руководством и населением. Для того, чтобы получать нормальную зарплату, мне пришлось бы крутиться, как на сковородке, поддакивать своим родственникам, но ничего для них не делать, в угоду своему руководству там, наверху, которое не хочет оплачивать те или иные программы для коренных жителей.

Литинститут дал мне интеллект, дал главное – понимание ценности стойбищной цивилизации. Я литинститутскими глазами оглянулся на стойбищную жизнь и стал понимать, что это цивилизация, а не как раньше говорили – первобытно-общинный строй, от которого надо уходить, переводить коренных жителей на осёдлый образ жизни.

Третий поступок – это уже итог. Я 15 лет охотился на соболей, добывал пушнину, и для общепита – мясо лося и дикого оленя. С последней своей охотничьей зарплаты я купил оленей и ушёл жить на стойбище, в новую цивилизацию. Это был 1991 год.

В то время все, наоборот, уходило из леса...

И, тем не менее, именно в этот год я купил оленей. А в феврале 92-го мы с женой поставили чум в тундре. К осени мы срубили первую избушку, неказистую, маленькую, а в 93-м году на бору стали строить дом, в котором живём и сейчас. Я считаю, из тех десяти оленей я стадо сформировал, у нас сейчас более сотни оленей. Есть уверенность и надежда, что мои внуки будут продолжать это стадо поддерживать, развивать. А отсюда и всё остальное: и стойбищная школа, и топонимика... Поэтому в моей жизни на главном месте отнюдь не экономические отношения с «ЛУКОЙ-Лом», а максимальная защита земли от посягательства на неё кого бы то ни было.

| И снова о политике |

Резервации. Вы «за» или «против»?

Я считаю, наоборот, это у нашего правительства должна быть программа резервирования тех или иных месторождений. Сейчас ведь нет необходимости увеличивать добычу, вести её полным ходом, иначе цена на нефть упадёт, а для умеренной добычи у нефтяников достаточно земель, которые уже разрабатываются. Новые же месторождения надо резервировать, останавливать конкурсы по раздаче этих

месторождений, заставляя нефтяников работать на уже существующих. Возможно, через 10-20 лет появятся более совершенные технологии.

Мы ещё не научились бурить горизонтально, чтобы скважина вдоль пласта максимальное количество пространства проходила, тогда нефтеотдача будет больше. Сейчас мы из пласта берём что-то около 20 процентов, остальное остаётся навсегда в пластах. А если мы скважину пробуем таким образом, что она вдоль пласта пойдёт, горизонтально, то отдача будет больше 30 процентов. Это сами нефтяники говорят.

Сегодня в моей семье, согласно списку, утверждённому главой городского поселения Новоангаск, 23 человека. Из них 4 дочери, 12 внуков. Я ожидаю прибавления ещё трёх внуков. Кровь и национальность не имеют для меня никакого значения, главное – это воспитание. Поэтому я стараюсь на воспитание внуков обращать внимание, чтобы ненецкий менталитет преобладал в их сознании. Допускаю, что не сразу кто-то из моих внуков станет человеком коренной национальности, но думаю, что со временем его интеллект к этому его приведёт, если воспитание родового менталитета в нём будет преобладать.

Бензин. Нет горючего для стойбищной школы. Я учился в Варьёганском интернате с керосиновой лампой, но это был 50-й год, а сейчас, в 21-м веке, просто-напросто засмеют меня: Юрий Вэлла создал стойбищную школу и шагнул назад, в прошлую эпоху.

| О семье |

У Вас интернациональная семья, как же насчёт корней?

Какой подарок Вы хотели бы получить на своё шестидесятилетие?

P/S. Кстати, сам Юрий Вэлла на 60-м году жизни получает ещё одно высшее образование – юридическое. Не буду спрашивать, зачем ему это.

Из переулков памяти...

| На кухне |

Однажды Юра позвонил мне и спросил, смогу ли я записать интервью с ним в телекомпании, где я в то время работала. Тема была щекотливая, но и наша компания тогда позиционировала себя независимой.

Я, конечно же, сказала «да».

Они приехали вечером: он, его жена Лена, внук Кольчу, Ева Тулуз и её эстонский коллега Каур Мягги (помню, у него сильно болел зуб, и мы все вместе искали способ облегчить эту боль).

На следующее утро сидим на кухне, пьем чай.

Звонок Юре на сотовый. Он видит, от кого, но не отвечает.

Буквально через несколько минут звонят на мой домашний телефон:

– Здравствуйте. Это служба внутренней безопасности «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь».

Вы ведь знакомы с Юрием Вэллой? Вы не знаете, где он сейчас может быть? Возможно, он звонил Вам недавно, где он может быть сейчас?

Тушуюсь, трушу, не знаю, что сказать, тем не менее, отчаянно вру: нет, не знаю, не звонил, извините...

«Дело в том, что наместник Юра рубанул топором огромное колесо лукойловского бульдозера (*смотри стр. 182*). Работники одной из служб компании пытались демонтировать мост, по которому Вэлла с семьёй и гостями направлялся в больницу. Именно об этом инциденте он и собирался рассказать в эфире телекомпании СТВ.

Продолжаем пить чай. Буквально через несколько минут звонок в дверь:

– Проверка телефонной связи (это в выходной-то день).

Открываю. Передо мной чуть выше среднего роста, среднего возраста, подтянутый, в униформе работника телефонной связи, человек.

Как мужчина, если честно, он мне нравится. Но ведь никто и никогда до этого в нашей квартире эту самую телефонную связь не проверял. Тут Вэлла выходит в коридор и со своей хитрой улыбкой:

– Здравствуйте, молодой человек! Вы не меня ищете?

Сотрудник то ли телефонной связи, то ли вышеупомянутой службы, минут пять невозмутимо покопавшись в моём телефоне, уходит.

| Погорельцы |

Летом 2012 года по дороге в типографию, где его ждала работа над очередной книгой, Юра, как всегда, заехал ко мне и чуть ли не с порога попросил:

– Слушай, сделай, пожалуйста, копии со всех твоих фильмов, и тех, что ты мне делала раньше. У меня архив сгорел, сейчас всё заново надо восстанавливать.

Оказывается, сгорел не только архив. Сгорели два стойбища, летнее и зимнее.

Жара в то лето стояла невероятная, погорели многие. У семьи Айваседы (Вэлла), кроме стойбищ, погорела часть оленьих пастбищ, вся зимняя одежда, схороненная в лабазах... Но начал он именно с архива, как наиболее дорогого и безвозвратного.

В одном из интервью Вэлла говорил об оленьем стаде как о своей сберкнижке («Как я понимаю, что такое оленеводство? Это нечто наподобие твёрдого тыла, сберкнижки...»). Однажды самому Юрию Кылевичу пришлось этой сберкнижкой воспользоваться.

– У жителя стойбища есть права на льготы и субсидии для малоимущих, в том числе и на частичную оплату коммунальных услуг. Но, чтобы их получить, нужно собрать кучу документов, а для этого на время бросить стойбищное хозяйство, оленей. Со стойбища моего соседа до Варьёгана 180 километров. Он приезжает в Варьёган, а ему говорят: справку о том, что твоя семья малоимущая, можешь получить только в Нижневартовске. Он приезжает туда, а там очередь, и нет гарантии, что он за день её пройдёт.

Моя дочь, мать пятерых детей (семья малоимущая), три месяца пыталась оформить субсидию, а я вынужден был забить оленей, чтобы покрыть её долг по квартплате. Последний раз я забил в ноябре трёх оленей. Но дочь не смогла получить справку, документы не были вовремя оформлены, и в феврале мне опять придётся забить трёх оленей, чтобы покрыть её долги. И такое происходит с жителями стойбищ по всему округу. Когда-то многие жители стойбищ в счёт экономических соглашений с нефтяниками получили дома в деревнях и посёлках. Потом вышел федераль-

| Оленья сберкнижка |

ный закон, который заставил всех без исключения платить за коммунальные услуги. Раньше платили нефтяники.

Они приезжают в деревню, там квартирка, в которой они в месяц живут, может быть, два-три дня, кто-то вообще не приезжает, но сто процентов коммунальных платежей платить обязан. Это большая несправедливость.

| Последняя воля |

Осень 2013-го, 13 сентября. Юры уже нет, но он ещё с нами. Сидим за столом: Елена Фёдоровна, дочери Тайна, Лада. Говорить непривычно тяжело.

И вдруг:

– Ольга, последняя воля папы...

Я, конечно, готова на всё. А «всё» оказалось очень простым.

– Отец просил передать книгу «Поговори со мной» санитарке Кате из больницы. Он рассказывал, как бережно она за ним ухаживала в эти последние дни. Терпеливо слушала его, приносила ему чай, ты же знаешь, как папа любил пить чай...

В начале сентября вышел тираж шестого издания книги для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу «Поговори со мной». Юра успел лишь поддержать книгу в руках. Ему стало хуже, и его отвезли в Сургутскую больницу. Там он и познакомился с Катей. Даже лёжа после операции в реанимации, он шутил, читал ей отрывки из этой книги.

Я долго не могла увидеться с Катей. То она была в отпуске, то работала в ночную, меня же постоянно кружило в водовороте городской жизни. Но вот мы встретились. Простая добрая женщина средних лет, она была похожа на уставшего ангела в земном обличье. Даже удивительно, что такие ещё встречаются в наше недоброе суматошное время. Катя была милосердна от природы. Хорошо, что она работает в больнице. Я подарила книгу, пыталась взять небольшое интервью, так, на всякий случай. Кате нечего было сказать, у неё никогда не брали интервью. Она была самой обычной санитаркой.

Юра отказался от второй операции, просил отвезти его домой. Он всё уже чувствовал. В Варьёган его привезли на вертолёте. Вечером 12 сентября ему стало хуже, вызвали «скорую» из Новооангска. Приехавший врач Башинский с ходу начал ругать Юру, мол, зачем надо было уезжать из больницы и отказываться от операции... Через 10 минут его не стало.

– Это он убил отца, – скажет потом одна из дочерей, и, наверно, будет права. А я подумаю: пускай бы у каждого из нас в конце жизненного пути оказалась своя санитарка Катя...

| Жизнь после жизни |

Прошёл год. Семья отходила от потери. В Тарту Ева собирала всех зарубежных друзей Юры, чтобы 12 марта, в день его рождения, провести прощальные Дни Памяти. Я уехала в Санкт-Петербург монтировать «Последний монолог» и готовить к поездке

в Эстонию другие фильмы, которые за всё время нашей дружбы были сняты на стойбище. В Мегйоне Татьяна Юргенсон работала над Первой открытой литературно-краеведческой конференцией имени Юрия Вэллы, а окружные депутаты и власти Нижневартовского района стали готовить проект дома-музея писателя на его родине, в Варьёгане (решение воплотить в жизнь мечту Юрия Кылевича пришло 12 сентября 2013 года).

Конечно же, вскоре после похорон объявились и представители «ЛУКОЙЛа». Юра не успел переписать документы на членов своей семьи, и земельный вопрос повис в воздухе угрожающим дамкловым мечом. Лена, всю жизнь проведя за надёжной спиной мужа, совершенно не разбиралась в этом, дочери тоже. Было страшно. Уставшая от безденежья семья согласилась на выплату долга, который Юра не принимал при жизни более двадцати лет, чуть позже подписали и договор на разработку Южно-Выйнтойского месторождения, чему тоже так долго сопротивлялся отец. Кольчу – главная надежда деда на продолжение традиционной жизни, вернулся в лес. Он и сейчас смотрит за оленями, правда, по-своему – на новеньком узике «Патриот», купленном на деньги нефтяников.

Летом 2014 года, когда фильм «Последний монолог» уже видели в Германии, Франции, Эстонии, Санкт-Петербурге, Нарьян-Маре, Сургуте и многих других местах, я позвонила в администрацию Нижневартовского района с просьбой посодействовать с его трансляцией на местном телевидении. Чиновница из комитета по культуре мне ответила: «Фильм, безусловно, хороший, но его надо немного подредактировать. Вы же знаете, Юрий Кылевич проблемы поднимал...» В родных местах писателя фильм так и не показали.

13 июня 2016 года, почти через три года после ухода Вэллы из жизни, в селе Варьёган открывали музей писателя, он расположился в хорошо отремонтированном старом доме, где с 11 января 1993 года проживала вся семья. Во дворе – небольшой этнографический парк с надворными постройками, в доме – музейные экспозиции. Здесь постарались оставить всё, как было. Директором музея, по решению семьи, стала старшая дочь Юрия Кылевича, Тайна.

Была на открытии и чиновница из администрации. Она и здесь пыталась «подредактировать» и организацию музея, и его дальнейшее планирование. Но можно ли отделить литературное творчество, не касаясь остальной жизни?

По Ватьёгану плывёт нефть, нефть, нефть...

Не припоминаю, удавалось ли кому-нибудь «редактировать» Вэллу при его жизни. Он всегда был и остаётся искренним, открытым, пронзительно честным. Его мысли, дела, поступки – это факел с огромным энергетическим зарядом, освещающий и направляющий жизни многих людей.

Думаю, таким же будет и музей.

– Вот пройдёт сто, двести лет, что, ты думаешь, останется на этой земле? Какая память? «ЛУКОЙЛ»? Или «Сургутнефтегаз»? Останется Вэлла.

| Из разговора с другом |

*Если хочешь иметь оленя – забудь
о сладком сне, о вкусном обеде,
о сухой одежде.*

***

*Если ступни твоих ног всегда
будут ступать туда, куда ступают ко-
пыта твоих оленей – ты имеешь шанс
стать оленеводом.*

***

*Чтобы вырастить, приручить
оленя – надо три года.
Утратить, растерять стадо –
достаточно трёх дней.*

***

*Олень – как сухой сучок на дереве:
сделаешь неосторожное движение –
сломается.*

***

*Устраивая свою жизнь, всегда
в первую очередь думай и поступай так,
чтобы было хорошо и удобно твоим
оленям и оленятам; и только во вто-
рую очередь думай о себе
и о своих детях.*

*Помни: если сегодня хорошо
твоим оленям, то завтра будет
хорошо вам.*

***

*Не принуждай детей и внуков
заниматься оленями.
Сделай так, чтобы они сами для себя
выбрали судьбу оленевода.
Тогда жить им будет легко.*

***

*Соблюдай обычаи своего рода –
жить легче будет.*

| Из книги «Азбука оленевода» |

| Фото Георгий Корчёнкин |

| Глава III |

ЛИКИ ЮГРЫ

Изучайте людей, связанных с землёй, ибо эти оленеводы, эти охотники и рыбаки являются садовниками мира. Они скромно сотворили пейзажи, которые нас окружают сегодня. Они приспособились к естественным условиям, дав волю думам природы. Они опасались попирать её законы, предчувствуя, что насилие обернётся против них. Таким образом, они смогли сберечь землю и могут научить этому других, лишь бы этот опыт был востребован.

Таково, на мой взгляд, предназначение коренных народов – одушевить ум Вселенной, её очевидность, её чувствительность. Там, где цивилизация сформирована из свергнутых богов и машин, коренные народы стали нашим зеркалом. Тем, в котором отражаются как красота, так и безобразие цивилизованного мира.

Благополучное существование этих людей означает наш успех. Их смерть лишь предвестит нашу.

Доминик Самсон Норман де Шамбург,
доцент сибирских исследований
Национального института восточных языков и культур
г. Париж, Франция

Как родился проект «Лики Югры»

Чтобы заручиться согласием на съёмки героя одного из будущих фильмов, мне довелось побывать в Нумто. Один из сопровождающих, зная, что я только что вернулась из Германии, спросил: «Ну и что там думают о наших хантах?»

В основном, жители Германии не очень хорошо знакомы с Зауральем. Да и действительно: какое дело им, устроенным и благополучным, до отдалённого сибирского региона? А вот, случилось.

В никогда не знавшем нищеты капиталистическом Штуттгарте, в процветающей ныне столице Германии – Берлине, впрочем, как и в маленьком заштатном Нойштрелице, население которого составляет всего 23 тысячи человек, я с удовольствием наблюдала, как заполняются зрительями, а затем медленно уходят в темноту небольшие и оттого уютные кинозалы, и как на больших экранах загораются первые титры: «Западная Сибирь, Югра, Сургутский район...»

Однажды меня спросили: не специально ли я, снимая кино, одела своего героя в национальную одежду – малицу? Этот вопрос мне задают довольно часто. Ведь, действительно, герои почти всех моих фильмов живут в лесу, говорят на родном языке, носят национальные одежды, ведут традиционный образ жизни, занимаются СВОИМ делом...

А я каждый раз так же искренне удивляюсь: разве вы не знаете, что у нас есть такие люди? Нет, не знают. И я ещё и ещё раз убеждаюсь в том, каким бесценным сокровищем обладает Югра.

Где-то там, в этих поездках и встречах, зародилась мысль собрать видеоочерки-портреты и объединить их в единый цикл, назвав не «Лица», нет, хотелось чего-то более высокого, достойного этих людей. Так появились «Лики Югры».

В одном из финских городов заканчивается показ «Весны в Тресколье». Фильм рассказывает о семидесятилетней мансийской женщине, Александре Васильевне Анямовой. Фильм медленный, мне даже кажется – чересчур. Но ведь коренные жители так и живут. И так, фильм подходит к концу, я сижу на первом ряду, за мной зал. Готова буквально вжаться в кресло – до того неудобно: что же это я людей мучаю? Как они это смотрят так долго! Ведь эта бабушка даже ничего почти не делает в фильме, просто живёт...

В глазах слёзы, думаю, сейчас надо вставать, объяснять, извиняться, что я хотела показать, какая жизнь в настоящей мансийской деревне, куда ещё не пришла цивилизация... Фильм заканчивается, я в отчаянии оборачиваюсь к залу... Люди встают и хлопают: мы бы ещё три часа смотрели!

Так я впервые услышала понятие «слоу лайф», медленная жизнь. В Европе сейчас этого очень не хватает. «Мы всё бегаем, бегаем чего-то, нервы жжём, а жить надо именно так, как твоя бабушка!». И ещё. Именно в том зале я услышала, что наша прекрасная северная природа – такой же полноценный герой моих фильмов, как и люди.

С тех пор идея создания цикла «Лики Югры» обрела свою окончательную форму, цвет и даже запах.

В 2008 году появился ещё один проект – видеомарафон «Лики Югры». Стартовал он в октябре в Финляндии. К этому времени фильмы цикла уже всюду работали в Сургутском краеведческом музее, в городской и районной библиотеках, к ним постоянно обращались (и обращаются) преподаватели образовательных учреждений округа, а мои поездки в европейские, особенно финно-угорские страны, стали почти рабочими.

«Лики Югры» оседали в коллекциях зарубежных музейных центров и университетов, постоянно позиционировали Югру на разного уровня встречах, форумах и фестивалях; студенты-этнографы знакомились по ним с культурой и языками наших народов.

Я периодически пыталась просить профинансировать эти поездки у городских и окружных властей, мне периодически отказывали...

В марте 2011 года проект «Лики Югры» получит почётное звание «Брэнд города Сургута», но по-прежнему и продолжение производства самого проекта, и видеомарафон так и останутся личным делом Ольги Корниенко.

| Про «Слоу лайф» |

| Про видеомарафон и личное дело |

Как я шла к «Мастеру»

Даже сейчас, когда я оглядываюсь назад, многие события из прошлого кажутся мне фантастикой. Такого, говорю я себе, просто не может быть. Но всё это было на самом деле и продолжается по сию пору.

Сначала была открытка из Беверли Хилз: компания FOREST CREATURES ENTERTAINMENT (Лесные создания) предлагала принять участие в проекте «Дети, столкнувшиеся с трагедией». Проект собирал видеоистории из разных точек мира. На российском Севере автором для этого проекта выбрали меня. Может быть, удачно выпали звёздные карты, а может, роль сыграла Международная конференция «INPUT-2003» («Телевидение в интересах общества»), ежегодно отбирающая в разных странах 80 лучших фильмов мира. В 2003-м конференция проходила в Дании, в Архусе, а одним из тех восьмидесяти стал фильм «Договор».

Поездку в Данию я тоже отношу к области фантастики. Группу из России и стран СНГ (а на этом престижном мировом форуме весьма ограниченная квота) представляли ведущие документалисты: Андрей Осипов, Янина Лапинскайте, Тофик Шахвердиев, Серёжа Лозница, Виталий Манский... Наряду с их картинами прошёл строжайший отбор – сначала в России, а потом в Германии – и мой «Договор».

Вскоре меня приняли в Международную Академию телевидения и радио. За спиной уже были авторские показы и фестивали в Финляндии, Эстонии, Германии... В Финляндии, к примеру, на Международном кинофестивале фильмов народов мира я была единственной, кто представлял Россию. Там я прочитала свою первую в жизни лекцию о том, как живут ханты Югры, как сложно складываются их отношения с нефтяниками, и как наша единственная в мире Ассамблея коренных народов Думы Югры пытается придать этим отношениям законодательную основу. И – наблюдала неподдельный интерес к жизни Югры и России. Меня спрашивали, где можно купить фильмы об этом, приобрести их для проката по национальным каналам... Там же мне задали вопрос: почему твои герои ханты и ненцы, а говорят на русском языке? Они что, на родном больше не разговаривают? И у меня родилась мысль снять фильм на хантыйском языке.

Тогда, в 2003-м, мне казалось, это был огромный риск. И поскольку в телекомпании «СургутИнформ – ТВ», где я в то время работала, свободного оператора для съёмок не оказалось, я взяла со склада маленькую камеру и поехала в тайгу, на стойбище, снимать «Мастера и Евдокию». Материала сняла предостаточно, а потом с помощью консультантов-ханты перевела все диалоги героев и смонтировала фильм без единого русского слова и закадрового комментария. Получилась трогательная картина о любви, о том, как двое нашли друг друга в конце жизни, о самой жизни, наконец!

И был «Орфей» на «Тэфи-регион-2004», и был Гран-при на финно-угорском кинофестивале, и участие в российско-германских встречах во Франкфурте, и фестиваль в Словакии... Ценность фильма, благодаря родному языку его героев, возрослакратно, пришла уверенность, и появились другие фильмы на родных языках.

Мастер и Евдокия

По сценарию видеофильма

– Трудно снимать в тайге?
– Снимать можно всё и везде, если есть желание. Можно неделями ехать и лететь, мёрзнуть и мокнуть, было бы ради чего. Труднее сделать так, чтобы потом это было нужным, интересным, чтобы это пробило. Есть ли что-то своё, особенное? Если забрался в «другой монастырь», – будь другом, прими хотя бы на время эту другую жизнь такой, какая она есть. Не будь навязчив и груб, уважай людей, которые тебе эту жизнь доверили.

Из интервью газете «Телесемь»

Был конец марта. На стойбище ждали весну. Небо, затянутое тучами, тяжело нависало над верхушками елей. Тропа то тут, то там проваливалась под ногами.

Внезапно пошёл снег. Он падал крупными хлопьями и всего за несколько минут накрыл все тропы, следы человека и следы снегохода. Зима не хотела уходить, она отчаянно боролась с весной, но Евдокия по опыту знала: вот-вот должен пойти первый дождь, а за ним – капель, солнце...

Это была её шестьдесят пятая зима. Четыре года назад Евдокия в третий раз вышла замуж, и теперь на стойбище вновь кипела полноценная жизнь.

Несмотря на весьма почтенный возраст «молодых», люди звали их Дуся и Серёга. Хотя у Серёги и возраст-то совсем ещё не стариковский: она его старше на целых девятнадцать лет. Жизнь наложила на него, правда, суровый отпечаток, по виду-то, может, и вровень будут теперь.

Вдалеке послышался шум снегохода. Это Серёга возвращался из леса. Семь дней его не было на стойбище, и Евдокия в первый же день хотела нагрузить его всеми накопившимися за неделю делами. Ляпа учуяла приближавшегося хозяина и весело рванулась навстречу снегоходу.

Серёга остановил «Буран» точно возле толстой чурки с топором и начал развязывать толстую верёвку, которая поддерживала наваленные на сани сосновые стволы.

– Соскучилась? – приласкал он прыгающую вокруг нарт собаку. – Ждала меня? От избы, накинув на плечи сак, не торопясь, приближалась Евдокия.
– Зачем столько нагрузил?
– Хотел за один раз съездить. Туда ехал, сильно проваливался.
– Раз тяжело было ехать, зачем столько нагрузил? Видишь, снег мягкий, проваливаешься. «Буран» старенький! Да оленей надо со старого пастбища перегнать, они домой уже несколько дней вообще не приходят. Там, где старый трактор лежит, они себе пастбище сделали.
Кисы подтяни! Чего поясок не подвязываешь? Какую работу делаешь – надо хорошо подпоясываться, подвязываться везде...

Евдокия, то ли оттого, что в доме после многолетнего одиночества снова была не одна, то ли просто по стариковской привычке, бурчала, почти не переставая. Серёга лишь изредка отвечал односложно, и получался вроде бы диалог.

– Сейчас по другой дороге езжай, чтобы олени не свернули. Все разбрелись в разные стороны, никто домой не идёт. Я их сама пыталась загнать, но они развернулись и в другую сторону пошли. Пораньше бы приехал, а то я пешком моталась, то туда проваливалась, то сюда проваливалась...

Продолжая бурчать, она неторопливо пошла к дому, а Серёга одним рывком завёл снегоход и вновь направил его в сторону леса. На самом деле он был рад, что вернулся домой, к теплу очага, его ничуть не смущало ни вечное бурчание старухи, ни её упрёки, и уж, тем более, разом наваленный недельный груз работы. Серёга безропотно мотался то туда, то сюда... Бытовые дела потихоньку отодвигались в сторону, мысли были совсем не об этом...

Скоро, совсем скоро он, наконец, привезёт ту берёзу, которую присмотрел ещё с лета. Сегодня он начнёт делать бубен.

Первый свой бубен Серёга смастерил, когда ему было 9 лет. Дед был большой специалист по этому делу. Он и приучил рано осиротевшего мальчишку к музыкальным инструментам. Впрочем, маленького Серёгу дед старался учить всему, чтобы тот по жизни помощи у других не просил, своим умом справлялся. Раньше-то многие мастерить умели. Теперь старики померли, а молодые, как по посёлкам разбежались, так не до мастерства им теперь, совсем от лесной жизни отвыкли. Только и ждут от нефтяников лёгкой подачки-компенсации, да как бы эту подачку половчее вытянуть. В посёлке безработным-то легче ходить. А хороший бубен сделать нелегко.

Теперь во всей округе только он, пожалуй, и делает бубны. Да и то, больше на продажу, для музеев, да для туристов. Заказы на инструмент приходят даже из-за границы, так и разлетаются Серёгины бубны по всему миру. Приятно Серёге от таких мыслей. Заработок, опять же, какой-никакой...

Хорошая берёза попалась, не ошибся мастер, хороший звук будет у этого бубна. Евдокия жила по старинке. Полотенца держала из осинового стружки, шкуры, чтобы, по приметам, стаду оленьему убытка не нанести, шила оленьими жилами. На дворе не то чтобы век – тысячелетие сменилось, а она в строгости блюла все обычаи и традиции леса.

Она никогда не сидела без дела, всегда находила себе работу. Трудилась всю жизнь, много и честно. И на белку охотилась, и на медведя ходила, а уж за оленями вообще с малых лет смотреть приучена. «На бисер», правда, не сидела. Всю жизнь «на шкуру» сидела, на оленью, на лисью.

Тяжёлое время было, когда молодая была. Был большой план, государству надо было много сдавать, а мужики пьянствовали. Надо было успевать и на план, и на семью. Это сейчас Дуся пьяных не терпит. А в прежние времена приходилось терпеть.

В первый раз Дуся вышла замуж в 17 лет. 16 лет с мужем Никитой прожила. Никита – это один из братьев Русскиных, которые жили на месте нынешней деревни Русскинской. В их честь и назвали. «Раньше Русскиных много было. Сейчас мало совсем...» Однако, тяжело было. Никита тогда, в основном, пастухом в колхозе работал. За хорошую работу ему даже оленя подарили. Это сейчас у неё стадо одно из самых больших в округе, а тогда, в пятьдесят шестом, было у них в стаде шесть голов.

Народила своему первому мужу троих детей: Митю, Римму, Свету.

Потом, когда умер Никита, один год без мужа Дуся жила. Затем вышла замуж за Костю. Он был моложе Дуси на 11 лет. У Кости были олени. Вот за 15 совместных лет жизни и нарастили они это стадо. И Костя сказал: «Кто первый умрёт, второму всё стадо достанется».

Однажды сидели они за столом, и принялась Дуся ругать Костю. И был там человек, сказал ей: «Не ругай уже его, ему и так недолго жить осталось». Был тот человек шаман, а через несколько дней Костя умер. Теперь вот самой приходят сны, что недолго ей жить осталось.

От Кости у Евдокии детей не было, а Никитины дети выросли, разъехались кто куда. Вроде, нормально живут. Как угожья нарезать стали, на землю переехали, к Дусе сын Митя вернулся. Стали вместе жить. А как Дуся себе мужа привезла на стойбище, сын-то и обиделся, не захотел делить хозяйство с другим человеком, уехал. Теперь по соседству живёт. А она двадцать лет уж в этой избушке. Последние четыре года – с Серёгой.

Нынче у Евдокии праздник: едет получать «первый состав» от нефтяников. Так прозвали ханты промеж собой набор, который выдают за то, что на их земле работают. Раньше сын Митя всё от нефтяников получал, сейчас разделились, теперь она самостоятельно в списке стоит. Выдадут ей на днях всё, что положено: продукты, сапоги, новенькую бензопилу «Дружба», и даже электростанцию. Конечно, это праздник. Считай, всю зиму без света присидели.

Никогда не приезжай в гости с пустыми руками. Обязательно возьми что-то для хозяев.

Никогда не начинай разговор с порога. Дай себе любую возможность оглядеться, за исключением случаев, когда хозяин сам проявит интерес сразу же после твоего прибытия.

Самое главное, чтобы хозяева чувствовали, что ты приехал с определённым багажом знаний о них, об их реке, о родовом угожье...

Не забудь рассказать о себе: кто ты, зачем приехал.

Получив от хозяев подарок, сделай отдарок. Не обязательно хозяину или хозяйке, а любому члену семьи.

В первый день ты – гость, ничего не делай, но присматривайся к стойбищу, к хозяевам.

Старайся не доставлять забот хозяевам своим присутствием. Цени заботы хозяев.

Определяй своё поведение, наблюдая за поведением своих хозяев и их ответной реакцией.

| Этика поведения на стойбище |

Не употребляй ежеминутно слово «спасибо», которое от частого употребления теряет ценность.

Соблюдай правила поведения мужчины и женщины на стойбище.

Если не знаешь, как поступить, если ты мужчина – то спроси у мужчины, если женщина – у женщины старше тебя.

Никогда не целуй человека старше тебя. Оставь за ним эту инициативу.

Не позволяй целовать себя младшему по возрасту, кроме маленьких детей.

Научись всегда разворачиваться по ходу солнца: вокруг своей оси, вокруг любого объекта и объектов, пешком или на транспорте.

Научись информацию от хозяев читать между строк, между слов, между жестами, мимикой, намёками.

В случае нежелания хозяев говорить о запретных темах, не пикируй с разных сторон, не ловчи, иначе эта тема закроется для тебя навсегда.

| Этика поведения на стойбище |

А зимой работы много, приходилось и в пять утра вставать. А уж пристроить подарки от нефтяников она в своём хозяйстве сумеет...

Дверь со скрипом распахнулась, в избу вошёл мастер. Он уже ловко обстрогал топором половину берёзового ствола и теперь собрался подсушить самодельную доску.

– Печку подтопи, – бросил он Евдокии, – сейчас греть буду.

– Печь плохо нагревается. Дрова, что ли, сырые, плохо горят... И котелок не кипит у меня что-то... – Дуся с готовностью вступила в беседу, которой в недалёком будущем суждено было превратиться в длительный монолог.

– Осторожно нагревай, не сломай, – контролировала она Серёгу.

Нагрев доску, Серёга встал и, наступив ногой на один конец, стал сгибать доску в обруч.

– Что-то у тебя ободок маленький получается. Ну что поделаешь, какой есть, такой есть.

Мастер снял с полки оленью шкуру и начал обрезать её по ободу будущего бубна.

– Шкура у тебя тонкая очень, не порвётся ли? Подальше отрезай! Семён бубен гвоздями делает. Это не работа. Гвоздями – это что, ценность имеет, что ли? Если вещь делать, так надо по уму. Колотушку бы тебе надо ещё сегодня сделать.

Если бы раньше вмешался кто в процесс подготовки бубна, ох и осерчал бы Серёга! Даже близко бы не подпустил, тем более – бабу. Но времена сейчас не те, да и хозяйка в доме всё же она, Евдокия...

– На вот, пройди дырочки мелким швом, – протянул Серёга ей обрезанный кусок шкуры.

– Похоже, острым ножом порезано. Сразу видно, не я шкуру снимала. Моё никогда не продырявится. Тому, кто заказал, ты хоть скажи, что здесь прошито. Кто шкуру снимал? Митя? Не умеет, что ли, шкуру снимать?

Дима Русскин, или Митя, как называла его мать, был из «новых хантов». Он, как и все его сверстники, быстро смекнул, какую пользу можно поиметь с объявившихся в округе недропользователей и как можно без особого труда доить нефтяную корову. Лет пятнадцать назад, когда в их местах началось освоение, и мудрые хантыйские головы придумали эти самые нефтяные компенсации, Диме было около тридцати. Была у него вторая жена, Зоя, и маленький сын Толик.

Позже, когда на стойбище появился Серёга, Митя съехал, и сейчас строил всякие козни матери, чтобы прогнала своего сожителя. Евдокия пока Серёгу терпела. Какая-никакая, а польза всё же в хозяйстве есть.

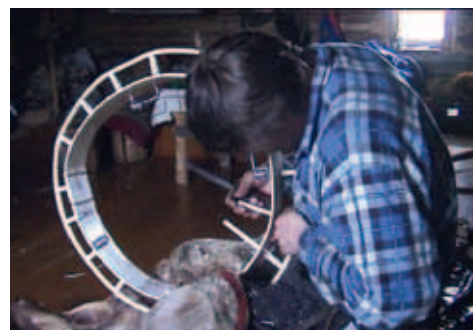
Серёга считался в округе знатным артистом. Когда это началось? Однажды прилетели начальники на вертолёте, говорят: «Пой что-нибудь, играй». Серёга и сыграл. «Надо, – говорят, – тебе в Ижевск съездить». Съездил. Потом в Ханты-Мансийск повезли. Первый раз ой как стыдно было перед народом выступать. Это сейчас привык. Так и начали таскать по концертам. Сперва платили хорошо. А потом один раз даже поесть не на что было, Серёга и перестал ездить. Устроился в Русскинской в фольклорно-этнографический ансамбль, исполнял роль шамана. А в деревне что

делать? Сильно пить стал. Жили бедно очень. Ни кушать нечего, ни одеть нечего. Про свою жизнь не думали, только что пропить.

Так и угодил в тюрьму. Однажды утром после пьянки проснулся, а у него милиция из-за пазухи тряпицу тянет. В тряпице нож окровавленный, а в соседней комнате Агафья без головы лежит. Шуму в деревне тогда много было. Многие не поверили, что это он тогда старуху зарезал. Следствие долго шло. Увезли Серёгу в тобольскую пересылку. Уголовники в камере прикончить грозились. «Живым, – говорят, – не выйдешь отсюда». Адвокату всей деревней деньги собирали, чтобы Серёгу вызволил. Да и так доказательств не было. Мог бы там сгинуть. Сильно туберкулёз доставал. Но, видно, Бог миловал, берёг для чего-то Серёгу. Через два года вышел он из тюрьмы, правда, уже почти и не живой. Вернулся к себе в деревню, а там уж ни кола, ни двора. Жена попала под машину за месяц до его выхода из тюрьмы, дом сгорел, в общем, пустой совсем стал Серёга. Тут его Дуся и высмотрела. Высватала через знакомых, привезла к себе, ей как раз «на транспорт» человек нужен был. Самой тяжело стало с «Бураном» управляться, как-никак шестьдесят четыре года уже.

Серёга приехал в валенках. У хантов если человек в валенках ходит – за последней чертой бедности, значит. Ни у кого такой тяжёлой судьбы не было. Чтобы не было стыдно перед родственниками, выменяла Дуся редкой красоты бисерное украшение ему на кисы. Одеда, обула Серёгу, отогрелся он у Дуси в избушке. А как стал снова попивать, пригрозила: или иди кодируйся, или прогоню. Подумал Серёга, да и закодировался – вроде как у русского шамана побывал. Так теперь и живут. Сейчас времена изменились, снова стали Серёгу звать на концерты да в командировки, но у Дуси на этот счёт своё мнение: несерьёзно это всё, как будто в игрушки Серёга играет, а на дворе – работы невпроворот. За оленями надо постоянно смотреть, стадо должно чувствовать руку хозяина. Жалко Дусе: такое стадо вырастила! А не будешь за ними ухаживать – и стада не будет, да и жизни не будет.

Дуся вытащила из старого чемодана лисью шкуру и начала её выделывать. Эту лису она, пожалуй, подарит снохе. Дуся знает: если что-то уйдёт в подарок гостю, то в доме хозяина обязательно будет прибыль. А между тем мысли её тоже потихоньку уходили в прошлое. На Серёгино искусство мастерить она смотрела по-своему: будет много делать бубнов – заработает грамоты, почёт, будет у него большая пенсия, а то неизвестно, что там впереди. Она-то от нефтяников пособие получает, а Серёга – нет. Как к Дусе переехал, теперь считается, что он без своей земли, не за что ему пособие давать. Так и живут на одну Дусину подачку, да вот бубны выручают. Серёга же экономическое соглашение с нефтяниками на разработку своей земли подписать отказался, да ещё и в морду заехал одному нефтяному начальнику. Теперь могут совсем исключить из родовых угодий, не дадут состава. Ну, да они и так проживут, вон, руки-то есть. Серёга злой на нефтяников, и другой бы раз в морду дал, но Дуся его каж-

В 2005 году в московском журнале «Телецентр» критик Марина Топаз поместила обзорную статью о работах, ставших номинантами телевизионного фестиваля «Тэффи-регион-2004». Среди прочих, написала она и о фильме «Мастер и Евдокия», претендовавшем на главный приз в просветительской номинации: «Мастер и Евдокия» («СургутИнформ – ТВ») – документальный сюжет об изготовлении мастером шаманского бубна. Рассказ, вроде, бесхитростный, а почему-то получилась – искусство. Получился эпос. Что-то подобное тому, как ладил пирогу индеец Гайавата в поэме Лонгфелло. Хотя, вроде бы, фильм полон будничных деталей, и верная жена мастера, Евдокия, ворчит, что у того штаны все в стружке: «тебя же фотографируют» (точная реплика, напоминающая о документальной природе этой работы)...

| В ожидании «Орфея» |

дый раз останавливает: нельзя, что ли, мирно жить? Пусть другие воюют-поднимаются, а чё Серёга-то? В старое время вон казымские люди воевали, и то не победили.

Дуся ни с кем не хочет спорить. Раз пришло время нефть искать, что им скажешь? В этот день Дуся живая, а завтра, может, умрёт. Зачем она будет свою землю защищать? С собой же она её не заберёт. Не своей же тяжестью купила её. Надо ко всем относиться хорошо, те тоже добром ответят.

Дуся то и дело подсакивала к плите, там постоянно что-то варилось: то для оленей, то для собак... Да и людская еда в доме всегда должна быть, вдруг гости приедут? Гостей на стойбище ждут всегда, выглядывая то на дорогу, то в небо: не летит ли вертолёт. Нынче гости запросто могут и с неба свалиться.

Сейчас не пьёт Серёга, так всем нужен: то туда зовут, то сюда. А как пьяный был – никому не нужен, всем мешал, шатался по деревне как беспризорник. Нынче много хантов стало кодироваться. Кто жить хочет – тот кодируется. Вот Серёга – трезвый – всё сделает: и за дровами, и за оленями, и в город, если надо по делам.

Весной ещё больше работы: к лету готовиться, дров наготовить, оленям для дымокура... Пока дерево мёрзлое, надо заготовить себе и матери несколько мешков «хантыйского полотенца», мягких осиновых стружек, которыми пользовались ханты с давних времён, которые и сейчас в ходу в старых хантыйских семьях.

Ещё надо выделать оленьи лапы, чтобы успеть развесить их к дымокуру. А ещё перетасать доски к летнему стойбищу, – этим летом Серёга, наконец, поставит новый лабаз. Опять же, в апреле снег твёрдым станет, наст появится, олени далеко будут от дома уходить, сколько за ними побегать придётся. В мае оленят начнут приносить, тоже забот полон рот...

На стойбище, в лесу, можно прожить только командой, действуя как единый слаженный механизм. Все работы выполняются только по договорённости, вместе, сообща. Снег с крыши убирать – вместе, оленей гнать – вместе, двор-хозяйство убирать – вместе. Сейчас, пока на улице пасмурно и нет срочных дел, они вместе сидят в избе, Серёга за бубном, Дуся – за шитьём. Пока рукодельничают, переговорают обо всём: о стаде, о детях, знакомых, у кого что произошло, и как дела идут в посёлке. Больше говорит, конечно, Дуся. Серёга много новостей нынче привёз, всё надо обсудить. Переберёт Дуся всё, а Серёга молчит-молчит, да потом и спросит: «Откуда у тебя столько слов берётся?» – «Долго одна жила, молчала долго». Радует Дуся сейчас, что поговорить есть с кем.

Новое утро было солнечным. По углам избы всю плакали сосульки, и Дуся, предчувствуя и в глубине души призывая первый весенний дождь, затеяла уборку снега. Загнав Серёгу на крышу, она деловито указывала, откуда и куда сбрасывать снег, куда скидывать утварь... Пока не начало таять – снег надо убирать почаще и с крыши, и вокруг дома. Бог сверху смотрит и думает: почему изба под снегом?

Они что, покойники там? И предупреждает: или работайте, или накажут вас либо плохой охотой, либо неудачной рыбалкой.

Затем Дусе срочно понадобилось отправить Серёгу посмотреть, далеко ли ушли за ночь олени. В общем, вернулся к своей работе он лишь после обеда.

Родом Серёга из деревни Кочевой, что в Сургутском районе. Про это место много баек ходит. Там уже давно никто не живёт, место гиблое считается. Люди там пропадают. А живут там, по местным поверьям, маячки, покойники. Они по ночам живым как огоньки светят. Иосиф зять приезжал, рассказывал: раньше-то маячки-покойники на оленях ездили, а нынче на «Буранах» разъезжают. Мол, сидит он однажды в избе, вечерует, а вдалеке шум «Бурана» слышится. Жене, Свете, говорит: на стол накрывай, гости едут (не может у хантов так быть, чтобы мимо ехали и на чай в гости не завернули). Сам встречать вышел. Раз вышел, другой – нет гостей, не едут. А снегоход шумит. Наутро пошёл след посмотреть, а там, где «Буран» ехал, следа и нет никакого.

Маячки света боятся, и днём никогда не показываются. А показываются они тому, кому жить недолго осталось, у кого жизнь заканчивается. Предупреждают как бы. Серёга маячек пока не видел, значит, долго ещё проживёт.

В первый же год маячка может забрать всё своё хозяйство: оленей, родственников, дом. Повлиять на них никак нельзя. Ни припугнуть, ни бубном отогнать. Они ничего не боятся. Того, кто в них не верит, наказать могут. Показываются, чтобы поверили. Олени, оставшиеся от умершего, по тайге разбрелись-потерялись – считай, маячка с собой забрал, скучно ему там, в своём новом доме, без оленей. Родственники утопли, дом сгорел – считай, тоже его работа.

Против маячек спички надо на груди носить, тогда они знают, что человека защищает огонь, и оставят его в покое. А ещё, если ночью в таком окаянном месте оказался, где живут маячки, надо на могиле заночевать, тогда вокруг хоть шабаш будет – тебя не тронут. А так запросто пропасть можешь. Вот так в лесу жить. А как без веры-то своей, древней?

А ещё Большой человек в округе ходит. Русские его снежным человеком зовут. Люди говорят, видели его и на Ляме, и в верховьях Тром-Агана. Не самого, конечно, следы только. Но старики с уверенностью могут рассказать, куда он ночевать ходит, как мясо оленей в шкуры заворачивает, по каким тропам проходил. А если близко подойдёшь – исчезает у тебя на глазах. Серёга тоже видел, тоже рассказать может. Только не станет. Ни к чему это.

Дед Серёгин шаманом был, с малых лет за собой таскал. Отец тоже был шаман. Но отца Серёга почти не помнит. Тот заболел, когда Серёга был ещё совсем мал, да вскоре и умер.

Дед лечил людей. Хотел и внуку искусство то передать. Но лечить людей Серёге не нравилось, а может, просто мал был ещё. На это искусство деда Серёга смотрел сквозь пальцы, а потому сейчас сам врачевать не может. Но хорошо помнит, как однажды дед вылечил ослепшего родича. Он вроде как снял с глаза катаракту, и тот стал видеть, как молодой. Сейчас такие операции делают в специальных клиниках. А ещё по рассказам деда помнит Серёга, как прапрадед его (тоже, однако, шаманом был) вылечил однажды охотника, в которого попала стрела. Сначала старый шаман выдернул стрелу, а затем принялся стучать в бубен, и стучал до тех пор, пока больной не встал и не принёс ему воды. И был уже совсем к тому времени здоров. А на родовом месте до сих пор висит прапрадедов огромный, размером с целого оленя, бубен. Последние три года своей жизни дед всем говорил: «Долго жить не буду». Однажды летом сказал: «Этой зимой жить не буду». Старый шаман видел свой конец, потому так и говорил.

Было это осенью 1977 года. Серёге в ту пору было 14 лет. Тогда в лесу многие ещё жили, зверя много было. Можно было с соседями договориться, и на всю зиму на охоту пойти. Ещё нормально жили. Это сейчас на озеро за уткой, за клюквой пойдёшь, а там народу – как в парке культуры и отдыха.

Позже, когда начались нефтяные разработки и лесная жизнь стала рушиться, Серёга ушёл в посёлок, принялся бичевать. И так маялся почти двадцать лет. Только здесь, в лесу, на Дусином стойбище, он вновь зажил нормальной человеческой жизнью. Тут и навыки все дедовские вспомнились.

Бубен был неровный, угловатый, кое-где проглядывали остатки оленьей шерсти. Кожа местами была матовой, местами прозрачной. Словом, бубен получился дикий. От него веяло далёкими веками, глухой тайгой, жизнью предков, какой-то грозной неведомой силой, и звук он издавал такой же, пробиравший до глубины души.

В руках мастера бубен то нашёптывал что-то, то грохотал, как небесный гром, взрывааясь каскадом или затихая на миг, чтобы с новой силой обрушиться на окружающую тишину.

Это был большой шаманский бубен, царь всех бубнов. И звук его, царь всех звуков, был самым сильным, самым могучим и властным. Мастер смотрел на бубен и думал. Нет, мастер совсем не боялся остаться без работы. Он думал о другом. Не исчезнет ли вместе с самобытностью бубна вся их спокойная лесная жизнь...

Дуся же думала о своём. На следующее утро надо было собирать Серёгу в посёлок, везти бубен заказчику, а на вырученные деньги он купит муки, сахара...

*Сегодня фильм «Мастер и Евдокия»
переведён на четыре языка,
и по-прежнему актуален. А мы с Сергеем
Васильевичем Кечимовым собираемся
снимать продолжение, очень уж с тех пор
изменились и его жизнь, и само время.*

**ЛИЧНАЯ ПЕСНЯ
СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КЕЧИМОВА
(Мастера)**

*Я рождён женщиной,
прожившей у маленькой речки.
Всё у нас было: и посуда, и утварь...
Бегал я босиком по белоснежному ягелю
вместе с братьями,
и был я счастлив.*

*Но потом я запил,
и всё пошло кувырком.
Закончилась моя хорошая жизнь.*

*Однажды встретил я
одинокую женщину Русскину,
дочь Ивана.
На все руки она мастерица:
и бисером шьёт, и оленьими жилами...
Но и я не промах:
нет мне равных в резьбе по дереву.
Не ударю лицом в грязь!
Не посямлю родной матери!*

**| Перевод с хантыйского
А.С. Песиковой |**

Огни большого города

| История Сергея Рускина |

| Фото Борис Полозков |

Сергей Рускин – симпатичный парень приятной наружности. Молодой, и, как говорится, в самом расцвете сил и творческих возможностей. А они у него весьма неплохие: Сергей – артист. С национальным ансамблем исполнителей хантыйского фольклора проехал по многим не то что городам и весям, – республикам и даже странам. Не обходятся без него и сургутские праздники. Здесь он исполняет роль шамана, поёт народные песни на хантыйском языке. А голос у него – и впрямь заслушаешься. То сильный и уверенный, то мягкий, грустный. То ли оттого, что язык хантыйский в песне тягуч да напевен, то ли оттого, что помнится ещё таёжное житьё...

В городе Сергей живёт всего четыре года, но считает себя вполне городским. Как многие, ходит купаться на ГРЭС, любит прогулки на речной вокзал, в парк на Сайме, на карусели... Своим гостям предпочитает показывать старый краеведческий музей, а также этнографический уголок – «Старый Сургут».

Этот год для Сергея богат на события. Летом, в качестве поощрения за активное участие в общественной жизни, он ездил отдыхать в Венгрию. А совсем недавно поступил в Санкт-Петербургский государственный университет имени Герцена, будет изучать сложную, но очень необходимую в наших краях науку – этнокультурологию. Среди обязательных предметов в этой специальности – декоративно-прикладное искусство и театральнo-сценическая постановка. Именно этим Сергей и займётся по окончании вуза. Будет воспроизводить национальные танцы, постановки, сцены, легенды, мифы на профессиональной основе. В поступлении способствовала льгота, полагающаяся ему как жителю коренной национальности. Это, пожалуй, единственная льгота для ханты, живущего в городских условиях.

Совсем недавно Сергей стал работать в городском отделении ассоциации «Спасение Югры», мастером производственного обучения. Занимается с молодёжью, ездит на семинары, в командировки...

Казалось бы, такой благополучно складывающейся судьбе можно только позавидовать и пожелать подобной каждому коренному жителю, оказавшемуся в городских условиях. Но в песне, которую чаще других исполняет Серёжа на городских праздниках, есть такие слова:

Вон, смотри, священное озеро! Вон святилища, священные места!

После моего ухода река Мак зарастёт тиной, зарастёт землёй.

Детей троих заберу с собой, уйду с этих мест святых.

В этой реке больше ты не будешь добывать рыбу сачками...

Такое настроение царит не только в Серёжиной песне. Вся культура народа ханты последних десятилетий отмечена уходом, исчезновением.

И вроде бы обустроенная Серёжина жизнь может разрушиться в любой момент. Потому что его персональная удача складывалась благодаря огромной и безвозмездной поддержке его крёстной мамы – Людмилы Егоровны Добрыниной.

Самым острым вопросом является отсутствие порядка определения национальной принадлежности. Для того, чтобы воспользоваться большинством прав и преференций, гарантированных коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, необходимо документально подтвердить свою национальную принадлежность к коренным малочисленным народам. При этом, как вы знаете, графа «национальность» в паспорте отменена.

| Из интервью с Григорием Ледковым, президентом Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ Журнал «Мир коренных народов» 2014 год |

Серёжа – ханты, коренной житель этих мест. Правда, в новом паспорте это уже не значится. Стоит там просто не свойственная русским фамилия – Рускин. Древняя, красивая фамилия. Но в городе она никому ни о чём уже не говорит. – *Всё это «благополучие» может разрушиться в любой момент*, – рассказывает директор городского отделения Ассоциации «Спасение Югры» Людмила Егоровна Добрынина. – *Вот устроила его в нашу ассоциацию, теперь и сам при деле, и молодых мастерству будет обучать. А он многое знает и умеет, даром что давно уже в лесу не живёт. Но у нас в Сургуте на сегодняшний день такой молодёжи около восьмидесяти человек, да подростков до 14-ти лет столько же. Всех-то я не обогрею, как солнышко. А ханты в городе – самая социально незащищённая категория. Район от них отказался, а здесь они тоже никому не нужны, своих хватает.*

В общую очередь на жильё коренных жителей никто ставить не торопится (по статистике, городские ханты получают квартиры в Сургуте раз в 15 лет). В устройстве на работу тоже для них особого выбора нет. Вот Серёжа, например, долгое время жил там же, где работал, – в помещении городского отделения ассоциации «Спасение Югры». А по будням он подметает городские улицы в качестве дворника. Город не готов предоставить ему и таким как он ни жилья, ни работы, ни социального статуса.

Пока ханты в городе востребованы лишь как представители традиционной культуры этих мест, артисты, одним словом. Ни один праздник без них не обходится. Но культура истинная, самобытная, хороша и красива там, где она органична, – в лесу. А на городской концертной сцене она тускнеет, становится невыразительной. У ханты много песен, но мало танцев, а уж тем более быстрых, темпераментных. Зритель же хочет не только красивых костюмов, он жаждет экзотического зрелища. Хранить истинную культуру только для себя или нести её в массы, порой изменяя до неузнаваемости и мотивируя при этом современной необходимостью? – вот где конфликт. А если по-другому – то как?

– Культура наша всё равно будет изменяться, осовремениваться, от этого никуда не денешься. А вот как приобрести новое, не растеряв старого? Декоративно-прикладное искусство и театрально-сценическая постановка – именно этим Сергей и будет заниматься по окончании вуза. Будет воспроизводить наши танцы, постановки, сцены, легенды... – перечисляет Людмила Егоровна. А мне думается: если быт и неустроенность его не съедят.

Несмотря на молодость, Сергей хорошо знает язык, обычаи, традиции, очень многое умеет, с ним даже взрослые советуются. И в лесу-то вроде недолго жил, а всё помнит. Это на уровне генной памяти, наверно. И вправду, когда Сергей рассказывал мне о своём детстве, я удивлялась, насколько хорошо он его помнит.

От первого брака было у матери пятеро детей. Серёжа появился на свет через десять лет после трагической гибели её первого мужа. Это было 7 января, в рождественские морозы, в избушке на стойбище. Его родной отец был довольно грамотный («восемь классов закончил!»), в армии служил в Ишиме. Затем отучился на моториста, летом плавал на водомёте Сургут – Старый Тром-Аган – Русскинская. Зимой жили в тайге, на реке Лимпас. Нефтяники были где-то рядом, чувствовалось уже их присутствие. Но недолгие годы жизни на стойбище, не тронутые ничем, всё-таки будут, и этот временной отрезок свяжет Сергея Русскина с его корнями на всю оставшуюся жизнь.

Дальше – школа-интернат, сооружение гидронамыва на бору, где находилось летнее стойбище («искусственное озеро плескалось буквально в ста метрах от избушки»)...

Отец пытался жаловаться в суд с требованием возместить ущерб, но единственное, что вытребовал, – помощь с автотранспортом для переезда на Тром-Аган (о компенсационных соглашениях с нефтяниками тогда ещё только начинали говорить). Через пару лет после переезда отец утонул. И это тоже очень хорошо помнит Серёжа:

– Это было ранней весной. Я только что приехал из интерната, переночевал одну ночь на стойбище, а на следующее утро отец поехал делать мне долблёнку для обласа. Я просился с ним, но мать не отпустила. По льду было идти удобней,

но и опасней. Отец провалился. Когда через четыре дня он не вернулся на стойбище, его пошли искать. В полынье нашли шапку и рукавицу. Мне было в то время 14 лет. А через три года река забрала и мать.

Беда совпала с окончанием школы-девятилетки. Стойбище пришлось покинуть, Сергей стал жить в Русскинской, под опекой старшего брата Толика. Детство закончилось. Здесь же он нашёл и первую работу – смотрителя музея. К этому времени Сергей уже не один год принимал участие в деятельности ансамбля «Вонтнэ» при деревенском центре национальной культуры. Через некоторое время из смотрителей его и перевели в «артисты» (кстати, до этого должность «артиста» здесь занимал Сергей Васильевич Кечимов). Одна за другой начались командировки, концерты... А в 1998 году работавшая там же, в «Вонтнэ», родственница, знатная мастерица национальных изделий Зоя Русскина устроилась на работу в такой же центр в Сургуте. Позвала за собой и Серёжу.

Огни большого города тянули к себе красотой, загадочностью и большими перспективами, а обернулись скитанием по чужим углам, безденежьем и безработицей. Растерянность, беспомощность и одиночество встретили в городе молодого хантыйского парня-сироту. И кто знает, как сложилась бы его судьба, если бы не та самая крёстная мама, Людмила Егоровна:

– Был такой период, когда Серёжа «пропал». Я очень боялась, как бы не спился. Сейчас ведь сколько молодёжи хантыйской помотается-помотается неприкаянно, да в бутылку, а там и пропал человек. Тут мы как раз организовали на Тром-Агане летний детский этнографический лагерь «Орт-Ики», туда и пристроили Сергея, мастером производственного обучения. Потом я уже не выпускала из поля зрения. А одного мальчишку вот не углядела – теперь в колонию попал. Здесь в городе за ними в первую очередь глаз да глаз нужен. Вообще, я считаю, что молодёжи нужно больше дел доверять. Когда у человека есть ответственность за что-то, у него не остаётся времени на шалости и безделье. А Сергей, тот и сам страшно хватается за жизнь. Кто бы столько без квартиры по углам скитался, дворником в полшестого вставал! Очень я на него надеюсь. И сам окрепнет, и молодых вокруг себя соберёт, научит уверенно на земле стоять...

Одно время мечтал Сергей устроиться на работу в «Сургутнефтегаз». Всё-таки работать у нефтяников и престижно, и денежно. Да и с будущим всё в порядке. Надёжно, одним словом. В Сургутском учебно-курсовом комбинате выучился Сергей на стропальщика. Затем сам оплатил ещё одно обучение – по специальности «пользователь ПЭВМ». Но, видно, не судьба у нефтяников поработать. А может, оно и к лучшему.

Сам Сергей планирует своё будущее скромно, но практично:

– Первое – получить жильё. В посёлках все лесные получают квартиры по экономическим соглашениям. Пока просто приезжают временно останавливаться, но потом, вполне вероятно, это будет их постоянное место жительства, хотя они того или не хотят. В городе эта проблема стоит намного острее. Может быть, когда-нибудь удастся решить мой вопрос в частном порядке, через депутатов окружной Думы. Второе – создать семью. Ну, и работать, помогать другим людям, которые нуждаются в решении тех же проблем, через которые проходил я, чтобы им было хоть немного легче.

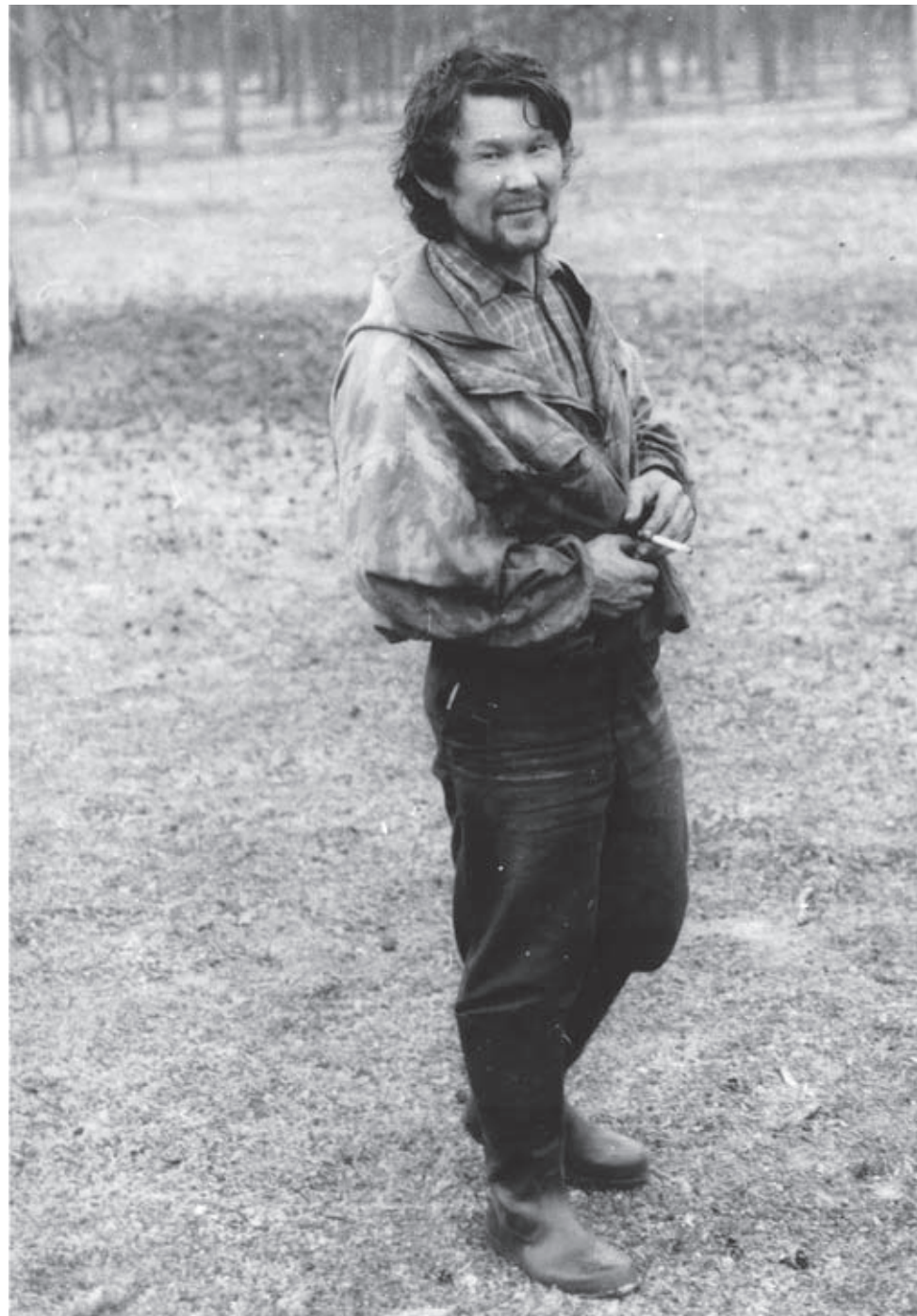
В свои двадцать пять Сергей твёрдо знает, что безвыходных положений не бывает, и надеется на лучшее. Верит, что всего можно добиться своими силами.

А я вспоминаю наш разговор с одним знакомым, но уже по другому поводу. Ведь не зря же, говорил он, на гербе округа национальная символика. За счёт этих людей округ процветает. А их не так уж и много, на самом-то деле.

Прошло десять лет. Мы вновь встретились с Серёжей. Теперь он живёт в лесу, на стойбище. У него собственные родовые угодья, и он получает полноценные дотации от нефтяников. В счёт субсидий, выделяемых коренным жителям, ему даже удалось приобрести однокомнатную квартиру в Когалыме. Но учёбу в университете он так и не закончил, не смог собрать необходимых документов. И, как мне показалось при встрече, он, кажется, не знает, что делать с собственной землёй, о которой когда-то так мечтал...

Идеальная модель

| История Егора Кантерова |

| Фото из семейного архива |

С Егором Александровичем Кантеровым я познакомилась в 2002 году. К тому времени, как наша съёмочная группа прилетела на буровую, он уже более трёх лет работал сторожем в Управлении поисково-разведочных работ, охранял эти самые буровые на разведочных скважинах «Сургутнефтегаза». Кантеров был одним из первых, кто пошёл на службу к нефтяникам. На его родовых угодьях расположены 4 нефтяных объекта, земли родственников также находились под промышленным освоением.

Без малого пятьдесят лет ходил старый охотник по этой земле. Здесь родился, здесь помогал отцу ухаживать за оленями и замирал под звуки бубна во время проведения священных обрядов. Обходя родные места, Егор Александрович постоянно наткался на то, что было когда-то борами и ягельниками, местами отёла или оленьими тропами. Тем не менее, он и тогда умудрялся вести традиционный образ жизни: держал, правда, немного, оленей, ловил и продавал рыбу, собирал ягоду. Помню, как из вертолёта, на котором мы облетали вверенное ему хозяйство нефтяников, он показывал нам, где отсыпали в это время место под новую буровую: «она будет стоять прямо на месте нашего оленьего кораля».

Сценарий и сохранённые черновики помогают восстановить нашу встречу:

– Лет где-то, наверно, 15 назад глухарей тут очень много было, – вспоминал Егор Александрович. – И когда вот это всё – и дороги, и нефтепроводы – сделали, тогда уже... глухари почти исчезли. Если и найдёшь в лесу, так это как экспонат какой-то музейный. Зато в количестве немалом оставлено было Егору Александровичу другое «богатство»: трубы и прочие железяки от проходивших геологов.

Бассейн реки Пим в Сургутском районе, место, где сейчас расположен город Лянтор, – это тяжёлая площадь и для нефтяников, и для ханты. Именно здесь 40 лет назад началась форсированная нефтедобыча. Борьба – одних за нефть, других за землю. Вернее, борьбы не было, нефть просто брали. Она крайне нужна была государству, всё остальное отступало на задний план. Семью Кантеровых, как и других, поставили перед выбором – или уйти из этих мест, или сесть на прочную шею Большого брата-нефтяника, согласившись на ненадёжные и зачастую не совсем толковые компенсации. Кантеровы не ушли из тайги, старый охотник новую жизнь принял, и старался жить достойно.

– Ханты же, в основном, безработные, – рассказывал Егор Александрович.

Ну, безработные-то, это, скорее, сейчас, по русским меркам, а в былые времена в лесу всегда работы хватало, думаю я.

– Раньше ещё рыбаками-охотниками считались, а щас, в основном, безработные, – подтверждает мою мысль Кантеров.

– И вот мы ставим условие: пока на нашем угодье буровая стоит, – нас принять на работу. Они без никаких проблем нас на работу принимают. Работаю, племянник работает, брат работает...

Дежурил Егор Александрович посменно – полмесяца он посвящал служению нефтедобыче, а другие полмесяца – оставшемуся у него клочку земли и проблемам

родственников: обустроивал территорию для оленей, вывозил на базар в Лянтор рыбу и ягоду, которую собрала в его отсутствие семья, утрясал с нефтяниками замысловатые крючки договорных отношений...

Жили не бедно: сам зарабатывал в месяц по 8-10 тысяч рублей, да семья давала существенный приработок и от сбора ягод, и от ловли рыбы.

Побывали мы, конечно же, и в гостях у Егора Александровича. Удивились, насколько его стойбище, расположенное в лесу, изобилует плодами технического прогресса. Разглядели даже собственную коптилку для рыбы и душ. Всё это, а также машину и мотоцикл для сына Егор приобрел самостоятельно, «за свои».

Егор Кантеров, пожалуй, идеальная модель для нефтяников: такие, как он, приняли необходимость присутствия рядом с собой мощного соседа, приспособились. Правда, будущего своего Егор Александрович не видел, и за безработных соседей тоже, чувствовалось, что сердце болит. Вот и сын Руслан не полетел нынче в интернат, остался помогать по хозяйству. А кто ему потом станет помогать? За разведкой придёт добыча, освоение, этого ханты боялись больше всего.

– Когда они разрешение на буровые просят, – рассказывал мне Егор, – дороги там, они просто, представляют, за нами ходят. Бывает, что неделю ходят, месяцами ходят... А когда уже пробурили, кусты наставили, когда нефть качают, они начинают, это, совсем по-другому к нам относиться. Вот это очень плохо. Они уже... Их не выгнать, ничё, они могут и договор отменить, и ты ничё не сделаешь. У нас защитников почти нету.

Угодья Егора Кантерова и его соседей попали под нефтяной каток гораздо раньше, чем Дума Югры и российские законодатели стали задумываться о правовой базе землепользования. Поэтому в монологах старого охотника прослеживались чаяния тех, чьи земли и судьбы оказались по ту сторону интенсивного законотворчества:

– Щас вон эту, дэнээску, поставили, 5-6 километров мёртвая зона становится. А раньше у нас тут, до нефтяников, аж самолётами рыбу вывозили. Вот мы целую кучу на озеро сложим, и АН-2 тогда летал, самолётом вытаскивали эту рыбу. Я в те времена за зиму 4-5 тонн ловил. Сейчас у меня морды (традиционное приспособление для ловли рыбы, – прим. автора) аж за 40 километров стоят, но больше тонны я уже не ловлю. Нету рыбы.

Прежний образ жизни, хозяйствование ханты – это полная зависимость от природы. С точки зрения восприятия мира – и полное растворение в ней, осознание самих себя как частички окружающей среды. А тут сам принцип нефтедобычи вступает в противоречие с традиционными представлениями о земле, которую нельзя, например, «поранить» острыми предметами.

Природа – это дом, поэтому ко всему, что дает природа, подход должен быть очень бережный, рациональный, – считают ханты. По мере своих сил и возможностей лесной житель Егор Кантеров пытается помочь своему могущественному соседу-недропользователю обустроить это теперь уже их общее жилище.

Бизнес по-хантыйски

История Клима Кантерова

С Климом, младшим сыном Егора Александровича Кантерова, мы познакомились в апреле 2015-го, на слёте оленеводов в Козалыме. Спустя 4 месяца Клим приехал в Сургут, на защиту своего проекта «Хантыйский дворик».

Мне лет двенадцать было, сколько помню, вместе ездили с отцом на буровые, охранять. Я уже тогда понимал, что такое нефтедобыча. Потом отец перестал работать в «Сургутнефтегазе», неинтересно стало, дома сидел, хозяйством занимался. Машина была, в лесу жили, и всё было нормально. Всего хватало и на всё хватало, поэтому перестал работать. Умер он в 2006-м. Мне было 16 лет, в школе уже не учился, потому что надо было содержать семью и стойбище. 4 класса только закончил. Пытался чем-то заниматься, как-то зарабатывать. В 17 лет уже купил себе машину, прицеп большой, стал деньги зарабатывать. Тогда же и женился. С женой познакомились в Лянторе, она в то время училась в Ляминской школе-интернате, ездили через Лянтор, вот и познакомились.

В основном, рыба, ягода... Ездили в деревни Нумто, Карымкары, Леуши, закупали большие партии муксуна, щуки, и продавали уже здесь, в Сургуте. Года два занимался таким бизнесом. Нормально зарабатывал, даже в Крым съездил с семьёй, на море... Ещё одну машину купил, пилораму, доски продавал 2 года. Понял, что невыгодно, объём работы маленький, много леса быстро на ней не напилишь – решил пилораму продать, и купил себе стадо оленей, 26 голов.

Нет, кредиты не брал, потому что нигде официально не работал. Пилораму купил на свои деньги, я даже не помню, откуда у меня эти деньги были. Так-то она недорого, всего 160 тысяч стоила. Я её за 100 тысяч поменял на 3 оленя и денег 40 тысяч.

Чем зарабатывал?

**Но ведь это всё недёшево стоит.
В кредит?**

А остальных 23 оленя у частников в Нумто уже за свои деньги купил.

Привёз оленей к себе, обучил, и всю зиму в Сургуте катал людей на оленьих упряжках. У меня только один, передовой олень, обученный был. Я через него всех остальных обучил. Теперь у меня семь передовых. Там ничего сложного нет для оленевода: запряг да поехал. Сейчас очень многие молодые ребята обучают оленей ездить в упряжке. Я вот в лесу когда нахожусь – даже на снегоходе иногда не езжу, на оленях езжу.

Ещё один большой прицеп купил, в него вмещается 9 оленей. Возили их по 4 упряжки в Сургут тремя прицепами. Один прицеп полностью набиваем мешками с ягелем, осенью собирали. Мешки вместимостью одна тонна, вот за ночь они два мешка съедали. На выходные привезём, а в воскресенье вечером сразу везём на стойбище, они отдыхают. Катали возле крупных торговых центров Ситимолл, Аура, и в Центральном городском парке. В парке с нас за аренду 3 тысячи рублей в день брали, в праздничные дни – 5 тысяч. Но я всё равно в накладе не остался. Стоимость проката 250 рублей с человека.

А почему ты решил купить оленей?

Оленей держать очень интересно и весело. Они постоянно возле дома. И новый туристический бизнес хотелось открыть. С нашей пимской стороны пока никто туризмом не занимается.

Почему ты взял именно столько оленей, ни больше, ни меньше?

Сейчас пока посмотреть надо: как себя поведут на новом месте. Боязно: всё же издавна везли, вдруг уйдут. Осенью ещё голов 20 возьмём. Чтобы если в Сургут снова ехать: один раз одних привезли, в другой раз уже других везём, эти отдыхают.

Несмотря на нефтяное освоение, ягель в ваших местах ещё есть?

Да, хватает ягеля. Прошлым летом построили полностью закрытый кораль на два с половиной километра, а осенью оленей закупил. За кораль они не выходят. Там и болото есть, и мох есть, и грибов навалом, большой достаточно кораль.

У тебя уже был этой весной приплод?

У меня семь важенок было, но только один оленёнок родился нынче. Много на оленях зимой ездили, когда людей катали, видать, повредились важенки. Получается, не нужно было ездить на них в феврале, марте. Будет мне урок.

Раньше у вас были олени?

Да, были, около 15-ти голов. До 2006 года (может, даже до 2009-го). Как отец ушёл из жизни, все умерли. Это у нас, коренных жителей, поверье такое: если хозяин умирает, он всё своё с собой забирает. Они все сами погибли.

В Сургуте мы работали до весны, а в День оленевода в Лянторе я за гонки на оленьих упряжках выиграл снегоход «Буран». И весной же решил открыть ещё один бизнес – изготовление оцилиндрованного бруса, снова купил пилораму. Брус пошёл хорошо, потому что из него выгоднее срубы, бани, дома, даже двухэтажные, строить и продавать. Я сам строю, с ребятами из коренных жителей, зарплата у них полторы тысячи в день.

| Фото из семейного архива |

Да нет, не очень-то и легко. Мы говорили об этом на курсах поддержки предпринимателей, когда я учился: всего 5 процентов людей в мире рискуют. Остальные боятся рискнуть, боятся, что можно споткнуться. Я иногда тоже думаю: и зачем я в это дело ввязался... (смеётся)

С апреля 2015 года я индивидуальный предприниматель. Теперь плачу налоги и несу ответственность перед государством.

Деньги – понятие такое (смеётся): пришло-ушло... Сейчас у нас племянница ещё живёт, мама у неё умерла, моя мама взяла опеку, воспитывает её, с нами живёт.

Были у нас из Италии, Швейцарии. Китайцы, эстонцы, россияне, сургутяне... К стойбищу прямо на машине можно подъехать, а в зимнее время 6 километров на снегоходе везём.

«Хантыйский дворик» – это наше стойбище в лесу. Суть проекта – привлечь больше туристов, как россиян, так и иностранцев, показать настоящую жизнь и быт коренных жителей. Мы будем вывозить туристов и на другие стойбища, с которыми у нас заключены договора. Это Нижний Сортим, Тянское, Лабатьюганское, Быстринское месторождения. Например, Дмитрий Нимперов, живущий на Тяне, умеет делать разные изделия из дерева, туристы могли бы их покупать в качестве сувенирной продукции...

Как-то ты легко об этом говоришь: этот бизнес открыл, тот бизнес открыл... На самом деле, легко ли это?

С деньгами как управляешься? На семью хватает, или всё в бизнес?

Туристы уже приезжают на твой «Хантыйский дворик»?

А не тяжело семье «напоказ» жить, когда по стойбищу постоянно чужие люди ходят? Это только вначале, пока туристов мало, а когда начнётся поток – тогда, конечно, будем строить другое, чисто гостевое стойбище. Через пару лет, я думаю, видно будет. В данный момент мне помогают с туристами два местных агентства.

Чем туристы больше всего интересуются? В основном, историческими местами, старыми стойбищами. Есть у нас бабушкины, дедушкины, прапрадедушкины стойбища, старинные, мохом все заросли, лет 80 уже им, деревья там большие. Если местные – то рыбалкой и охотой. Домик у нас стоит на болоте, там они охотятся в весеннее время.

Не боишься, что не сумеешь донести правильно информацию о жизни своего народа? Я свои традиции знаю (смеётся). Я жил, живу в лесу, и дальше собираюсь тут жить.

Чем ещё занимаешься? В Лянторе хочу открыть базу отдыха, беседовали на днях с главой Сургутского района по поводу участка, будем строиться в этнографическом стиле. На улице будут у нас стоять чум, лабаз, навес, сани будут стоять, в выходные там будем на оленях катать. Домики будут, где люди смогут отдохнуть, шашлыки пожарить. И ещё на территории базы отдыха «Сибирский двор» в Нефтеюганске мы начали строить этнотуристический центр. На открытие думаем губернатора Югры пригласить. А ещё мне очень хочется проехать по Пиму, записать сказки наших стариков, чтобы они не ушли навсегда вместе с ними. Считаю, это просто необходимо сделать. У меня сейчас два сына и дочка, они очень любят наши сказки слушать. Да я и сам в детстве сказки любил. Хочется собрать настоящие сказки, потому что в тех, которые сейчас написаны, иногда вообще ничего общего нет с нашей жизнью и нашими настоящими сказками. Люди, которые знают и помнят настоящие сказки, живут очень далеко на стойбищах, выезжают в цивилизацию раз-два в год. У кого сто голов оленей, у кого двести, у кого ещё больше. Они, практически, недоступны. А добраться до них надо, нужен такой проект обязательно. Сказки – это наша традиция, наш быт, наши предки рассказывали их, и, я думаю, я сделаю это.

Как ты всё успеваешь? Ну, надо как-то крутиться...

Чего ты боишься? В данный момент ничего так-то, но... Конкуренции, может быть. Но даже если строительство не пойдёт, на оленях катать не буду – это же всё для стойбища, сами будем жить.

Многие из горожан считают, что жизнь в лесу, на стойбище – это жизнь отсталого человека. Чиновники, нефтяники говорят: «Мы несём вам цивилизацию». Как надо жить сегодня в лесу, чтобы таковым себя не чувствовать? Я считаю, что сейчас жить в лесу, наоборот, намного выгодней, чем в городе, потому что в дальнейшем это развитие туризма, на этом можно денег заработать, оленеводство тоже в данный момент выгодно. Если обучать, ездить на них, они спокойные будут, и в городе людей катать будут. А по поводу цивилизации... Если мы у них в городе находимся – они цивилизованнее, если они у нас в лесу – то мы. Каждый где вырос, где живёт – там он грамотнее и будет.

С этого года серьёзно взялся помогать коренным жителям, сейчас езжу на каждую конференцию, выступаю с их интересами, являюсь помощником председателя общественной организации «Спасение Югры» в Лянторе и вице-президентом Союза оленеводов-частников Югры. Хочется работать на государственном уровне, чтобы нас слышали и понимали, чтобы стоять за своих. Некоторые из коренных жителей выехать никуда не могут, про государственные дела ничего не знают, нужно им помочь.

В данный момент ребята просили, чтобы перед тем, как заключать договора с «Сургутнефтегазом», собрать народ и администрацию Сургутского района, депутатов округа, обсудить всё совместно. Будем добиваться, чтобы изменить некоторые пункты в экономических соглашениях. Это по топливу, по квартальным выплатам и по экологии.

Ну вот, например, если ты взял от нефтяников снегоход по экономическому соглашению или другое что-то: мотор лодочный, лодку, электростанцию, то налоги за это всё уже платишь сам. А налоги эти «Сургутнефтегаз» снимает с денежных компенсаций. Потом плюс ещё налог за то, что ты бензин получил. У меня мама это всё по договору получает, у неё долг вырос. Сейчас получается, что это она должна им. Мы (коренные жители), практически, все в долгах сейчас перед нефтяниками. Например, 200 тысяч рублей снегоход стоит, они удерживают примерно 26 тысяч с семьи. Если не хватает компенсации, то человек должен доплачивать свои.

Не знаю пока.

Какие вопросы решаете?

Что ты будешь делать, если у тебя под носом нефть однажды начнут искать?

Верины надежда и любовь

**История Веры
Кондратьевой и её мамы**

Вера Кондратьева живёт и работает в городе Лянторе. Замужем, двое детей: Вячеславу 10 лет, Ярославу 4 с половиной года.

Закончила Тюменский государственный институт искусств и культуры по специальности «Режиссура театрализованных праздников и представлений». Параллельно училась в Тюменском государственном колледже искусств по специальности «Музыкальное искусство». С 2011 года – председатель городской общественной организации хантыйской культуры «Ма мэхэм», с 2015-го – председатель Лянторского городского отделения общественной организации «Спасение Югры».

Вот уже более двадцати лет я тесно общаюсь с её тётёй, Аграфеной Семёновной Песиковой, и все эти годы у меня была возможность заочно наблюдать за судьбой её племянниц – Веры, которая с детства любила петь, и Жени, которая хорошо танцует. Лично познакомиться с Верой мне удалось лишь в марте 2015 года на съезде оленеводов в Когалыме. А в августе я впервые услышала песню «Лямин» (в русском просторечии – «Ляма»). Сказать, что я была потрясена, – буквально, не сказать ничего...

Пою я с малых лет. У меня... Душа музыканта, так скажем. Петь – это моя жизнь. Даже в детстве, когда мы приезжали в гости к бабушке с бабушкой, я выходила во двор, садилась на нарты и начинала петь. И все олени, знаете, враз замирали кто где стоял, поворачивали в мою сторону уши и слушали. Я вижу, чувствую, что им нравится, и пою от души. Одну песню спою, другую, а они никуда даже не двигаются, всё слушают стоят. Мне это так нравилось...

Закончив институт и работая в Лянторе, я познакомилась с участником рок-группы «Тень эмигранта» Виктором Кузнецовым. Попав на репетицию, я поняла, что это те самые ребята, которых я так долго искала, а они поняли, что наконец-то нашли нужного солиста. Так мы познакомилась с Николаем Рублёвским (гитара), Евгением Хабибуллиным (барабаны), Павлом Мащенко (бас-гитара) и Александром Станогиним (клавишные). Мы пели хард-рок, но однажды попробовали спеть хантыйскую песню, «Арэх» (в переводе так и есть – «Песня»), в современной аранжировке. Я её сочинила, мама перевела на хантыйский язык, это было в 2009 году. Нас самих до сих пор завораживает эта песня, зрителей завораживает, и где бы мы её ни играли, равнодушным никто не остаётся. У меня ещё несколько сочинённых песен было в запасе, у Николая Рублёвского – мелодии для аранжировки, мама нам постоянно помогала, переводила... Так всё и началось. Хочется исполнять и фольклорные песни, они очень красивые у нас, и в то же время совместить старинную песню с ритмами современности.

Для народа ханты Лямин – священная река. Мои предки жили на этой реке, и песню эту, песню женщины, проживавшей на этой реке в 19-м веке, я тоже услышала от мамы.

Вера, ты поёшь о родной земле в современном стиле. Как вдруг тихая тягучая хантыйская песня превратилась в этнорок?

Расскажи о «Ляме»...

Фото из семейного архива

*Голубыми деревьями священная река,
Высокими деревьями священная река, красивая река.
Рыбой, зверем, птицей богатая река,
Солнцем облакканная, луной воспетая, вечной жизни хвалю-воспеваю.*

**Как «Ляма» привела тебя
на Международный фестиваль
искусств «60-я параллель» в Сургуте?**

Это случилось благодаря председателю региональной общественной организации башкирской культуры «Курултай башкир» Раудату Абдулхаковичу Кульманбетову. На его юбилее эту песню услышал директор Сургутской филармонии Яков Семёнович Черняк. Я пела «Лямин» с бубном, с колокольчиком, в общем, поздравляла от души. Через некоторое время поступило приглашение сначала на открытие III Международного молодёжного фестиваля искусств «Зелёный шум», а затем и на «60-ю параллель». 1 октября мы с «Лямин» участвовали в открытии фестиваля, а 21 октября уже экспериментировали с музыкантом Кристианом Блаком и группой YGGDRASIL (Фарерские острова). Буквально за час до концерта мы придумали, что будем вместе делать, и у нас получилось выступление минут на 20 из пяти разных произведений. Мы их закольцевали, одно из другого вытекало, использовали национальные инструменты – тум ран, бубен, танец с колокольцами, мама научила меня этому старинному танцу. Я была в национальном платье, которое мама сшила, с нашими национальными украшениями...

Ты часто упоминаешь свою маму...

Мама с папой дали нам с сестрой образование, поддержали в учёбе. А когда я вернулась на родину, естественно, моим первым помощником, советником по нашей культуре стала моя мама. Я пою то, что поёт моя мама, совершенствуюсь в родном языке. Мамочка шьёт красивые платья. Мне вот не хватает терпения сидеть долго на одном

месте, ведь это долгая, очень кропотливая работа, это же всё вручную: техника «ткань по ткани» (это когда тканевую полоску с помощью иглы и ниток в орнамент превращают), узоры эти бисерные... Я тоже, конечно, умею, делаю, но мне это большого труда стоит. Мне нужно двигаться, где-то что-то туда-сюда бегать (показывает), не сижу долго на одном месте. А вот мамочка – она не только шьёт платья красивые, делает из меня такую красавицу, хантыйскую модницу, но и восстанавливает старинные фасоны, каких у нас уже не делают...

Он не исчезал, просто пока в школе учились, в институте, это как бы глубоко внутри сидело. Но вот однажды в институте нужно было зачёт получить по физкультуре. Бежала кросс, очень большой. Мало кто у нас получал этот зачёт с первого раза. Преподаватель была очень строгая: не сдал – до свидания, и до сессии студенты не допускались. Я думаю: мне нужно добежать. Солнце уже встаёт, жарко становится, я бегу, и... мысленно ушла в наш лес. Представила, как бегу по тропинкам между сосен, вокруг лесная прохлада, птички поют, хорошо!.. И вот, видимо, тогда очень сильно всколыхнулось это всё, поднялось из каких-то глубин сюда (показывает на голову), или вот сюда (показывает на сердце), и я поняла, что я это всё хочу. Я так соскучилась по земле... Маме звоню: мама, я так хочу в лес, я так хочу вернуться! Я тогда единственная пробежала этот кросс. Это, знаете, как... Когда в лес приходишь – чувствуешь себя как дома. А если человеку где-то уже хорошо, зачем ему ещё куда-то? Это родина. Человека тянет к родине, тянет к своим корням. Спили дерево – без корней оно жить не будет. А дерево с корнями – оно крепко.

Муж Николай, он тогда в Тюменской медицинской академии учился, меня поддерживал. Побывал в лесу, его очень хорошо наши родственники встретили, приняли... Вот так до сих пор и живём.

Конечно, это своего рода эксклюзив в нашем округе. От этого, наверно, не уйти сейчас. Да, многое начали придумывать. В каких-то праздниках, в рассказах, в орнаментах. Но если интерпретируют без вранья – я хорошо к этому отношусь. А когда начинают придумывать кучу всего-разного, чего в помине нет... Но, как любая неправда, это уже изначально несёт в себе неверную информацию. Я думаю, такое долго не будет жить, потому что не имеет под собой почвенной основы. А правда – она останется. Наша настоящая культура – она будет жить. Ведь когда те же туристы приедут в лес, на стойбище, они увидят, как люди по-настоящему живут.

Жили мы в деревеньке на берегу реки Пим. Дома, дворики, соседи, все друг друга знают, не закрываются, в гости ходим друг к другу... Я не задумывалась над тем, что меня окружало, это было естественно, как для любого ребёнка. Я училась в школе, в музыкальную школу ходила, танцами занималась. Естественно, как у каждого ребёнка, – свои интере-

Когда интерес к родной культуре появился, что послужило толчком?

Сегодня многие пытаются «осовременить» традиционную культуру, носителем которой ты являешься, ведь это брэнд Югры...

Ты родилась в 1984 году, здесь уже везде была нефть... Какие твои первые впечатления о малой родине?

сы, было не до этого. Да, нефть здесь была на каждом углу. У нас за домом было нефтяное озеро, и по дороге от Лянтора до Сургута – везде была нефть. Я видела это каждый день, но вопросов не задавала: так должно быть? Так не должно быть? Оно есть.

Когда ты стала по-настоящему понимать, чувствовать боль своей земли?

Однажды мы ехали по лесу, и увидели на много-много километров за горизонт – сухостой. Это когда нефтяники дорогу делали, гидронамы у них был, – пережали речку. Речушке дальше течь было некуда, в результате на много-много километров лес, красивый сосновый бор, оказался в воде, всё вокруг заболотилось и превратилось в сухостой. Бор погиб.

В 2013 году песня «Ма мэхэм», «Моя земля», стала лауреатом музыкальной премии финского общества М.А. Кастрена.

Так появилась песня «Ма мэхэм», «Моя земля».

Земля моя! Земля наших предков спасения ждёт, жизни спасения!

Мы вернёмся в дом, в дом наших предков, обнимем тебя, родная земля,

Будем с тобою едино дышать, думать едино, видеть едино.

Будем тебя, земля, уважать. Ты наберёшь свою новую силу.

Крепнуть мы будем день ото дня, наша земля, земля наших предков!

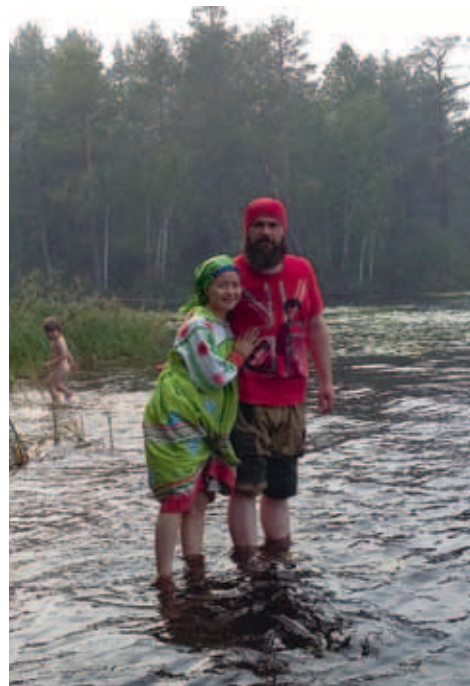
С тех пор я просто стала жить с этой мыслью, равнодушная была абсолютно ко всему, что тут происходит, к судьбе народа нашего. И когда заговорили о создании организации хантыйской культуры в Лянторе, долго над этим не думала. А организацию так и назвала: «Ма мэхэм». Проводила мастер-классы, участвовала в концертах... Дальше – больше. Весной 2015 года в Лянтор с визитом приехала губернатор Югры Наталья Комарова, и я как общественник помогала коренным жителям в решении их вопросов. Не каждый человек, особенно из лесных, может грамотно изъясниться, рассказать о том, что его волнует. Так началась работа в социально-экономической сфере.

Какими вопросами занимаетесь?

Помогаем оленеводам, лесным жителям. Пытаемся решать их проблемы. Сейчас, чтобы, например, дрова добыть, нужна бумажка. Чтобы дом построить, снова нужна бумажка. Лесничество выделяет лес делянами. Целевая деляна – это полная вырубка. После такой вырубки в лесу остаётся пустое место, щепки, ягель гниёт, а это корм для оленей. Пока всё восстановится, вырастет – сколько десятилетий пройдёт? Ни зверь, ни птица там жить уже не будут. У нас испокон веков как лес выбирался? Идёт выборочная рубка, неважно, на дрова или на строительство... Ханты никогда не будут косить всё подряд, такого никому даже в голову не придёт.

На дрова у нас что идёт? В первую очередь, сухостой и какие-то больные деревья. Никогда лесной человек по своей воле не срубит хорошее, красивое дерево. А по нынешним законам получается: что нам покажут, то мы и должны вырубать.

Недавно вот ещё с чем столкнулись. Люди приходили, просили помочь: ребёнку в первый класс идти, а с пропиской «юрты» в лянторских школах не берут. Говорят: пере-

прописывайтесь по месту жительства в городе. Мол, земли, на которых вы прописаны, не в черте города находятся, поэтому мы не можем взять вашего ребёнка в нашу школу. Если в конце набора останутся места – мы вас возьмём.

Да, и это дорогого стоит.

Я хочу в совершенстве овладеть хантыйским языком. На обласе я уже умею ездить, хочу теперь упряжкой оленьей управлять. Я ездила в детстве, бабушка возила в своё время, теперь хочу сама, и даже участвовать в оленьих гонках.

Хочется мне (смеётся) так жить. Тем более, если я собираюсь в лес потом уйти. Я бы и сейчас ушла, но детей растить-развивать нужно, а в интернат отдавать не хочется...

Я живу по своим внутренним ощущениям, не люблю себя обманывать и делать так, как мне не хочется. И я чувствую, что нужно так, меня тянет туда. Это, наверно, кровь, гены. От этого всё равно не уйти. Вы знаете, когда приезжаешь в лес – ты чище становишься. Отпадает всё ненужное, всё, без чего в техногенном мире, кажется, не прожить. Просто очевидно становится, что человеку не нужно всего столько много, достаточно того, что даёт природа. Жизнь в лесу – это гармония. Город – это хаос, который создают сами

Получалось уже кому-то конкретно помочь?

Что бы ты хотела ещё сделать в жизни, о чём только мечтаешь?

Зачем?

Зачем возвращаться обратно в лес, ты же успешный современный человек? У тебя есть всё, чтобы жить полноценной жизнью, делать карьеру. Ты талантлива, у тебя прекрасная семья, муж тебя поддерживает, родители...

люди, какофония, много чего-то отвлекает, мелькает, не знаю, обременяет даже где-то, люди забывают, теряют себя в этих каменных стенах. А в лесу – ты проснулся, вышел – сразу же солнышку, небу порадовался, неважно, какая погода... Когда человек в природе, она его обнимает, что ли... Свежий воздух, ты идёшь – тут ягоды поел, с птичками попел, с водой поздоровался...

Наши люди умеют синтезировать, совмещать жизнь и в лесу, и в городе... – Жизнь меняется, на месте не стоит. Правильно? – поддерживает разговор мама, Татьяна Семёновна. – Вот у финнов, например, стоит чум, и тут же – современный дом. Дороги проведены, электричество. И олени, тысяча с лишним голов оленей, представляете? А почему бы нам, коренным жителям Югры, так не жить? Чтобы и высшее образование, и тут же олени, и чум был, и тот же современный дом. Чтобы и на своём языке говорить, и на русском. И на английском, если надо, испанском там, немецком... Почему бы и нет?

Если бы ты оказалась на месте губернатора Югры, что бы ты сделала в первую очередь? Изменила, усовершенствовала по отношению к коренным жителям?

Я бы обязала все нефтяные компании, абсолютно все, которые работают на территории Ханты-Мансийского автономного округа, пересмотреть те «законы» в отношении коренного населения, которые они там сами себе придумали. Что, откровенно говоря, больше ведёт не к развитию нашего народа, а, наоборот, к застою. Ещё я бы усовершенствовала систему образования, построила стойбищные школы прямо в лесу. Пусть там будет лишь несколько детей обучаться, но я бы не пожалела денег на это. Провели бы туда свет, интернет, всё, что нужно, и учили бы так, чтобы народ не терял своей культуры, своего самосознания. Сейчас, обучаясь в интернате, дети вырваны из родной среды, оторваны от родителей, от дома, от земли, от той культуры, в которой они должны, я считаю, находиться именно в детском возрасте, когда идёт становление человека, духовный рост его. Ведь именно в эти годы ребёнок всё впитывает как губка. Я за стойбищные школы. И Юрий Вэлла совсем не зря доказывал необходимость подобного обучения на примере своего стойбища.

Недавно мы поднимали этот вопрос, а нам говорят: зачем для такого малого количества людей затрачивать огромные финансовые, прочие ресурсы? Как зачем? Для сохранения культуры, для её поддержания... Здесь ещё остро стоит вопрос с учителями – не хватает таких специалистов, которые бы смогли обучать детей на стойбищах. И хорошо бы, если эти учителя были сами ханты и манси. И все это понимают. Общественная организация «Спасение Югры» и МООУН (Молодёжная организация обско-угорских народов) в этом направлении начали работу. Время покажет.

Ну, уйдёт народ ханты, исчезнет, и что изменится? Каждую минуту в мире исчезает один народ. Зачем нужен народ, с которым столько хлопот?

Вы знаете, если бы на этой земле не жил народ ханты, здесь бы уже давно ничего не было.

Сейчас Вера и Николай строят стойбище в тайге. Помогает им Клим Кантеров. Вскоре собираются купить и оленей.

Живёт в национальной деревне Русскинской лесной ненец, Никита Напасеевич Вылла. В семидесятые годы работал он пастухом при совхозном стаде оленей. Хорошим пастухом был, награды имеет. Знает Никита Напасеевич целых три языка: ненецкий, хантыйский и русский. А предки его пришли с Варьёгана. Смеётся Никита Напасеевич, что те ненцы, которые на Тром-Агане жили, они все записались в ханты. Пока совхозных оленей пас, жил в тех местах, где сейчас находится город Ноябрьск, на речке Ими-ягун. Помнит Никита Напасеевич, как в середине семидесятых уничтожали совхозных оленей и увозили забитых животных на самолете АН-2. Как и остальные пастухи, приобрёл он по дешёвке тогда у совхоза 40-50 голов, и уехал жить на вершину Тром-Агана.

Было у Никиты Напасеевича трое сыновей и две дочери. Остановился он с семьёй там, где сейчас находится Восточно-Тромаганское месторождение. Далеко забрался, думал, что до него нефтяники не доберутся.

После уже, где-то в девяностых, под нажимом нефтяного освоения переселились в те края Покачевы, Рынковы, Борис Антонович Комтин...

Прошли годы, и к двухтысячным из тех самых сорока оленей выросло стадо Никиты Напасеевича до трёхсот. Он очень надеялся, что сыновья его, Виталий и Леонид, дело подхватят, но получилось так, что один сын умер, а другой повесился.

Как сыновей не стало, стали Никите Напасеевичу зятя помогать оленей пасти. И вот постигло его несчастье – жена ослепла, в зрелом возрасте она уже была. Да и сам Никита Напасеевич состарился, немощным стал. По деревне ещё может ходить, а за оленями смотреть уже тяжело. А летом 2012 года и на его угодьях случился большой пожар, очень большая территория пастбищ сгорела. Пусто стало в тех местах. Да и за слепой женой ухаживать надо. Пришло время принимать тяжёлое решение: переезжать в Русскинскую.

Оленей Никита Напасеевич, сколько мог, раздал по зятьям, а у зятьёв тоже свои угодья, пастбищ нет для большого стада, зятя не могли брать больше 25-30-ти оленей. Какую-то часть раздал родственникам, по 3-4 головы. Остальных пришлось заколоть. Зятя помогли отправить мясо на машине в Новый Уренгой, там есть мясоперерабатывающий комбинат.

И перебрался Никита Напасеевич вместе со слепой женой в Русскинскую, где ещё в советское время выделили ему половину деревянного одноэтажного дома, там и живёт.

История Никиты Напасеевича Выллы, казалось бы, глубоко личная, но на самом деле это история и большинства оленеводов, живущих или живших в тайге, и истории всего югорского оленеводства.

Обычная история

О грустном...

| деревня Русскинская |
| Сургутский район | 2012 год |

Абсолютно счастливый

| История Фёдора Колыванова, его жены Ларисы и их старшей дочери Алёнки |

В одну из летних поездок по Сургутскому району мне показали незамысловатый деревянный шлагбаум, закрывающий, конечно же, чисто символически, проезд в глубь леса, где находилось жилище молодой хантыйской семьи, и рассказали историю о парне, который смастерил этот шлагбаум. Звали его Фёдор. Сам по себе самодельный шлагбаум был уже интересен, но ещё интереснее были истории, которые я стала собирать о Фёдоре и его семье. Жили они тогда на Ляме, это почти нетронутая освоенная территория. Зверья-рыбы-ягоды в достатке было, и Фёдор успешно кормил не только свою маленькую семью, но и пару десятков родственников. Все деревянные постройки на летнем и зимнем стойбищах смастерил своими руками. Нарты умел делать, лыжи охотничьи – на продажу шли. Купил себе машину, брату...

В то время для молодого человека его возраста такое было несвойственно: интернатская молодёжь по посёлкам уже разбрелась, не зная, куда пристроить руки и голову. А Фёдор в тайге остался, и навыков таёжных не растерял как раз потому, что отец его, смекнув, к чему ведут эти самые интернаты, вовремя Федю оттуда выдернул, и постигал дальше Федя науки уже в тайге. Потому и вырос нормальным мужиком.

| Фото Наталья Пономарёва |

Когда мы с Фёдором познакомились, ему было 23, его жене Ларисе – 19. Повод для съёмок фильма, на мой взгляд, был достаточно интересным. «Сургутнефтегаз» заходил на заповедные хантыйские территории, а лось уходил, и ягоды с рыбой стало меньше. Семью кормить стало труднее, а потому принял Фёдор решение пойти работать к нефтяникам, на Ляминский водозабор. В то время в состав экономических соглашений между недропользователями и коренными жителями уже входил пункт устройства на работу в структуры «Сургутнефтегаза», только ханты не очень-то туда торопились: пойду на работу, а кто за оленями будет смотреть?

Образцово-показательное устройство Фёдора на работу должно было послужить примером для остальных: мол, не повредит работа на благо государства домашним хлопотам. В общем, мы ехали снимать фильм про первый рабочий день Фёдора Кольванова. Хотелось понаблюдать, как дальше будет складываться его жизнь между двумя совершенно разными мирами. Даже и название как-то сразу выскочило – «Абсолютно счастливый». Вроде как и традиционный образ жизни не нарушен, и компромисс с неудобным соседом соблюден. Чего ещё лесному человеку надо?

Итак, весь рабочий день мы добросовестно пролазили вместе с Фёдором среди огромного количества железных конструкций водозабора, а вечером, сев на снегоход, отправились к нему домой.

Приехали на стойбище под вечер, кажется, уже темнело. И тут нам под ноги выкатилось такое чудо, что идея снимать фильм о Фёдоре сразу отодвинулась куда-то на задний план. Чуду было около трёх лет, и звали чудо Алёнка. Это было смыслёное, очень живое существо, которое ни минуты не находилось в спокойном состоянии. Яркая зелёная малица, ярко-алый платок на голове, круглые чёрные выразительные глаза. Когда Алёна улыбалась – казалось, вокруг становилось светлее, когда хмурилась – будто на солнце туча напозла. Мы стали наблюдать за девочкой. Причём оператор Наташа Пономарёва делала это даже с большим усердием, чем я. Наташа тогда училась во ВГИКе, самом главном киношном институте страны, и ей нужно было снять дипломную работу. Она буквально охотилась за Алёной всю неделю, что мы жили в семье Кольвановых. Именно благодаря Наташе фильм «Привет, Алёнка!» получился таким добрым, ярким, живым и оптимистичным. Сегодня его смотрят и стар, и млад. С удовольствием смотрят дети в детских садах, потому что впервые сталкиваются с культурой и бытом уникального народа. И может быть, на всю жизнь запомнят нашу тайгу именно по ней, Алёнке. А быть может, и не будет уже этой тайги и этой жизни в тайге, когда малыши станут взрослыми. Но Алёнка, я уверена, западёт им в душу именно такой – счастливой, яркой, независимой.

Мы отобрали для фильма 6 эпизодов: как Алёна встречает утром папу, пригнавшего домой оленей, и как все вместе садятся завтракать. Алёна уже здесь старается помогать родителям: приносит папе на стол деревянное блюдо с мясом. Второй эпизод рас-

| Кадры из фильма |

сказывает о том, как Алёна с мамой идут за водой на ручей-живун, который находится в двухстах метрах от стойбища. Что запомнилось: ни мама, ни отец не сюсюкали с девочкой, общались с ней на равных. Этнограф-ханты Аграфена Семёновна Песикова не раз будет потом показывать этот фильм на семинарах по традиционному воспитанию в хантыйской семье. Она подсказала мне то, чего я не заметила: маленькая девочка не занималась «своими» делами, потому что у неё их просто не было. Как и у каждого лесного ребёнка, уже в три года у неё были дела семьи, она начинала постигать то, чем ей придётся заниматься в течение своей взрослой жизни. После похода за водой Алёна с мамой затеяли ещё одно женское дело – отправились за дровами и перекидали их с улицы в избу (и вода, и дрова на хантыйском стойбище – женская работа).

А после обеда мама села вышивать бисером новое платье. Алёна, примостившись рядом, тоже взялась за иголку. Никто ни на кого не кричал, никто ни с кем не спорил. Вот такое хантыйское воспитание.

Папа весь день ремонтировал снегоход, и только под вечер, когда стемнело, тоже занялся мужским рукоделием – занёс в дом две широкие доски, чтобы мастерить охотничьи лыжи. Алёна и тут взялась ему помогать, но мама позвала её к себе, вновь затеяв какую-то женскую работу. Уснула Алёнка мгновенно и неожиданно для нас, как будто внезапно заряд у батарейки закончился, – просто откинулась назад, на подушку. Мы думали – потягивается, ан нет – смотрим, уже посапывает потихоньку, забывшись в сладком сне.

Мне ничего не пришлось объяснять зрителю за кадром – фильм получился цельный и сам за себя говорящий, настоящий подарок судьбы. Лишь короткие реплики общающихся между собой героев (ханты народ немногословный) и субтитры на русском языке. Потом появились субтитры на английском, немецком...

Сегодня «Алёнка» «разговаривает» уже на восьми языках. Наверно, и это не предел. Фильм с удовольствием смотрят в европейских странах. Наблюдая за жизнью семьи, люди знакомятся с жизнью коренного населения Югры.

Однажды на уроке учительница спросила: но ведь сейчас они так уже не живут? В ноябре 2015 года, узнав, что Ляминская школа-интернат отмечает свой 45-летний юбилей, я напросилась в гости, и мы вновь увиделись с Алёной. Она училась в 10-м классе. Здесь же, в интернате, училась её младшая одиннадцатилетняя сестричка Ариша, а дома ещё были трёхлетняя Алиса, точь в точь напомнившая ту маленькую девочку из нашего общего прошлого, и вот-вот ждали братика – Антона (он родился в январе 2016-го).

Запомнилась старинная деревня Лямина. Несмотря на то, что в пору своей репортёрской молодости мне пришлось немало поехать по городам и весям Сургутского района, в Лямине побывать так и не пришлось. Зимой же, в сугробах, с дымками

над банями, с искрящимся снегом на роскошных кедровых лапах и запахами этих дымков Лямина произвела на меня неизгладимое впечатление. Понравился и сам интернат. Тепло, уютно, хорошие, приветливые воспитатели.

Мы обе побаивались этой встречи: я – потому что заранее поставила себе задачу снять продолжение фильма: 13 лет спустя; Алёна – просто потому, что до сих пор оставалась скромной, стеснительной девочкой. Воспитательница отвела меня к Алёне, рядом была Аграфена Семёновна, она помогла наладить контакт. Первое, что бросилось в глаза, – бледное лицо.

– Ты хорошо себя чувствуешь? Не болеешь?

– Нет, – ответила за Алёну воспитательница, – просто гуляют мало.

Я поинтересовалась интернатским расписанием. Подъём в полвосьмого, затем зарядка, завтрак... Занятия в школе, самоподготовка, обед, обязательный сон для всех. Потом кружки, ещё что-то, и лишь вечером, около восьми, когда в деревне уже стемнеет, – прогулка. Чаще всего, это поход в магазин под контролем воспитателя. Что покупают? – Кока-колу, сникерсы, печенье... Родители дают деньги, в неделю тысячи по две, кто как.

В девятом классе Алёна хотела уйти учиться в нефтяной техникум в Лянторе: «а больше некуда», но отец не разрешил, велел учиться до 11-го. Думают отправить дочь либо в институт имени Герцена в Санкт-Петербурге, кузницу кадров всей коренной молодёжи страны, на педагога, либо в Ханты-Мансийск.

– Сама-то на кого хочешь?

– На медика.

– Влюбилась она у нас, совсем не хочет учиться, – сетует воспитательница.

Ну, думаю, это исправимо.

Виделись мы с Фёдором и Ларисой, они приехали забрать на выходные сестричек домой. Лариса, как мне показалось, была такая же молодая и красивая, нисколько не изменилась. Фёдор – весь в заботах. Он прошёл переподготовку, по-прежнему работает у нефтяников, ездит на вахты. Стойбища, где мы с Наташей снимали фильм, больше нет, сгорело во время пожаров 2012 года. Теперь семья живёт на осеннем. Оленей тоже нет: «перестреляли». Фёдор хотел бы заняться туристическим бизнесом, но пока не получается: работа, хозяйство. Есть у Колывановых и квартира в новостройке, в городе нефтяников Лянторе...

Почему же мне не хочется снимать продолжение фильма про Алёну?

Пусть моя Алёнка так и останется в том далёком времени, счастливой и беспечной, чтобы её как можно дольше не касались наши взрослые проблемы, и чтобы она по-прежнему продолжала дарить трепетные ощущения знакомства с иной жизнью не одному поколению детей и взрослых, живущих в городах.

БОЖЕНЬКА «СЧАСТЬЕ ОДНОЙ БЕЛОЧКИ»

Жил-был человек, и был у него домашний Боженька. Каждый день он этому Боженьке делал приношения. И за это Боженька каждый день посылал ему по одной белке. Как-то завертелся, закрутился мужик в своих делах, и забыл Боженьке приношение сделать. Рассердился Боженька и говорит: ты плохой человек. Я на тебя войной пойду. Сейчас пойду войско собирать. И ушёл. А человек думает: ведь я Бога обидел! Ведь войной-то придёт! Как-то надо защититься, я же не могу Бога убить. А дело зимой было. Взял он и свой дом сверху донизу водой облил, начиная от самой крыши. Получился не дом, а ледяной панцирь. Залез мужик в свой ледяной дом и закрылся. Слышит: кто-то скребётся, стучит... Ну, думает, точно Бог пришёл воевать. Ни за что не открою, ведь меня убьют... Кое-как ночь пережил, утро настало, тишина вокруг. И думает человек: интересно, а куда же войско-то делось, которое всю ночь меня беспокоило? Открывает дверь, а у порога лежит замёрзший Боженька Одного беличьего счастья. После этого человек ни одной белки никогда не добыл. Если мы друг на друга из-за пустяков сердиться будем – ни тебе, ни мне не повезёт, и дело кончится плачевно.

**| Сказка Фёдора Кольванова
в переводе А.С. Песиковой |**

| Фото Николай Гынгазов |

Весна в Тресколье

По сценарию видеофильма

Вначале никогда, как бы ни разбегалась твоя фантазия, ты не сможешь угадать, каково будет окончание той или иной истории. Потому что в документальном кино не актёры слушают тебя, а ты идёшь за своими героями, проживаешь с ними часть жизни. Их жизни. Так было в случае с бабой Шурой, Александрой Васильевной Анямовой. Я ехала помочь снять несколько планов для дипломной работы её сыну Валере, который всё не мог окончить Санкт-Петербургский университет кино и телевидения по специальности «Телеоператор», а получилось... Получился трогательный фильм о жизни.

Поначалу фильм предполагалось назвать «Последняя весна». Впереди у России маячил глобальный проект «Урал Промышленный – Урал Полярный», вследствие чего все мелкие посёлки, деревушки и становища местных жителей ожидало укрупнение. Мы ехали в Тресколье в его последнюю весну, когда мансийским семьям предстояло решить: оставаться ли на месте старого поселения, либо переехать в уготованные местной властью новые укрупнённые посёлки. В случае с Тресколье то было поселение Ушма: несколько построенных домиков, куда окрестные аборигены и должны были переселиться, приняв в добровольно-принудительном порядке некоторые из прелестей цивилизации: магазин, телефон, медпункт. Ну и, разумеет-

ся, более совершенную транспортную сеть (в Тресколье жизнь по весне замирала на целых два месяца, потому как протекающая рядом река Лозьва вскрывалась ото льда и была невозможна для передвижения).

Была ли семидесятилетняя баба Шура сторонницей подобного переселения?

Прямо над деревней проходит международная трасса, и реактивные самолёты, практически, каждый час нарушают тишину уральской тайги.

Между тем, в Тресколье ещё стирают в берестяных корытах и укачивают детей в берестяных люльках. Это две различные цивилизации. Пока они живут почти независимо друг от друга. Но мы с вами уже знаем, что бывает, когда это равновесие нарушается.

... – *Посёлок Ушма построили для нас, для мансей. Алексеев (уполномоченный по вопросам коренного населения, – прим. автора) сказал, чтоб все в куче жили, а то мы сейчас вразброд живём в Ивдельском районе. Чтоб мы собирали ягоду, сдавали пушнину, орешек собирали, заготовливали.*

– *Ещё не достроили дома, надо ждать. Ещё не готовы. Она не хочет (помочь понять свою маму, говорящую со мной исключительно на мансийском языке, как может, пытается старшая дочь Лариса). – Так-то жалко, конечно. Там придётся жить, и здесь жить. Там дом проверять, здесь ягоды собирать...*

– *Они все ленивые, – уже по-русски продолжает баба Шура о своих родственниках из соседних домов. – Очень ленивые, очень охотиться не хотят... Дома сидят. И спят...*

Всего у бабы Шуры 11 детей было. Двое умерли: «застрелили их, там, в Тюменской области». Осталось 9, все взрослые. Четверо сыновей и пять дочерей. Одна в Молдавии живёт, за границей, другая в Тюменской области, Валя тоже туда поехала. Савва в Ушме живёт, двое ещё на охоте, в лесу, младший, Валера, приехал вот...

Сама она родилась и жила в Няксимволе. Там жили и родители, и дедушка с бабушкой... Было два брата младших, они там умерли. У старшей сестры двое детей, дочь и сын, они живые, три внука. До сих пор в Няксимволе живут.

Мой взгляд падает на старую-старую женскую сумку для рукоделия, с которой баба Шура почти не расстается. Она замечает этот взгляд:

– *Этому тутчану 40 лет уже. Мне его мама сшила, я девочкой была, ещё не замужем. До сих пор он живёт, вот какой старый стал тутчан. И сама старая стала, как тутчан...*

С первым мужем сама сбежала (наш отец, – добавляет Лариса). Он был молодой, красивый... Два года с ним прожила, потом от него сбежала, поехала домой, к родителям, проведать их поехала.

– **Расскажите, как второй раз замуж выходили, за Николая Васильевича...** Валера, занимаясь неподалёку своими делами, пытается контролировать наш раз-

| История бабы Шуры |

| Про любовь |

говор: это в фильм не пойдёт... Мы снова переходим на разговор «о красивом мансийском народе».

– Чем занимаемся? Ягоды собираем, да орехи, да что-то... Осенью собираем да Алексееву сдаём. Нярки шьём, сапожки мансийские, а то в русской обуви здесь зимой провалишься. А в наши нярки оденешься, да перевяжешь – туда снег не попадёт. Всё сама шью.

Хлопнула входная дверь. Валера, наконец, вышел во двор.

– Расскажите про Николая Васильевича...

– Я тогда в интернате работала, прачкой. По две ванны в день белья стирала. А он уж овдовел к тому времени. Прислал однажды свою сестру, замуж меня сватать: «сколько, мол, ты здесь в посёлке будешь на государство горбатиться? Поедем ко мне в лес, отдыхать будешь...» А у меня к тому времени уже детей двое было, да у него четверо. Всех надо обшить, накормить... Так до сих пор и отдыхаю (улыбается).

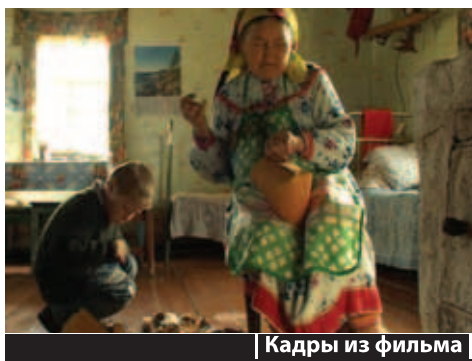
На стене – старая фотография. На фотографии – красивое лицо, добрые глаза, открытая улыбка. Вот оно – кино.

Сюда, в Тресколье, он её и привёз. Дом этот первый и единственный был тогда в деревне. И жили они, действительно, долго и по-своему счастливо. Пока не заболел Николай Васильевич и не слёг, на много лет прикованный к постели. Похоронила.

Вот и Валера нынче не столько фильм дипломный доснять приехал, а, как и положено младшему наследнику, дела родовые принять, да матери помочь по хозяйству. Пытался он работать и в Ассамблее коренных народов Севера помощником депутата, и в телекомпании «Югра», да всё в лес тянет.

– Когда институт закончишь, что делать будешь? Куда работать пойдёшь?

– В лес обратно вернусь, в деревню новую, которую для нас строят, в Ушму. Смотреть надо, а то нахозяйничают тут (Валера имел в виду строителей, которые и срубы не по размеру поставили, и с печами уже напортачить успели). Им что – построили – уедут. А здесь людям жить.

Кадры из фильма

| Здесь рыбы нет |

Каждое утро мы вместе садились за стол: Валера, старший брат Савва, Лариса и я. А баба Шура подавала нам манную кашу в глубоких тарелках.

Были на столе и свежий хлеб, баба Шура пекла его сама, и медвежий жир, но по утрам всегда неизменная манная каша. Привыкшая к рыбе на хантыйских столах, на третий день я не выдержала, спросила: «А почему каша? Это традиция такая?»

– Больше нет ничего, – услышала в ответ. – Только крупа осталась. Сейчас вот река вскрыется, там и за продуктами поедем.

– А рыба? Вы же на реке живёте...

– Рыбы здесь ещё с шестидесятых нет. Как лес начали валить да по Лозьве сплавлять, с тех пор без рыбы и живём. Олени были, да как мужа не стало – одних волки задрали, другие по горам разбрелись... Вот если только Савва лося добудет...

– **Про Савву расскажите, Савва – хороший охотник?**

– Савва не охотится уж больше, только пьянствует. Если не пьянствует, хорошо охотится.

В один из дней Валера повёл меня на экскурсию по окрестностям.

– **Камеру берём?**

– Не надо. – В том, что собирался показывать, Валера не видел ничего особо выдающегося. Я же долгие годы буду жалеть о том, что довелось увидеть и так и не получилось снять.

Сначала я увидела кладбище машин. Как рассказал Валера, это был давным-давно заброшенный за ненадобностью автопарк. Самосвалы, трактора, целые и полуразобранные, буквально вросли в землю, некоторые – почти наполовину. Технику постепенно разбирали те, кто мог добраться сюда, и сдавали как цветной лом. По дороге мимо Тресколя проезжали целые грузовики с этим ломом.

Затем мы добрались до полуразрушенного становища, где, видимо, и жили в своё время лесорубы, то ли вольнонаёмные, то ли заключённые. Бараки, медленно уходящие

| Экскурсия |

в землю, площадки, зарастающие травой и молодыми деревцами, – наследие шестидесятых. Через год, в немецком городке Налле я буду показывать фильм «Весна в Тресколье» и делиться тем, что осталось за кадром. Буду рассказывать о нашей советской истории, о запахе времени, что я чувствовала, проходя по тому то ли городку, то ли лагерю... Чешский этнограф Ярослава Панакова спросит меня: почему Вы не показали это в фильме? Ведь история Вашей бабы Шуры неотрывно связана с этой историей... Но разве зрителю интересны наши ошибки и извинения? Так навсегда остались за кадром и это кладбище, и лагерь, один из многих, откуда сплавляли древесину, выбившую рыбу из Лозьвы.

А ещё через два года мне придёт приглашение из Германии принять участие в одном из самых престижных культурных форумов мира. Сокращённая версия «Весны в Тресколье» отправится в Берлин и вскоре станет лауреатом Всемирных Дельфийских игр в области кино.

Но тогда, в Тресколье, я, конечно же, и думать об этом не могла. Я наблюдала за семидесятилетней мансийской женщиной и, как охотник на звериной тропе, чутко прислушивалась ко всему, что происходило вокруг. Я искала свою бабу Шуру. И я её нашла.

Мы приехали в Тресколье в марте. На Урале в это время уже весна. Хотела я этого или нет, но с крыши вовсю капало, верба бросалась в глаза набухшими почками, а на реке просто невозможно было не заметить первых ручьёв и проталин. Лицо бабы Шуры было светлым, добрым, она как будто улыбалась. Что бы она ни делала: отправлялась в лес за берестой на широких охотничьих лыжах или рубила деревья, пекла хлеб или просто расчёсывала волосы – я всегда замечала эту едва уловимую улыбку. Так «Последняя весна» постепенно превращалась в «Весну в Тресколье».

Весна – время надежды, время возрождения. Хорошее время. Баба Шура была стержнем, опорой для всего рода, она до сих пор будто камертон, по которому манси сверяют чистоту своей жизни. Мир и любовь в сердце простой мансийской женщины теперь живут и в моём фильме.

Как мы с бабой Шурой по Германии кочевали

Путевые заметки

Фото Штефан Дудек

Поездка в Германию – это часть большого проекта Сургутской студии неигрового кино «ЛИКИ ЮГРЫ», который я и сегодня представляю в Европе. Германия одной из первых откликнулась на наш видеомарафон. К тому же и в создании проекта «Загадка моя», и в производстве фильма «Весна в Тресколье», презентация и премьеры которых были там запланированы, принимали участие немецкие коллеги (фильм был переведён сразу с языка манси на немецкий).

На этот раз жители шести городов Германии (Берлин, Кёльн, Лейпциг, Халле, Штутгарт и Нойштрелиц) радовались и переживали за судьбы «Алёнки», «Мастера и Евдокии», бабы Шуры Анямовой из «Тресколья» и других коренных жителей Зауралья. Встречи были организованы моим немецким другом, этнографом, долгое время изучающим жизнь коренной Югры, – Штефаном Дудеком. В этот раз он был и менеджером, и переводчиком, и даже водителем. За редкими исключениями почти всю Германию мы проехали на его автомобиле.

Наиболее запомнились встречи в Штутгарте, Нойштрелице и Берлине (там существует русскоязычный частный кинотеатр «Кино-Крокодил». Когда я спросила у хозяина, почему «Крокодил», тот молча показал на потолок, где висела огромная чёрная рептилия, и ответил: «Осталась от прежнего хозяина, а я не стал убирать»).

– «Сибирский шаманизм» – выставка под таким названием в Линден-музее Штутгарта сразу же стала чрезвычайно популярной как среди жителей города, так и его многочисленных гостей. Она включает в себя около четырёхсот самых разнообразных экспонатов из этнографического музея Санкт-Петербурга, Линден-музея Штутгарта и личной коллекции Эриха Кастена, куратора выставки. Экспонатов, символизирующих духовную культуру наших народов, к сожалению, было всего шесть. Два дня в кинозале музея шли доклады о жизни и национальных традициях югорских ханты. В Штутгарте стояли выходные, прекрасная солнечная погода, и, тем не менее, люди не уходили из нашего зала. Поскольку мой видеомарафон не был поддержан ни правительством, ни депутатами, ездила я, в основном, за свой счёт (принимающая сторона несла какие-то расходы, но они были незначительны). Штефан в своей приветственной речи сказал об этом зрителям. В конце встречи к нам подошла одна очень пожилая женщина. Её так растрогали фильмы, что она решила предложить свою помощь.

– У нас существует клуб друзей музея, – сказала она, – мы хотим Вам помочь. Может быть, нужны какие-то расходы? Мы можем «сброситься», например, Вам на обратную дорогу... Этого я, точно, никогда не забуду.

Старинные замки и прочие сооружения здесь в большом почёте. В одном из них даже расположен кинозал. Причём не один, а целых два. А ещё небольшой ресторанчик, галерея и много прочих небольших, но весьма уютных помещений.

| О шаманах Сибири |

| О пользе старины |

Это – бывшая фабрика кафельных печей. Её нынешнему хозяину, Конрадту Хорсту, она досталась в 1945 году по наследству от отца. В одном из кинозалов этого старинного дома и проходила встреча с жителями Нойштрелица (в другом зале шёл новый фильм Вуди Аллена «Вики, Кристина, Барселона», и зрителей там было значительно меньше). У киноклуба фабрики кафельных печей (название так и осталось прежним) за 17 лет существования уже сформировалось своё культурное сообщество. В нашем зале, честное слово, не было свободных мест. Сам семидесятилетний Конрадт, просидевший в зале все три с половиной часа, сказал мне потом: «Сколько лет живу на свете, а впервые вижу, что где-то за Уралом живут такие люди».

Международный женский день 8 Марта мы тоже встречали среди старины – в трёхсотлетнем доме управляющего замком. Сам замок расположился в двух шагах, его занимал художник. А в доме управляющего живёт наша общая со Штефаном знакомая, Каролин Гроссе, она тоже не раз бывала в Югре. Раньше её семья арендовала часть этого дома, но власти передали его семье с условием, чтобы они сохраняли этот исторический памятник в надлежащем виде. На чердаке Каролин уже разместила авторскую фотогалерею и даже облас, вывезенный когда-то с Агана. В не менее колоритном подземелье пока живут только летучие мыши, но деятельная Каролин, думаю, найдёт применение и ему.

Что ещё запомнилось? Как носились на автомобиле ночью (потому что днём не успевали) по открытым павильонам бывшей киностудии «Дэфа», где в своё время были сняты все серии про Чингачгука с Гойко Митичем; страусы под дождём на страусиной ферме, коих в Германии множество (а также, кстати, и павлиньих, и верблюжьих, и даже «северно-оленьих»); открытый павильон в центре Берлина, где живут две медведицы, Макси и Шнутти (медведь находится на гербе города, поэтому и Макси, и Шнутти, и всех прочих представителей медвежьего племени здесь всячески холят и лелеют).

Запомнился и бывший концлагерь в Заксенхаузене, где не было «русских» экскурсий, потому что якобы они не пользовались спросом, как, кстати, и во многих других немецких музеях (во что в жизнь не поверю).

Кризиса в Германии я не увидела, о чём, конечно же, совсем не жалею. Возможно, он где-то прятался и подглядывал за нами из-за угла, пока мы носились по немецким автобанам... Ни одна из встреч не была отменена, более того, уже после моего отъезда в Сибирь Штефан провёл ещё одну встречу в Мюнхене, который тоже изъявил желание познакомиться с жизнью сибирских аборигенов. Обещанные деньги выплачивались вовремя и очень быстро. Строители строили, врачи лечили, продавцы продавали...

А вот о чём, действительно, жалею: оказывается, именно в Берлине «живёт» одна из самых выдающихся женщин всех времён и народов – Нефертити. С ней-то встретиться не удалось.

**| О страусах, медведях
и прочей экзотике |**

| О кризисе |

| Напоследок |

В Германии проходили встречи не только с теми, кто хотел познакомиться с культурой коренного населения Зауралья. Параллельно мы общались с режиссёрами, организаторами фестивалей, продюсерами...

Запомнилась встреча с продюсером студии «Л.Е. Визион» в Лейпциге, Симоной Бауман, которая после недолговременной беседы запросто пригласила нас к сотрудничеству, в том числе с одним из ведущих франко-германских каналов «ARTE»: *«Зрителей европейских каналов очень интересуют судьбы простых людей в России. Наш зритель должен сочувствовать, сравнивать, сопереживать...»*

| Плитки на тротуаре |

Впервые я увидела это в маленьком немецком городке Халле, неподалёку от Института этнологии имени Макса Планка, где проходила моя авторская встреча с коллегами, изучающими культуры малых народов мира.

Посреди аккуратной немецкой брусчатки, коей уложены, практически, все улицы большинства немецких городов, расположилась небольшая бронзовая плитка с чьим-то именем, датой рождения...

Штефан сказал, что в Германии так чтят память репрессированных евреев. *«В Берлине, возле дома, где ты будешь жить, целых две таких, – добавил он, – а придумала это соседка Анти (хозяйки квартиры, в которой я и находилась во время пребывания в столице Германии), писательница. Если хочешь, давай к ней зайдём, возьмём интервью...»*

Профессиональное чутьё журналиста подвело меня в тот раз. Программа пребывания в Германии была такой насыщенной, что никак не хватало времени на то, чтобы зайти к пожилой женщине, живущей всего в двух метрах от меня, и поспрашивать у неё: а ради чего? Хотя, в принципе, ответ стал проясняться почти с самого начала поездки. Германия – довольно маленькая страна. Очень многое в ней напоминает о прошлом. Да немцы и не отрешиваются от своего прошлого. Но я, приезжая, чувствовала – здесь пришло время взглянуть на него иначе.

Кстати, плитки на тротуаре – очень действенная штука. По крайней мере, два раза в день, выходя из дома и заходя в него, я чувствовала незаметное пребывание этих людей рядом с собой. Они жили в этом доме, и однажды покинули его, чтобы не по своей воле навсегда исчезнуть в неизвестности.

| Поезд памяти |

В Бонне, после встречи со зрителями Кёльна, я увидела ещё одно доказательство того, что немцы сегодня совсем по-другому относятся к своей истории: у перрона стоял так называемый Поезд Памяти, «Zug der Erinnerung», который колесил по Германии, «чтобы помнили». Внутри этого музея на колёсах находилась экспозиция, посвящённая детям, исчезнувшим в концлагерях. По словам моего кёльнского сопровождающего, поляка Ярека, муниципалитет Бонна даже не хотел впускать этот поезд на свою территорию, так сильна была память о тех событиях, так остро до сих пор чувствуют жители города эту боль.

Несмотря на ранний час, к входу в поезд-музей выстроилась довольно внушительная очередь. Мне нужно было уезжать в Берлин, график встреч был очень плотным, поэтому мы попытались проникнуть в музей с заднего хода.

Внутри, действительно, впечатляет. Документы, фотографии, дневники подростков от восьми до двенадцати лет. На секунду показалось, что в Германии и этим пытаются привлечь туристов, это своеобразный бизнес. Но – нет, показалось. Тем не менее, свою историческую память немцы ворошат самыми различными способами. Об этом говорят и восстановленный стеклянный купол Рейхстага, куда ежедневно спешат подняться тысячи туристов, и ставшая местом паломничества знаменитая площадь у Бранденбургских ворот. И даже то небольшое, что осталось от бывших концентрационных лагерей.

Между встречами я слишком увлеклась так называемой «свободной» культурной программой. Хотелось всё: в гости к друзьям, на крышу Рейхстага, на страусиную ферму и в музей к Нефертити...

Не помню, как пришла в голову мысль посетить ещё один из бессмертных символов Второй мировой, но когда эта мысль появилась, она засела в голове так прочно, что казалось – не смогу покинуть страну, пока не увижу это место.

Заксенхаузен – персональный лагерь смерти великого германского рейха. Его построили в 1938 году у порога Берлина, дабы в первую очередь упредить возможные восстания в бывшей красной столице. Почти все берлинские евреи, ставшие жертвами фашистских репрессий, были помещены сюда. Далее сжигали в печах, душили в газовых камерах, расстреливали всех: французов, англичан, югославов, болгар, поляков, венгров, немцев и русских... Цыган, гомосексуалистов, лидеров немецкой оппозиции... Сегодня подобные мемориалы сами немцы называют местом для размышления об истории. Действительно, здесь всё дышит памятью прошлых лет. Интересно, что чувствуют многочисленные туристы, тщательно пытаюсь заглянуть фотокамерой внутрь печи, на которой до сих пор лежат те самые носилки, что закидывали внутрь расстрелянных и задушенных? Что касается меня лично – было абсолютное ощущение того, что я ОБЯЗАНА была здесь быть.

В Заксенхаузене бывает много молодёжи (ежегодно мемориал посещает 850 групп берлинских школьников). И здесь каждый год в апреле собираются те, кому повезло остаться в живых, – бывшие узники лагеря.

Значение слова «память» предполагает определённые знания. А воспоминания – это хорошая инъекция. Вполне возможно, что именно они, бывшие свидетели всемирного позора фашизма, и сформировали, отчасти, ту новую память, которую сегодня я наблюдаю по всей стране. Дети и внуки поколения преступников стыдятся своего прошлого. Но они очень хорошо знают его. И это делает им честь.

| Лагерь смерти Заксенхаузен |

P/S. Правда, вот другим своим историческим наследием, Берлинской стеной, в Германии спекулируют отчаянно. Как сказал Штефан Дудек: «Кажется, её продали на сувениры уже в два или три раза больше, чем она была на самом деле...»

| Глава IV |

РЕКА ЖИЗНИ

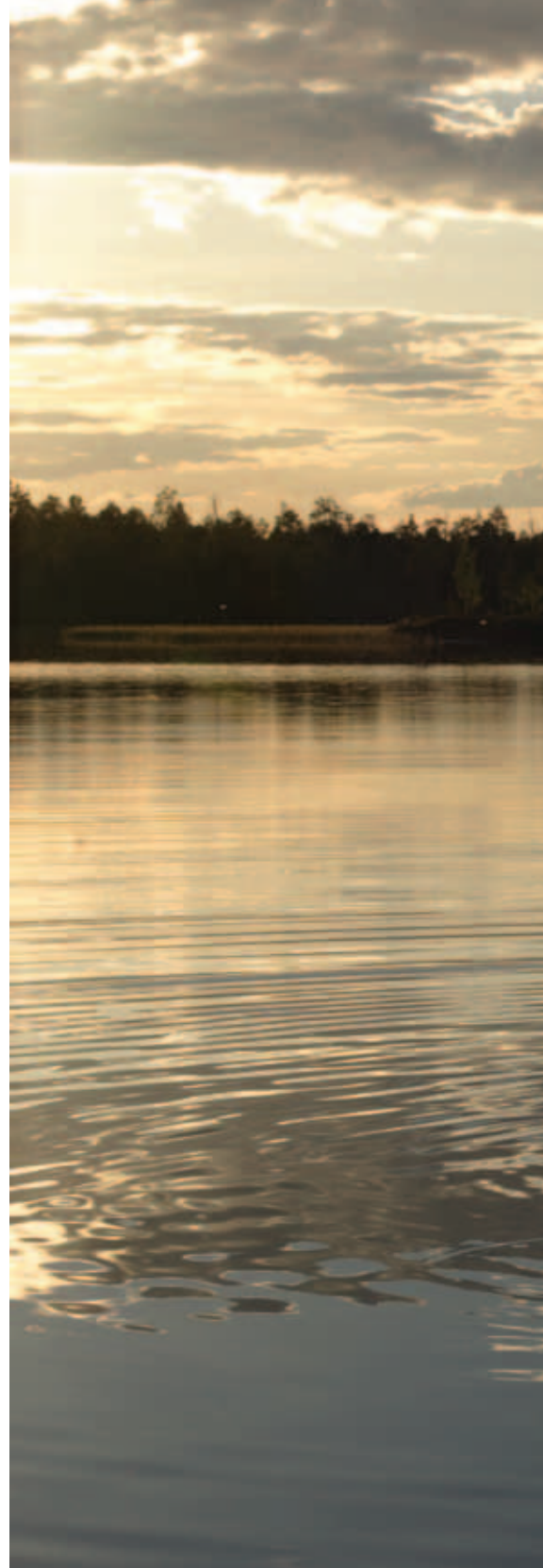
Мы все когда-то приезжали сюда временщиками: заработать на машину, еще получить какие-то блага, и уехать.

А что будет после нас – ни у кого голова не болела.

Сейчас, когда ты остался здесь уже на второй срок, на третий, на четвёртый, – ты уже начинаешь чувствовать себя коренным жителем, появилось такое ощущение, что небезразлично, что останется после тебя.

Вот когда ты чувствуешь это как своё родное, то уже рука не подымется сделать зло этой территории, этой реке, этому краю...

Владимир Ткачук,
Командор экспедиции «Лямин» (2001)
герой фильма «Река Жизни»
г. Сургут

Охота на медведя

Размышления после Медвежьих игр

В начале марта 2013-го мне пришло письмо из Германии. Писала докторант финно-угорского отделения Гёттингенского университета имени Георга Августа Анна Семёнова: «Уважаемая Ольга Геннадьевна! Нас заинтересовал Ваш фильм «Медвежьи пляски на Оби», который мы могли бы использовать на занятиях по культуре финно-угорских народов в нашем университете, а также для знакомства студентов с Вашей режиссёрской деятельностью. Есть ли возможность каким-то образом получить этот фильм? Нас интересует английская версия...»

По сей день эта тема является одной из самых ценных и востребованных.

Всем охота на медведя! Старикам – потому что дорого, молодым – потому что гены, бизнесу – потому что модно, науке – потому что «на медведя» деньги дают... Тут и этнотуризм есть на чём развернуть, и слова «бренд» и «тренд» пристроить, и перед международной общественностью похвастаться...

В общем, открытой информации о Медвежьих игрищах к 2016 году появилось, на мой взгляд, более чем достаточно, а «играть медведя» в Югре в последние годы стало привычным делом.

Значит, и знания о священном наследии малой родины у людей должны сформироваться соответствующие? Тем не менее, принимая однажды зачётные работы у студентов-филологов по курсу «Этножурналистика», я прочла: «...*Кардинально поменял моё мнение* (о народе ханты, – прим. автора) *один из фильмов про медвежий праздник, который был представлен на аудиторном занятии. Их поведение, шутки, смех вызывали у меня только негативные эмоции. Это было настолько страшно, что посмотреть это ещё раз я бы не решилась...*»

Фильм, который был показан студентам, мы смонтировали в 2005 году на основе уже отснятого Тимофеем Молдановым в 1991 году на хантыйском стойбище Синь-Юган (в районе реки Казым) материала. Там проходила одна из первых реконструкций обряда после его многолетнего запрета советской властью.

В марте 2016-го впервые за много лет состоялся такой праздник и у нас на Тром-Агане.

Хотелось не только увидеть воочию священное таинство, но разобраться самой и помочь разобраться другим людям, что же сегодня представляют Медвежьи игрища, как происходит трансформация традиции.

Но оказались мы, скорее, на непрерывном мастер-классе, где видеокамер и иных записывающих устройств было чуть ли не столько же, сколько самих исполнителей.

Сейчас даже и неважно, насколько соответствовал истине исполненный на Тром-Агане вариант древнейшего реликтового обряда Евразии. Задача стояла другая: записать, передать, возродить то, что смогли собрать воедино из казымских и тромаганских источников. Один из столпов, на которых сегодня держится восточная традиция, – коренной житель этих мест Сергей Васильевич Кечимов:

– Так всю жизнь бы и пел. В машине еду – слушаю, в телефоне у меня песни, вспоминаю, запоминаю. Если хоть одно слово забыл – не пойдёт песня...

Мои московские коллеги-учёные характеризуют Сергея Васильевича как выдающегося исполнителя музыкально-поэтического фольклора и знатока традиционной обрядовости обско-угорских народов. А также как последнего носителя устной мифопоэтической традиции восточных ханты. Между тем, уже много лет, вместо того, чтобы передавать традиции и возрождать священное искусство, Сергей Васильевич истово бьётся за родовые земли, которые беспрерывно загрязняют нерадивые природопользователи.

| В ожидании чуда |

| Традиция традиции рознь... |

Традиции лесных людей испокон веков строились на запретах. В марте на Тром-Агане на наших глазах один из запретов был нарушен.

Надежда Покачева: Нам-то, женщинам, конечно, нельзя петь, особенно священные песни. Но мы же поставили медведю стол, попросили, пусть он нам разрешит, чтобы в честь него его песни исполнить. С другой стороны, если бы женщины не было... У медведя же тоже женщина есть. Если бы их не было – на земле бы ничего не было. Это всё женщина творит. Вот поэтому и решили мы тоже спеть ему. Не хочется это терять.

- Трудно было решиться выйти публично петь?
- Конечно, трудно. Боишься. Есть ведь тут люди знающие...
- То есть как на экзамене стояли, боялись, да?
- Да (смеётся).

С другой стороны, считает хранитель казымского наследия Медвежьего ритуала, один из главных исполнителей Югры Тимофей Молданов, женщины сегодня могут добавить в общую копилку знаний то, чего, возможно, мужчины уже и не вспомнят.

Так умерла ли традиция? Или народилась?

Много ли ещё запретов придётся нарушить, пока обряд стабилизируется в современном мире? И приемлемо ли будет само слово «обряд»? Возможно, останется только «праздник». Или «шоу».

Один из самых лакомых кусков Медвежьего праздника – сценки из истории и бытовой жизни коренных жителей, где в комической форме высмеиваются глупость, скупость, жадность, лживость и другие пороки. Они-то и пошли в первую очередь гулять по фестивалям и национальным праздникам. Доступно. Привлекательно. Опять же, – бренд... Герой одного из моих фильмов, комментируя своё выступление в сценке, говорит: да я на Медвежьих игрищах и не был ни разу. Так, где-то видел, что-то слышал. Вот, придумываю, прыгаю...

В марте на Тром-Агане родилась сценка и на современную тему.

Аграфена Песикова: Все сценки, которые есть на Медвежьем празднике, породило время. Я решила показать в сценке недостатки чиновников, нефтяников и прочих «сопровождающих лиц», то есть то, что происходит у нас сегодня сплошь и рядом.

На стойбище к бедной неграмотной хантыйской женщине приходят чиновник и нефтяник. А женщина даже по-русски не разговаривает.

Нефтяник – чиновнику: «Как думаешь, можно обмануть эту женщину?»

Чиновник (думает): «Да, можно обмануть её».

Нефтяник – женщине: «Если ты подпишешь вот эту бумагу, разрешишь нам работать на маленьком пятачке тундры, – будешь жить бесплатно: бесплатно снегоход «Буран» тебе будем давать, бесплатно мотор, бесплатно бензин... Компенсацию будем давать, целую тысячу рублей в месяц!»

Женщина: «Ну, это очень мало...»

Нефтяник: «Да ты что! В советское время на такие деньги можно было купить не только машину, но и дом! Это очень большие деньги. А если ты не хочешь, ты можешь продать «Буран», мотор, и на эти деньги жить».

Женщина: «Как можно жить на эти деньги? Мне придётся дальше на охоту ездить, на рыбалку, а как я туда доберусь без «Бурана», без мотора?»

Нефтяник: «Всё будет хорошо, тебе всё будут привозить!»

Женщина подписывает бумагу.

Построили дорогу, появляется сборщик ягод. Собрал все ягоды, возвращается домой, думает: «Ой, надо охотнику сказать, моему соседу, там столько дичи, столько птиц! Пусть поохотится».

Теперь по дороге, что нефтяники построили, едет охотник. Сотню гусей перестрелял, двести уток, едет обратно и думает: «У меня же сосед рыбак-любитель, надо ему сказать!»

| Маски. Шоу |

| Сценка «Бедная хантыйская женщина» |

Приезжает рыбак: «Ну что сидеть с удочкой, сети поставлю, рыба-то так и плещет! А, что ждать эти сети – невод привезу».

Слишком много рыбы наловил, думает: «Ладно, я по соседям раздам, а то, что останется, начнёт гнить, – у контейнера выброшу».

Едет лесник, видит: 15 брёвен срубил женщина. Начинает её ругать: «Ты почему незаконно брёвна срубил?»

Женщина: «Ну я же в чуме не могу жить, мне дом нужен, в тепле надо жить». Лесник: «Тебе нельзя жить в доме, ты в чуме должна жить, иначе ты хантыйскую идентичность потеряешь. Вот я тебе штраф выписываю, 8 тысяч».

Женщина: «С чего же я буду платить?»

Лесник: «Не можешь платить – продай «Буран».

Женщина: «Не могу, мне ведь нужен «Буран».

Лесник уезжает, приезжает полиция. Полицейский хватает бедную хантыйскую женщину и сажает в тюрьму.

Какие ещё темы современные? Например, как ханты и русские не понимают друг друга. Это до сих пор проблема: непонимание между национальностями. Как живут дети в интернате: тоже есть недостатки, тоже сценки могут появиться. Это всё наша жизнь.

Так, с помощью Медвежьего праздника у коренных жителей может появиться ещё одна возможность диалога со светской властью. Если власть это позволит.

| Будет язык – будет и праздник |

Тимофей Молданов: Основа Медвежьего праздника – религиозная составляющая. Сегодня светская власть ещё не дала идеи. Вот при коммунизме, пусть мы очень много что забывали, но у нас идея была: мы светлое будущее построим. В это и я верил. А сегодня этой идеи, общей для всей России, нет. Каждый сам по себе, как может, так выкарабкивается в этой жизни. Поэтому религиозная составляющая сегодня как никогда нужна. В первую очередь нужно сохранять песни, передать главные знания следующему поколению...

Поэтому и ездит Тимофей Молданов по всей Югре, возрождая традицию с помощью специальной программы «Этноакадемия», инициированной Этнографическим музеем под открытым небом «Торум Маа». Сложность в том, что Молданов – носитель казымского диалекта хантыйского языка. А казымский от сургутского, на котором говорят восточные ханты, отличается как небо и земля, – уверяет поборник последнего Аграфена Песикова.

Поэтому если в Казымском регионе с возрождением традиции дела обстоят как нельзя лучше, то на тромаганской территории всё несколько сложнее.

Возможно, не за горами и версия Медвежьих игрищ на русском языке. А может, ну уже их, эти архаичные диалекты?...

«...Прогресс предполагает изменения в традиционном укладе жизни. Нам свойственно уничтожать одно, чтобы создать другое. Но и обратное тоже верно, – эти слова – из зачётной работы по курсу «Этножурналистика» ещё одной из моих студенток. – Невозможно стремиться к звёздам и одновременно есть сырое мясо на Медвежьем празднике...»

Уверяю – возможно. Горжусь, что жизнь свела меня с представителями нового, современного поколения хантыйской молодёжи.

Руслан Богордаев: Неоднократно, вот и в прошлом году, чуть ли не на Красной площади хотели Медвежьи игрища показывать – все наши категорически были против. Здесь много сакрального есть, чего нельзя на общую публику показывать. Вот традиционную одежду выносят на сцену, на публику, – она искажается: большие узоры появляются там, и так далее. Медвежий праздник тоже ждёт несомненное искажение, если это будут в массах показывать.

Одна из задач нашей молодёжной организации – успеть записать и сохранить то, что старейшины нам показывают. Стараемся городских ребят приобщать. У нас уровень владения языком не очень серьёзный, пока на базе сценок мы это изучаем. Там небольшой набор слов – справляемся. А вот задача максимум – научиться, чтобы каждый хотя бы по одной песне ритуальной мог исполнять.

**| New Horizons
(новые горизонты) |**

– Зачем?

– Чтобы сохранить и передать своим детям. Медвежья игра – это очень крепкое связующее звено с нашими предками, с нашей землёй, с нашими традициями, и, изучая их, мы чувствуем себя коренными.

Александр Айпин: Я, допустим, не хочу утратить тот фольклор красочный, который передавали нам из поколения в поколение. Ведь это же целый театр хантыйский: здесь и песни, и танцы, и сценки, и сказки...

Здесь раскрывается вся суть, душа и сердце народа. Душа северного человека, красочная, как северное сияние. Люди здесь собираются и поют, для себя, – про обыкновенную жизнь, про быт, про природу, про зверей, про птиц. Находясь бок о бок с природой, показывают и рассказывают это в танцах, песнях...

Цивилизация цивилизацией, но в телевизоре и в квартирке, в принципе, ничего хорошего нет, если ты там закроешься и будешь сидеть. Эти машины, вся эта суэта городская... Сейчас многие молодые ребята начинают осознавать, что отходить не надо, и сами к родному, к корням тянутся.

Я хотел бы, чтобы у нас на Агане тоже появилась такая традиция – медведя играть.

| Постфактум |

И всё же, во всей противоречивости и хаотичности тромаганского праздника удалось нам увидеть самое настоящее чудо. Среди нескольких десятков человек, прибывших под Русскинскую, был один, для посторонних незаметный совсем. Сидел в углу, слушал. На второй день начал петь. Невероятные, завораживающие пластика, голос... Молчали и слушали все, потому что не слушать было невозможно. Это был Семён Григорьевич Рынков.

Один вождь семинолов сказал: «Мы в коммерцию включили перья (традиционный головной обряд индейских вождей, – прим. автора), наш боевой клич, и всё. Это вы видите в фильмах, на праздниках... Остальное мы оставили себе. Табу».

Пытаясь анализировать то, что происходит сегодня с хантыйской культурой, смею предположить, что мы можем оказаться не столь щепетильны. Важно понимать, что такие, как Сергей Васильевич Кечимов, Семён Григорьевич Рынков, – это вовсе не бренд Югры. Это – наше табу.

Охота на медведя

Фотоэссе
| Елена и Евгений Романовы

Об особенностях местного этнотуризма

По сценарию видеофильма

В конце второго тысячелетия возник острый интерес к землям, принадлежащим коренному населению Югры. В начале третьего – к его культуре и традиционному образу жизни: в округе заговорили об этнотуризме. Но если с «хлебом», вроде, разобрались: нефти в закрома Родины поступало достаточно, то «зрелищ» иноязычное (от коренного) население в то время требовало все более настойчиво. А дело было новое. И внедрять его в массы, как всегда в таких случаях, начали сверху, чуть ли не волевым решением. Однажды мы снимали передачу про молодое хантыйское поколение. По одному из возможных будущих туристических маршрутов провёз нас президент Союза оленеводов Югры Степан Кечимов.

– В первую очередь, – энергично рассказывал по дороге Степан, – этнотуризм уда- рит по тем стойбищам, которые находятся у проезжей части. Удобная транс- портная схема в районе Когалыма позволяет проехать на машине, например, пря- мо к крыльцу дома Игоря Семёновича Ермакова...

Разговор наш был о плюсах и минусах этнотуризма. А ехали мы к тому самому Игорю Семёновичу: президент хотел вручить ему благодарственное письмо «За оказание помощи в проведении Первого Международного кинофестиваля «Дух огня», кото- рый недавно прошёл в Ханты-Мансийске. Ермаковы предоставили одну из оленьих упряжек для катания гостей фестиваля.

Присутствие оленьих упряжек на городских новогодних праздниках и таких меро- приятиях, как чемпионат мира по биатлону, в те годы становилось уже привычным. И горожанам в радость, и оленеводам лишняя копейка в бюджет. Игорь Семёнович и его семья, например, за ту зиму заработали себе на новенький уазик.

– Ну, а куда деваться, жизнь если такая пошла колесом? Теперь от этой жизни уже никуда не денешься. Люди сегодня привыкают к общественной жизни, и этим са- мым они как бы уже получают денежки. С другой стороны, хозяину надо шевелиться, надо семейный бюджет пополнять. Вот он зимой с нами два раза съездил на губер- наторскую ёлку, на Дух огня, поработал пару раз по десять дней, – пополнил семей- ную копилку, и вот весной уже машину купил. Я думаю, что есть смысл ездить. За- грузенность, конечно, большая, тяжело из лесу сразу в город куда-то там, и оленям непривычно поначалу, но зато и оплачивают нормально.

– И вот если с туризмом начнём работать, – продолжал свои размышления Степан, – я думаю, что там, где дороги подступают, хорошее подспорье будет к семейному бюджету...

Игорь Семёнович скромно стоял рядом и изредка (очень, как мне тогда показалось, не- уверенно) кивал головой.

Ведь одно дело – ненадолго вывезти упряжки в люди, и совсем другое – быть предме- том почти постоянного наблюдения в собственном доме.

Об одном из вариантов этнотуризма, как он это видит, Степан Кечимов рассказал уже на соседнем стойбище, Юрия Марковича Ермакова.

– Первая задача хозяина – ознакомить со стойбищем: про оленей расскажет, подведёт, наверно, к лабазу, к оленьим упряжкам, к нартам. Расскажет, как и для чего это всё делается, как строится... Допустим, дрова, мох, дымокур из чего, зачем это делается. Объяснит, что это от комаров защита, от овода...

Туристы, которые приезжают, им интересно, там будет куча вопросов. Вот у хозяина вопросы-ответы, вопросы-ответы...

Потом он гостей, наверно, должен завести домой, в чум, в избушку, там хозяйка их встречает национальной кухней. Наверно, это будет угощение рыбой, мясом. Захотели люди здесь денёк пожить, отдохнуть, – хозяин им специально какую-то избушку выделяет, они отдохнули в этой избушке.

Захотели на следующее стойбище, – пожалуйста, он их проводил на следующее стойбище. Захотели люди на охоту сходить, – пожалуйста, Юрий Маркович берёт их с собой, ружья у него есть, наверно, запасные. Сводил он их на озеро, хорошее у него здесь недалеко озеро есть, буквально два километра, они на удочку там порыбачили, в сеть рыбу поймали вместе с хозяином, принесли эту рыбу домой, вместе сварили, вместе покушали... Вот это, я считаю, туристический уже бизнес будет. Я так вижу.

Я смотрела на хозяина стойбища, Юрия Марковича, и думала: возможно, придётся пройти будущим экскурсоводам курс риторики, уж очень они пока молчаливы. Возможно, придётся выучить определённые инструкции: о чём можно говорить, а о чём нельзя. Ведь наверняка захотят будущие туристы узнать, как живётся тому же Юрию Марковичу по соседству с нефтяниками.

Но это – для тех, кто готов принимать туристов. Пока они – в меньшинстве.

«Поживём – увидим» – такой ответ на вопросы о будущем почти у всех. Не умеют ханты думать о завтрашнем дне. У них – свой жизненный круг.

В начале двухтысячных коренное население уже хорошенько трянуло: вышедший Кодекс о земле и разграничение властных полномочий практически ликвидировали их право на землю. С появлением идеи этнотуризма над ними навис ещё один эксперимент: ведь не горшки в музее, жизнь придётся выставить напоказ.

Свою же задачу как президент Союза оленеводов-частников Югры Степан тогда видел в следующем:

– Вот горожане говорят: почему мы живём вокруг оленей, а не видим оленей? Ребятишки наши не знают, что такое олень. Многие мэры городов сами хотели бы привлечь оленеводов, чтобы базовые стойбища, чумы эти с оленями находились в каждом городе нашего округа. Моя основная задача, я считаю, – совместить полезное с приятным. То есть, чтобы и люди наши заработали, и горожане были довольны тем, что они, действительно, живут в Ханты-Мансийском автономном округе, где есть олени.

Венгерская рапсодия Якова Сопочина

Вскоре после этого мне пришлось работать со съёмочной группой центрального телевидения Будапешта. Была весна, ребята довольно много снимали в Ханты-Мансийске, в Сургуте, но не могли уехать, не побывав на самом настоящем стойбище. Сложность была в том, что в межсезонье уже, практически, не попасть в настоящее таёжное жильё – снег таял, на снегоходах уже нельзя, а на машинах ещё нельзя проехать. Вертолёт венграм оказался не по карману, а времени почти в обрез – буквально через день им нужно было улетать в Москву.

Я в растерянности теребила телефонную книжку, и вдруг наткнулась на подходящую, как мне тогда показалось, фамилию. Мне не хочется её называть, но история, которая до сих пор очень чётко хранится в моей памяти, очень показательна.

Яков, назовём его так, довольно живо откликнулся на предложение отвезти нас в тайгу, но сразу предупредил: нужно заплатить. *«Люди своей работой занимаются, хозяйством, рыбу ловят, за оленями нужно смотреть, чего они с вами целый день возиться будут!»* Венгры согласно закивали головами: конечно, такая удача! *«И обязательно возьмите подарки, – шёпотом добавляю я, – бисер, батарейки...»*

Стойбище, которое Яков для нас определил, находилось неподалёку, на территории Ульт-Ягунского сельсовета. *«Там у меня родственники живут, кое-как уговорил!»* На следующее утро собрались.

До Ульт-Ягуна за час без проблем доехали на арендованной в Сургуте машине, венгры оживлённо что-то спрашивали у Якова, тот так же воодушевлённо отвечал... Затем Яков посадил нас в свою «шестёрку», сам он взял с собой малолетнего сынишку, и мы уже по бездорожью двинулись до следующей точки назначения. Остановившись ещё через час возле мостика через небольшую речушку, стали ждать. Прошло немного времени, и прямо из-под моста, по-киношному красиво, на нас вылетели два снегохода с нартами.

Все уселись поудобнее, венгры распаковали свою аппаратуру, и мы двинулись в путь. Солнце уже стояло высоко, снег празднично поблёскивал, у парней блестяли глаза в предвкушении эксклюзивного материала, мысли наших проводников были нам пока неизвестны, но работали они слаженно и на подъёме.

Приехали на стойбище. Пока хозяин с сыном (а именно они оказались нашими проводниками) разводили снегоходы по местам, мы зашли в дом. Никакого намёка на домашнюю хозяйственную занятость и суету. Мама с дочкой сидели на женской половине в нарядных (я могла поклясться – ни разу не надёванных) платьях, сложив руки на коленях. Было совершенно очевидно, что подобное для них впервые. Яков же, переодевшись в малицу хозяина, уверенно берёт ситуацию в свои руки и начинает экскурсию (точь-в-точь по сценарию, который рисовал для меня когда-то Степан Кечимов). Он обстоятельно рассказал и показал съёмочной группе,

как сшита национальная мужская одежда ханты, подвёл к сараю, где хранилось ружьё и прочие мужские вещи, рассказал о различных способах охоты... Затем все сели на нарты и отправились к проруби на озере, где стояла мордушка. Там Яков наглядно показал, как ханты ловят рыбу национальным способом... Потом он рассказывал что-то ещё, и ещё...

Яков оказался весьма талантливым режиссёром. Он рассказывал всё без остановок, но достаточно медленно для того, чтобы съёмочная группа могла качественно сделать своё дело. В общем, венгры были довольны.

Заходим в дом. Яков и тут не умолкает: начинает рассказывать про обстановку классической хантыйской избы. Тут происходит ещё более неожиданное: хозяин, видимо, совершенно не знавший, как проявить себя, выходит из избы и через некоторое время заносит в дом бубен. Надо сказать, что бубен до сих пор на многих стойбищах является таким же необходимым атрибутом хантыского быта, как олень, ружьё или мордушка для ловли рыбы... Но далеко не всегда, не каждому даже родственнику, а уж тем более гостю, его показывают. Это табу. Поэтому лично для меня это был просто шок. Для венгерской же съёмочной группы – пик удачи.

Не торопясь и чувствуя, что наконец-то завладел вниманием гостей, хозяин уселся на середину избы и начал потихоньку свои музыкальные импровизации. Венгры буквально упали на пол, чтобы найти наиболее выигрышные ракурсы: с одной стороны камера, с другой – фотоаппарат. Я тоже нехотя потянулась к своему инструменту, но не для того, чтобы снять человека с бубном, – я снимала работающих венгров, интуитивно предполагая, что когда-нибудь мне это обязательно пригодится. И, как сейчас помню, – мне было неудобно.

Вечерело. Пора было собираться в обратный путь. Перекусив, как положено, чем-то традиционным, раздав подарки, мы тронулись. Доехав до моста, стали прощаться. Венгры достали деньги и протянули Якову оговоренную ранее сумму. И тут происходит просто невообразимое. Яков говорит: «Это хозяину. А Сереже? Он же тоже вас возил». Венгры отходят в сторону и начинают совещаться. Чувствую, как бюджет съёмочной группы на глазах распадается по швам. *«И передай им, мне же тоже надо, за работу, за то, что день потратил»*, – добавляет Яков, как ни в чём не бывало. Неловкая ситуация затягивается. Ханты ждут, венгры в замешательстве, я от стыда готова буквально провалиться под землю, чувствуя себя виноватой: ведь это же я всё организовала...

Конечно же, ребятам пришлось расплатиться. Всю обратную дорогу ехали молча. Распрощались с Яковым сдержанно.

Доехав до гостиницы, я тоже попрощалась с коллегами, тоже обменялись подарками... Расстались друзьями. А те две кассеты я храню до сих пор.

| Кадры из фильма |

Хейкки Туккила, широкой души человек,

или Жизнь напоказ по-фински

Путевые заметки

Во время одной из своих поездок в Финляндию, а было это в ноябре 2008-го года, я познакомилась с Аннэ, куратором общества «A-i-R». На творческой встрече в городе-партнёре Сургута – Порвоо, она вместе с остальными зрителями отсидела три часа, а затем подошла ко мне и предложила двухмесячный контракт с обществом, которое она возглавляет. «Когда бы Вы хотели приехать – весной или осенью?» Конечно, осенью. Вскоре после моего приезда в Сургут пришло приглашение. Так, осенью 2009-го на целых два месяца я отправилась в самый, наверно, сказочный город Финляндии.

Собираясь писать про фермерские хозяйства в Финляндии, я, конечно же, искала самые необычные. Ферму Туккила нашла в рекламном проспекте Порвоо, она находится всего в десяти километрах от города, и лично меня привлекла тем, что здесь разводят лам, афганских борзых и лошадей финской породы. Подумалось тогда: ведь финская ферма – это, по сути, то же стойбищное хозяйство наших лесных людей. И я поневоле начала сравнивать.

Высокий уровень жизни позволил развить в Финляндии разнообразные перво-классные сервисные услуги, а членство в Европейском сообществе привело цены на разумный среднеевропейский уровень. В Финляндии сложное отношение к Евросоюзу, и тем не менее, именно благодаря этому около пятисот фермерских хозяйств однажды рискнули выставить свою жизнь «напоказ». Сегодня они включены в сеть туризма страны и предлагают занимательный отдых на своих фермах. Например, одна из местных ферм, «Лабби», продаёт «безмятежность сельской жизни», знакомя с производством экологически чистой сельскохозяйственной продукции. На севере Финляндии, в Лапландии, больше всего собаководческих ферм, где голубоглазые собаки-хаски «с удовольствием» таскают упряжки с туристами. Хозяйство Туккила тоже с удовольствием принимает многочисленных гостей. Правда, здесь несколько иные стартовые позиции.

– В 1830 году вот это место начало жить, – рассказывает молодой глава семейства Хейкки Туккила... Далее – четыре часа непрерывной ходьбы по хозяйству и потока информации. Из поколения в поколение здесь успешно хозяйствует род землевладельцев и фермеров Туккила (к сожалению, мне так и не удалось выяснить, каким образом эту преемственность не прервали ни раскулачивания, ни экспроприации). Сам Хейкки начал работать здесь с 1981 года, а в 2003 году возглавил хозяйство (родители, кстати, живут неподалёку). У него есть дочка Пепина 12 лет, десятилетний сын Роберт и жена Оути, по совместительству экономист и бухгалтер («она сегодня на курсах»). Когда в 2003 году сам Хейкки занялся фермой, в первую очередь отремонтировал и отреставрировал все дворовые постройки: сараи, амбары и прочее.

Ещё у них примерно 50 гектаров полей и 50 гектаров леса.

Хейкки показывает нам домик амбарного типа, который они сейчас сдают в аренду: «Там сейчас живут мужчины, я надеюсь, ты не будешь сейчас там снимать...»

Возраст амбара – примерно 130 лет. Это самая старая постройка. В летний период здесь с удовольствием живут отдыхающие, а в остальное время те, кто работает в окрестностях Порвоо. В данный момент здесь проживают люди с нефтеперерабатывающего комбината НЕСТЕ. Но, вообще-то, жить здесь можно не только в амбарах. Мы подходим к своеобразному домашнему музею. Здесь всего очень много, и всё очень старое. На стене – фотография 1930 года. Там мама и отец Хейкки на лыжной

прогулке. Рядом – лыжи («те самые»).

На берегу – спортивные лодки.

– Если люди не живут здесь, но хотят прокатиться, тогда надо заплатить 5 евро – и они могут пользоваться этими кануэ, если живут – тогда бесплатно. В год примерно 2 500 туристов приезжает сюда...

Бизнес растёт, и Хейкки очень доволен. Что интересно лично ему? Хейкки любит лошадей финской породы: «Они лучшие в мире! Всё умеют». 18 лет назад он занялся их разведением. С гордостью рассказывает о своей мечте: разводить самых редких лошадей, белых и чёрных. Белых лошадей этой породы в Финляндии «кажется, всего пятнадцать. Одна – у меня». И он этим гордится. Продаёт Хейкки лошадей только в том случае, если сам лично убедится, что у тех будет хороший, тёплый, «подходящий» дом: «наши лошади всегда должны быть в стае».

Знаменитая баня по-чёрному. «Она лучшая в мире», – снова говорит Хейкки. Но в его голосе я слышу не заученность рекламно-застывающих фраз, а снова – настоящую гордость работника (иногда семья Хейкки трудится по 12, а сам он – по 16 часов в день). И ещё: кажется, что всё, что он рассказывает, проводя эту экскурсию, он рассказывает только для нас, а не повторяет это почти ежедневно для тех самых двух с половиной тысяч туристов в год. И это вызывает безумную симпатию к простому финскому парню. Итак, баня (сауна, как её здесь называют).

Для того, чтобы её приготовить, нужно семь часов. Три часа греют, потом четыре часа этот дым рассеивается, и потом только сауной можно пользоваться.

– Проблема с русскими туристами в том, – говорит Хейкки, – что они не представляют себе, что такое русская сауна (баня по-чёрному). Они хотят в тот же день прийти сюда попариться, а эту сауну надо начинать готовить в предыдущий день.

В летний туристический период здесь греют сауну «наверное, раз 40», настолько она популярна. Если смотреть экономическую сторону – для одного человека эта сауна стоит 30 евро, но сюда входит обслуживание: подготовка сауны и традиционное финское угощение – колбаса (её хозяйка жарит в то время, когда греют сауну).

В предбаннике – книга для гостей. Вот одна из записей, по-русски: «Пусть вашу баню ещё сто лет топят ваши дети и внуки!» (Кстати, эта публикация тоже сейчас находится в этой книге).

– Готовы ли Ваши дети принять дело родителей?

– Я надеюсь, что так получится, – отвечает Хейкки. – По крайней мере, дочка, она уже хорошо знает английский и водит гостей на экскурсии, всё им рассказывает.

– Бывает, что люди, которые однажды сюда приехали, потом возвращаются не единожды?

– Да, много раз.

– Я тоже сюда вернусь, – обещаю совершенно искренне. Очень хочется сразу пригласить сюда всех знакомых.

Сложить печь и починить трактор для Хейкки тоже не проблема. Он «выучил себя» в сельскохозяйственной академии: «один год – по уходу за полями, один – за сельскохозяйственными машинами». Плюс опыт родителей. Вот, собственно, и весь секрет успеха. Кто помогает? В горячий сезон принимают двух работников. В остальное время они с женой управляют.

Наконец дошли до вольера с ламами.

– Их корни южно-американские, но приехали они сюда из Швеции. А вот эти, маленькие, они родились в мае...

В интернете я прочитала, что лам Туккила разводят для продажи высококлассной шерсти, поэтому с огромным удовольствием услышала от Хейкки, что лам они держат для удовольствия: «чтобы радовать и свой глаз, и туристов. У нас сейчас шесть лам, но если будут хорошо размножаться, то, возможно, будем продавать».

В доме также имеется четыре афганских борзых.

– В семье Оути афганские борзые были уже почти 20 лет.

Кстати, выведенные Туккила афганские борзые и гончие славятся и в Финляндии, и за рубежом, побеждают на выставках. Ну вот ведь могут себе позволить жить так, как хочется!

– А как складываются отношения с государством? – начинаю задавать «скользкие» вопросы. – Налогами не душат?

– А мы друг другу не мешаем. Единственное, когда начали предлагать завтраки туристам, нужно было заручиться разрешением на то, что должны готовить здесь еду, и всё. Это была единственная сложность, всё остальное – нет никаких проблем.

Да, они платят налог за недвижимость, за землю, здесь нет ничего необычного...

– Но если ламы – для души, кони – для души, собаки – для души, от чего тогда прибыль?

– Четверть идёт от сельского хозяйства, – отвечает Хейкки. – Около десяти гектаров – зерновые. Остальное всё под сено, его заготавливаем для лошадей, которые здесь как бы в аренде находятся (люди заводят лошадей и содержат здесь, потому что знают – Хейкки лошадь не обидит).

Итак, – ещё одна четверть – от содержания лошадей. А половина – от туризма. Как кризис отразился на хозяйстве? Он не заметил, чтобы уровень их жизни стал хуже...

Кстати, специфика финских поместий определяется тем, что они не входили в состав близлежащих городов и посёлков и способны полностью обеспечивать себя продовольствием и прочими необходимыми вещами. В прошлом они обычно являлись центрами культуры в сельской местности. Сегодня они представляют собой важнейший элемент финской культуры.

***P/S.** А теперь давайте попробуем прочесть это всё заново, заменив слово «Финляндия» на слово «Югра», слово «ферма» на слово «стойбище», и немного пофантазировать...*

Река Жизни

| По следам Ляминской экспедиции |

Осенью 2002 года я познакомилась с Владимиром Емельяновичем Ткачуком. Накануне вместе с командой единомышленников он совершил экспедицию по заповедной реке Лямин Сургутского района.

Среди коренных жителей Югры река Лямин считается священной. В переводе с языка ханты это – Река Жизни. По преданиям, здесь живут Духи. Они приходят на помощь всем, кто нуждается в пище и духовной поддержке.

Осваивая все новые и новые месторождения, нефтяники совсем близко подошли к этой территории. Экспедиция «Лямин» отправилась в эти почти неизведанные места, чтобы зафиксировать то, чему вот-вот суждено исчезнуть с лица земли.

Наравне с членами экспедиции в путешествие по реке отправился и Александр Черняев, оператор популярной тогда телепрограммы «Клуб кинопутешественников», которую, я надеюсь, помнят многие из читателей. Из привезённого видеоматериала нужно было собрать хороший видовой фильм. Во время экспедиции Владимир Емельянович вёл дневник, который и лёг в основу этого фильма.

Приблизительно семь-восемь лет тому назад мне начали рассказывать рыбацкие байки о том, что есть такая речка, где рыба водится огромных размеров, и всего другого там в изобилии: грибов, ягод...

Как всякий нормальный человек, я этим байкам верил, а потом и самому довелось попасть на Лямин.

Действительно, места сказочные. Меня поразила красота. Я не ожидал, что в нашей равнинной местности: тайга, болота, – вдруг могут оказаться сопки, горы, как я их уже

| Про идею |

теперь называю, – чтобы это вот так впечатляло! В общем, я на этой речке прижился. А однажды захотелось пройти её всю, до последнего поворота. Так возникла идея.

| Про команду |

Надо было собрать команду единомышленников. То есть команду не рвачей, цель у которых только одна – нахапать, а людей, которые равнодушны к нашему краю, к нашей природе, которые воспринимают это как своё родное. Ведь когда ты уже чувствуешь, что это родное, – ты понимаешь, что это губить нельзя. Это невозможно загубить, потому что это твоё. Как не можно сделать зло своему ребенку, например. Мы можем на него просто сердиться, потому что он нас не понимает, но зло сделать мы не можем.

Так появилась мощная хорошая команда. Как мы говорили: собрались пятидесятилетние старцы, которые решили пройти реку.

Начали копаться в литературе, полистали архивные материалы, которые водились по этой теме, и нашли, что, в принципе, никто из ранних исследователей, людей умных, учёных мужей, вообще эти места не обследовал, а если обследовали, то поверхностно. Ну, летали там с вертолётом нефтяники, определяли, есть здесь нефть или нет. Ходили какие-то отдельные рыбаки, ловили рыбу, охотились, но, в целом понятия о реке ни у кого не сложилось. Поэтому чувство, что ты побываешь в местах, где люди вообще бывали очень редко, каждого из нас коснулось...

Из дневниковых записей:

...С утра были проводы: давали интервью на взлетной полосе, было телевидение, газеты... Фотографировались на память со спонсорами. Казалось, все отлично, настроение приподнятое. С нетерпением ждём встречи с неизведанным. Готовясь к экспедиции, нашли в архивах много интересного. Встречались даже записи, будто в верховьях реки видели снежного человека.

Выгружались быстро, в болото, за сто метров от реки, под проливным дождем: ближе вертушка подобраться просто не могла.

На перенос груза ушло 6 потных часов. Река нас встретила настороженно...

Подходящее место для ночёвки нашлось через 5-6 километров пути. Разбили лагерь, поставили палатки...

Перекусили: горячего не готовили, чай с брусникой. Устали до чертиков. Спать, спать...

Я раньше по Ляме на разных моторах ездил, и они обязательно глохли. Это продолжалось почти год. Был рубеж, через который меня река не пускала. И вот в последний раз еду с ребятами, у меня в очередной раз глохнет мотор в лодке. Мотор совершенной фирмы, «Меркурий», не едет.

Я пытаюсь завести этот мотор, оглядываюсь на противоположный берег, а там сидит старуха с клюкой, старая хантыйка, и на меня внимательно смотрит. У меня мурашки не мурашки, но что-то в душе начало происходить. Ребятам говорю: мужики, кто-то смотрит на нас. Оглядываются – точно, сидит старуха с клюкой, и внимательно, не поворачиваясь, смотрит. Спускаемся ниже – нет старухи. Ну я же упрямый человек – мы подъезжаем к этому месту. Оказывается, упала, видимо, от ветра, большая сосна, и корнями вывернулась в сторону реки. А корни настолько причудливо сплетены, что издалека и складывается впечатление, что сидит старуха.

Я начал с ней разговаривать, с этой старухой:

– Я ведь не браконьер, я не хочу тебе зла. Я приехал сюда, потому что мне интересно, мне здесь нравится. Ты мне помоги...

И, вы знаете, в этот же день, практически, после нашего разговора, она мне помогла. Мы с ней договорились, просто договорились. Мотор у меня завёлся, мы вышли в верховья, и с тех пор у меня препятствий на Ляме нет. Более того – ни один день, ни одну мою рыбалку я не уходил с Лямы, не поймал щуку в пределах 10-12 кг. Ну, а всех мелких щурят я отпускал.

Вот что такое Ляма. Это, действительно, река Духов. Что-то мистическое в этих местах существует, и просто так наехать, как у нас иногда крутые делают, – это невозможно. Надо нормально договариваться, по-человечески. Говорить о том, что ты не принесёшь вреда, и ты будешь беречь всё это... Ну, может, не вслух, хотя бы в душе, такое ощущение должно возникнуть – ты должен беречь эту реку. Вот тогда тебя тайга, река, без разницы что – оно пустит тебя. А так – нет.

| Про Хозяйку |

Из дневниковых записей / День 6-й:

Сегодняшний день нам принёс сюрприз. Через пару часов похода дошли до ручья. В ручье привязана «Казанка». Дали ракету, и минут через сорок, как привидение, на облаке выплыл человек. Познакомились. Хоров Сергей Михайлович. Пригласил к себе в гости, «на летние квартиры». Взяли оружие, фототехнику, и пошли берегом по указанной тропе.

Много лет назад приняла река предков старого таёжника, спасавшихся от репрессий Казымского восстания. Приютила, делилась своими богатствами. И дальше бы жил, горя не зная, под защитой у надёжной кормилицы, да таять стали дары щедрой реки. Видимо, и здесь, в глуши, сказываются уже прелести нашей цивилизации.

Сергей неплохо управляет с мотоциклом, но добраться куда-либо не может – на реке уже много лет завал, а вертолёты прилетают только к соседям, на землях которых идёт добыча нефти. Кстати, за нефтяников стоит горой, говорит, они очень хорошо помогают, но только тем, у кого заняли земли.

Ягоду и рыбу, которую он собирает, можно было бы сдавать, да вот некому. Так и живут. Фамилия Хоров пошла от слова «хор» – олень по-хантыйски, и не просто олень, а боевой бык, самец. Хотя вместе с ним на стойбище уже много десятков лет живут две жены, детей они так и не нажили, не получилось.

На стене зимнего стойбища мы обнаружили интересную запись. Оказывается, здесь был известный английский эколог, прилетал на вертолёте.

Кстати, старый ханты предупредил нас, что завал, перекрывающий, практически, всю реку на протяжении полукилометра, существует с тех пор, сколько он себя помнит. Крутая излучина способствовала тому, что подмытый лес, идущий сверху по реке, прибывало к берегу и наваливало один на другой на высоту двухэтажного дома. Со временем он покрылся молодой порослью, и сегодня на нём растут взрослые берёзки.

Фотографировались на память с жёнами Хорова. Насте – 70. Таня – жена молодая, ей всего 52. – Однако с реки Берёзовой будет, ёлка-палка!

В общем, весёлый ханты оказался, говорливый. Весело жалуется на жизнь. сетует, что на его землях нет нефтяников, без их помощи прожить трудно.

Посидели. Операторы снимали быт. На прощанье угостил хозяин свежей оленьей. Просил передать в администрацию района, что нужно ему сливочное масло: олень, мол, нынче шибко пресный.

Ближе к вечеру дошли до завала. Ляма как будто приготовила нам испытание: мол, сдюжите ли, мужики? И впрямь, такого нам ещё не встречалось: река забита брёвнами на протяжении полкилометра. Прохода нет. Появилось ощущение, что дальше не пройдём вообще. Чего греха таить: маленько растерялись.

В поисках дороги обнаружили древний волок, которым, видимо, пользовались с давних времен.

| Фото из архива Владимира Ткачука |

Просеку для перетаски рубили несколько часов. Наконец пробилась. Таскали лодки, моторы, топливо и провиант. В конце работы на просеке прибили памятную табличку, кто и что в этом дурном буреломе делал. На память будущим – таким же. Выдержав экзамен на прочность, идём дальше, с чувством гордости за себя, и уже на равных продолжая диалог с рекой.

Показав свой характер, теперь, как нам кажется, она даже с удовольствием демонстрирует свою красоту.

Нашли ручеёк, решили пройти по нему с металлоискателем. В одном месте в наушниках загудело. Интересно...

Ханты, с которыми я разговаривал до экспедиции, говорили, что где-то в верховьях наши прадеды мыли золотишко. Мы не ставили целью открыть золотые прииски, но подтверждение этому хотелось бы иметь. И мы его получили. Мы нашли это место, и не одно. Но! Мы хотели дойти до конца всем составом, в целостности и сохранности. Не «отравиться» по пути бледной поганкой, не быть где-то застреленным... И когда в наушниках зазвучал этот сигнал, зуммер от металлоискателя, определяющий, что там есть цветной металл, я сказал: «Ребята, мы должны дойти до конца этой экспедиции, поэтому мы это дело выключаем, грузимся в лодочки и уходим».

| Про золото |

Из дневниковых записей:

Вечером на стане лечились от золотой лихорадки. Бэц опять пытался выйти на связь, бесполезно. Сургут нас не слышит. В наушниках шум, треск и почему-то китайская речь. Пробовали кричать по-китайски – откликаются. Во техника!

Обследуем по дороге все протоки, в одной нашли хантыйскую запруду. Проверили морду, стоит давно, вся в тине, оставили её на берегу просохнуть. Такой способ рыбалки нам не подходит.

Ниже по реке, ещё через несколько поворотов у берега увидели лодки. Опять стреляли ракетами. Скоро вышел молодой парень. Зовут Алексей. Цивильный, в очках, лет двадцати от роду. Вышел и хозяин угодий, Кечимов Михаил Дмитриевич, тоже цивильный, золотыми зубами сверкает. Брали у него интервью, больше брать было нечего.

Рассказывал нам много интересного, правда, очень путано: про реку, про Святую гору, что ниже по течению. Спросили, можно ли снимать кино на Святой горе. Кечимов ответил, что можно.

Про себя сказал, что живет он постоянно в Горном, оленей у него восемьдесят голов. А здесь с сыном избу рубят.

| Про снежного человека |

Дошли до слияния первой и второй Лям. Погода солнечная, очень тепло. Пошли на Святую гору. Хотя после разговоров с Кечимовым и были готовы к встрече со священным местом, всё равно стало как-то не по себе: гора буквально насыщена каким-то необъяснимым магнетизмом. Ощущение того, что постоянно кто-то смотрит в спину. Кажется, именно в этих местах и видели снежного человека.

Когда мы готовились к экспедиции, листали литературу, мы обнаружили, что где-то в верховьях реки люди видели, и неоднократно (и есть тому литературные свидетельства!) снежного человека. Они называют его йети, лесной дух, но суть не в том, как они его называют, суть в том, что он существует. Хотелось бы как-то повстречаться с этим существом. Не для того, чтобы его там... добыть, не дай Бог. Хотелось бы, может, просто попытаться сойтись, переговорить. Может быть, он шерсть потеряет, какую-нибудь шерстинку там, на пробу взять...

Из дневниковых записей / День 16-й:

Решили подняться по первой Ляме.

Километра полтора вверх по течению, совсем рядом со Святой горой, брошенный посёлок геофизиков. Само место очень красивое, но испохаблено до невозможности. Чувствуется, что теперь уже перед рекой стоит серьёзное испытание. Выдержит ли она его? Вспомнили про таёжного могиканина Хорова. Для таких, как он, Ляма – последний рубеж, дальше уходить будет некуда.

Движемся дальше с грустью и даже некоторым чувством вины.

Дошли до слияния трёх Лям. Удивительно красивые места. Только ради того, чтобы увидеть всё это, стоило затевать экспедицию. Распирает от восторга.

Остановились на два дня.

Мы все когда-то приезжали сюда временщиками: заработать на машину, ещё получить какие-то блага, и уехать. А что будет после нас – ни у кого голова не болела. Вот сейчас болит. Сейчас у тех, кто остался как бы на второй срок, на третий, на четвёртый... Заработали уже на машину, на дом, на квартиру, ещё, и ты уже начинаешь чувствовать себя коренным жителем, появилось такое ощущение, что безразлично, что останется после тебя.

Река эта для меня тоже теперь река Жизни. Вот когда чувствуешь её как своё родное, как своё дитя, то уже рука не подыметься сделать зло этой территории, этой реке, этому краю...

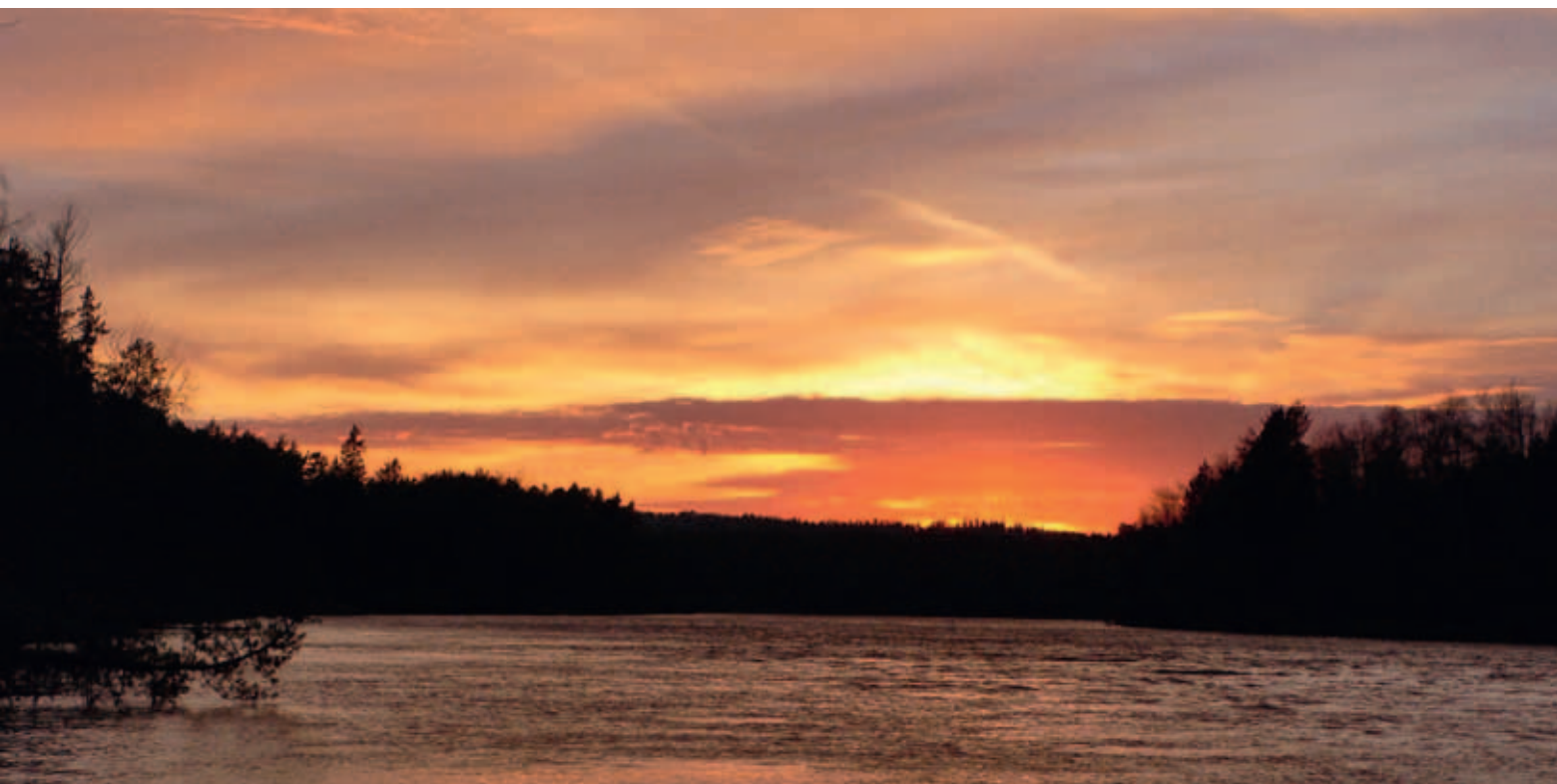
Из дневниковых записей:

Поймал рекордную щуку.

В лесу появились белые грибы. Вкуснятина, пальчики оближешь.

Который день идём по маршруту. Достаёт дождь. Ниже по реке всё больше опасность встречи с медведем, следы хозяев тайги здесь почти на каждом песке, плывём серединой реки.

| Про жизнь |

Вечером встали на ночлег. Идёт дождь вперемешку с водяной пылью, но на это уже никто не обращает внимания – привыкли...

Ну, вот и всё! Скоро финиш. Тщательно собираем и красиво упаковываем вещи, моем лодки, подклеиваем рекламу спонсоров на борта. Но делаем всё это как-то механически, каждый думает о другом. В душе – какое-то непонятное смятение. За долгие дни экспедиции мы свыклись с рекой, с тем таинством, которое она приоткрыла, доверившись нам.

| Другими глазами |

Мы шли в экспедицию одними людьми, возвращаемся другими. Надеялись познакомиться или хотя бы найти следы снежного человека, проверить технику, испытать себя. Наконец, просто насладиться красивой природой. Но вынесли из путешествия гораздо большее: изменилось наше мировоззрение, мы стали на мир смотреть другими глазами.

Наши глаза стали намного более добрые, внимательные, мы стали замечать те недостатки, которых раньше не замечали: вроде, так и надо было. Нет, не надо. То место, та территория, на которой мы живём, – уникальна. Сегодня разрушишь – завтра такого не будет уже больше, просто не будет. Надо не просто сохранить, а, как говорили наши деды, ещё и приумножить, что-то своё добавить.

Я понимаю: жизнь идёт, развитие цивилизации идёт, нужна нефть, нужен газ; понимаю, что эти недра не могут оставаться законсервированными. Надо добывать это всё, но пусть это будет бережно, не варварски. Если каждый из нас будет сохранять свой участок территории, который он занимает, и то, куда он ходит за город, в лес, то мы сохраним всю нашу землю, сохраним нашу страну, всё то, что мы бы хотели сохранить. А если мы за порог своего дома выйдем и начнём поганить это всё, хамить по отношению к природе, другого слова нет – это варварство, то, что сейчас делается в наших лесах. Но варвары не понимали, что они творят, а мы-то цивилизованные люди! Вот если мы это дело не переиначим, не вобьём в сознание каждого, независимо от образования, социального уровня развития, социальной прослойки, которую человек занимает, не заставим, не донесём эту мысль, что это надо сохранить, это просто позарез необходимо, потому что завтра уже будет поздно... Мы просто обязаны это донести.

Изначально у нас ведь не было такой глобальной мысли. Думали: вот пройдем по реке, красиво это всё осуществим, покажем, это всё получит определённый общественный резонанс, а сейчас... Сейчас мы просто другие. Река нас очистила.

Может быть, мы вернёмся к этому через пять лет, через десять, пройдем тем же путём, и снимем в сравнении: как было, и как стало, как есть. Насколько культурно, цивилизованно те же нефтяники, газовики осваивают этот край, – это, в общем-то, с моей точки зрения, как бы обязательная программа.

Я думаю, усилия общественности могут привести к тому, что какие-то территории, в частности река Лямин, можно было бы оставить как заповедник, заказник, где будут разумно сосуществовать цивилизация и природа, освоение и коренные жители...

Осенью 2013 года в мою жизнь пришла «Занимательная этнография». Точнее, я пришла в школы Югры с курсом уроков, созданных на основе фильмов о традиционной жизни коренных людей Югры.

Проект вырос из многочисленных авторских встреч с самой разнообразной аудиторией, начиная с детских садов Сургута и заканчивая кино- и университетскими залами в городах Европы. В числе других проектов дополнительного школьного образования моя «Занимательная этнография» была представлена преподавательскому составу города (презентацию инициировал Департамент образования), на неё откликнулись, так мы стартовали в сургутских школах.

Несмотря на то, что самой идее уже с добрый десяток лет, раньше я никак не могла её осуществить, хотя и пыталась неоднократно. Но вот изменилась политика в стране, руководство в городе, – и двери открылись. Оказалось, что подобная деятельность возможна и очень даже нужна. И речь здесь не только о платном дополнительном образовании, которому дан зелёный свет, но и, что гораздо важнее, – о вновь возрастающей необходимости экологического и патриотического воспитания, как бы банально это не звучало.

Моя дорогая «Занимательная этнография»

В ноябре 2013-го успешно прошли уроки в семи сургутских школах, затем такие встречи состоялись в летних пришкольных лагерях. А с октября 2014-го мы дружили уже более чем с двадцатью школами Сургута.

С маленькими начинаем с основ: почему ханты живут в лесу, почему не хотят расстаться с оленями, почему так одеваются... Со взрослыми (6-8 классы) говорим повзрослому, и здесь мне помогает американский кинорежиссёр Джеймс Кэмерон: «Узнай, что им нужно. Мы же пытались дать им медицину, дороги, образование. Но они же любят грязь!» (начиная с третьих классов на мой вопрос «Кто смотрел «Аватар»? руки вверх тянет большинство); «Они не уступят и не пойдут на сделки. За что? За дешёвое пиво? За джинсы? Нам нечего им предложить. Они не бросят свой дом» – это «Аватар». Но ведь это и наша коренная Югра. И это: «Если вы хотите разделить с ними этот мир – вы должны их понять».

Мне кажется, в настоящее время у людей формируется не совсем правильное понимание о жизни малых народов, особенно о традиционной, лесной. Поэтому один из основных мотивов, побудивших меня прийти в школу, – помочь детям узнать и понять мир людей, которые в совершенстве знают природу, умеют с ней обращаться.

В апреле 2014 года, когда в Нарьян-Маре, в рамках кинофестиваля «Аргиш», я показывала фильм «Привет, Алёнка!» ненецким детям из интерната, одна девочка подошла ко мне и робко спросила: «А это всё по-настоящему?» Я горжусь этим вопросом, потому что у нас в тайге ещё, действительно, всё «по-настоящему».

Работа с детьми требует большой отдачи: я ведь не профессиональный педагог, поэтому захожу в класс каждый раз, как в последний.

Выручает личная коллекция предметов из традиционной хантыйской жизни. Среди прочих есть в ней корневатик, сумочка для женского рукоделия, куклы и берестяные куженьки (куда без них), даже колокольчик и олений мох – ягель. Недавно стала приносить и нефть в специальной колбе, ведь всё это взаимосвязано. Также приоткрываю свою творческую мастерскую как режиссёр. Обязательно показываю фрагменты из фильмов, ведь вряд ли кому-нибудь из моих юных слушателей доведётся в жизни побывать на самом настоящем, не сувенирном, хантыйском стойбище! Когда еду в тайгу на съёмки очередного фильма, уже специально снимаю что-нибудь и для уроков.

Очень помогает сделанная совместно с Юрием Вэллой «Азбука оленевода». Небольшая книжка включает в себя всю, казалось бы, оленную мудрость коренных жителей, а на диске – 7 видеозарисовок разных времён года из жизни оленеводов. «Хочешь оленя – за край подола бабушки-земли пойдёшь» – эти поговорки Юрины внуки знают ещё с детства. Вэлла вообще очень помогает, даже сейчас. С его слов начинаю почти каждый урок: «Вот нас называют коренные малочисленные народы Севера. А мы не малочисленные. Нас всегда было ровно столько, сколько могла прокормить тайга». Дальше очень просто всё рассказывать.

Багажа, наработанного за 20 лет, вполне хватает, чтобы разговаривать с детьми любого возраста, но всё равно почти каждый день что-то нахожу либо из жизни, либо из книг, либо от людей, с которыми общаюсь и в лесу, и в городе... Уроки стимулируют к поиску нового. Например, прочтя «Мансийские сказы» Маргариты Анисимковой, узнала, что о нефти коренные жители знали ещё задолго до появления здесь русских мужиков. Только не знали, что это нефть. В сказах это звучит как «земное тепло». Вот ещё пример: однажды на собрании между нефтяниками и коренными жителями услышала:

–... Ведь нам не так страшен нефтяник, сколько тот, кто идёт за ним. Нефтяник в лес идёт работать, дороги прокладывает, а по этим дорогам в лес идут рыбак, охотник, грибник, ягодник, турист, браконьер, сами рабочие шалить начинают, охотятся, собак везут в лес. Собаки убегают потом, дичают, свободно по лесу бегают. А для оленя собака – тот же дикий зверь. Вот и ответ на вопрос: чего ханты боятся больше всего? Однажды такой вопрос мне задала пятиклассница.

На уроках мы вместе размышляем, анализируем. Каждый урок творим вместе. Они задают очень умные вопросы, пока ещё не догадываясь, какой может быть ответ. Например: а что ханты будут делать, если у них не будет оленей?.. А как они борются за свою землю? Часто задают вопрос: а где ханты учатся? И каждый вопрос – это

Фото Ирина Швец

отдельный разговор. Многие учителя после первого же урока спрашивают: «А когда Вы к нам ещё придёте?» Было очень приятно услышать, когда одна мама сказала: «Вы знаете, мы после Вашего урока собрались и пошли в краеведческий музей с дочкой».

Из Сургута «Занимательная этнография» потихоньку перекочевала в школы других городов округа. Большую роль здесь сыграла член Союза писателей России Татьяна Юргенсон.

В конце октября 2014 года в Мегионе прошла первая Открытая литературно-краеведческая конференция Юрия Вэллы, которую она подготовила. Участники конференции, среди которых были и учителя, отмечали, что коренные жители всегда бережно относились к окружающей природе, к земле, что они обладают исключительной природной мудростью, которой так не хватает сегодня нам, пришлым людям. Мнение единое: об этом надо говорить чаще, больше, и начинать как раз со школьников.

Так в начале декабря в моём рабочем графике появилась девятая Мегионская школа, руководит которой Михаил Иванович Макаров. Вместо уроков по расписанию мы вместе со школьниками 4-5-х классов участвовали в целом образовательном событии «Встреча с Алёнкой на уроках по жребью» (в Мегион приехал фильм «Привет, Алёнка!»).

Всё началось с интерактивного показа фильма в большом и комфортном зрительном зале. Триста юных зрителей вместе с Михаилом Ивановичем в течение получаса внимательно наблюдали за жизнью молодой хантыйской семьи. Затем, как всегда, задавали вопросы, получали на них ответы, сами отвечали...

«Я так много узнал в этот день о ханты!» Ахмет Булатов.

«Какая их жизнь сейчас, в наше время, – для меня это был шок, никогда такого не видела! И я хочу поблагодарить Михаила Ивановича и Ольгу Геннадьевну за то, что показали и рассказали нам об этом. Это означает, что нужно учить нашу историю и уважать ханты. Хотя у меня другая национальность, я верю, что ханты будут великими! Но им нужна наша помощь...» Лиана Максютова.

«Мне очень понравилась встреча. Я понял, зачем надо изучать, как живут ханты и манси. Затем, чтобы сравнить, как живём мы и как живут они.» Давид Золотухо.

После показа фильма стали тянуть жребий, какой класс чем займётся дальше. Соревнования с фрагментами национальных видов спорта проходили под девизом: «Мы с Алёнкой за здоровый образ жизни!». На уроке иностранного языка ребята пересказывали историю Алёнки на английском языке, на уроке изобразительного искусства создавали варежки для Алёнки и украшали их хантыйскими орнаментами,

на уроке танца, опять же, вместе с директором (большим любителем и знатоком бального танца) разучивали танец для первого бала Алёнки. Были ещё природо-ведение, русский язык, история, интегрированные уроки в начальных классах... –Словом, полное образовательно-воспитательное погружение!

«У нас был урок «Окружающий мир + английский язык». Мне очень понравились задания, они были занимательные. Потом этот чудесный и незабываемый день закончился...» Алёна Вангелович.

«Впечатления о мероприятии – незабываемые! Весь учебный день и дети, и мы – взрослые – находились в водовороте событий, посвященных одной теме! Просмотр фильма о милой хантыйской девочке Алёнке был настоящим подарком! Дети восприняли её как свою сестрёнку или подружку. Она завоевала наши сердца своей добротой, жизненной энергией, эрудицией и житейской мудростью. Воспитание ребёнка в семье ханты – это отдельная тема (очень поучительная и заслуживающая отдельного внимания). На вопрос: «Где мы будем отмечать встречу Нового года?» дети хором ответили: «В гостях у Алёнки!» Очень понравились игры коренных народов. Было весело и интересно!» Татьяна Пивоварова, учитель начальных классов.
Честно скажу – я лично никакого отношения к организации этого праздника не име-

ла, инициатива полностью принадлежала воспитательному отделу школы. Я делала только то, что делала всегда в таких случаях: говорила, показывала, отвечала на вопросы. А отзывы детей и преподавателей я прочла на школьном сайте, куда при желании может заглянуть каждый. Жаль, что этот замечательный формат родился не в моём родном городе...

После девятой Мегионской школы появилась четвёртая, пятая Мегионские гимназии, школы Нефтеюганска... К осени 2015-го я работала уже более чем в сорока школах Югры. «Синдром отличницы» побуждал меня не только проводить каждый свой урок на пятёрку, но и охватить своим курсом как можно большее количество школ округа. Но чем плотнее я общалась со школами, тем больше разочаровывалась. Для меня было совершенно очевидно, что своими уроками я несу детям только «светлое, доброе, вечное» и – крайне сегодня необходимое. Но в некоторых школах просто отмахивались от моих уроков, ссылаясь на вечную занятость: аттестации, аккредитации, юбилеи, карантины, отчёты, окружные мероприятия так плотно владели преподавательским составом, что людям просто не хотелось добавлять себе дополнительные нагрузки. И впрямь – заходя в современную школу, учитель в буквальном смысле теряет голову. А ведь чтобы организовать мои уроки, и завучу, и учителям тоже нужны и энергия, и время, и понимание необходимости. Дело-то новое. Те же, кто хотел со мной работать, вынуждены были ставить меня в очередь с другими такими же социальными партнёрами либо просто «коробейниками» с улицы: задолго до меня дорогу в школы протоптали разные, в том числе и иногородние, музеи, театры, цирки, планетарии, мобильные органисты, развлекательные шоу. И чем больше появлялось таких ходяков, тем большая нагрузка ложилась на родительский карман: ведь дополнительное платное образование – это, в основном, и есть деньги родителей. По Сургуту пошли возмущения, были письма в Департамент и даже Президенту Владимиру Путину.

Я продолжала работать в школах, но чувствовала себя уже не как почётный и очень ожидаемый гость, как раньше, а как тот профессор философии или заслуженный деятель искусств, которые в начале девяностых вынуждены были скитаться челноками по тряпичному зарубежью и стоять за рыночными прилавками в надежде на копеечный заработок. Было крайне неловко напрашиваться в школу, ощущая, что во мне зачастую видят шабашника, стремящегося заработать на детях, а отнюдь не человека, который несёт им то самое «светлое, доброе, вечное».

Сегодня я продолжаю вести свои уроки в школах Югры. Я надеюсь, что ситуация стабилизируется, а понятия «родина», «история края» и «родная земля» вместе с моей «Занимательной этнографией» и в дальнейшем найдут достойное место в школьном расписании.

Родина – это не только земля,
где покоится прах предков.
Человек жив, пока счастлив.
Человек жив, пока чувствует на душе боль.
Душевная боль передаётся по наследству.
Наследственная боль – это и есть нить,
которая связывает человека с родиной.
Перестает болеть душа –
значит, нет твоей родины.

Юрий Вэлла

Художественно-публицистическое издание

Корниенко Ольга Геннадьевна

Уходящая натура:
что осталось за кадром

Художник М. Г. Мунтян

Дизайн и вёрстка Т. В. Чирковой

Корректоры С.М. Анфиногорова, А.В. Павленко

Технический редактор А.П. Чирков

Подписано в печать 17.11.2016 г.

Формат 220x220. Гарнитура Myriad Pro

Печать офсетная. бумага мелованная матовая 105 г/м²

Усл. печ. л. 29,17. Тираж 1 000 экз. Заказ № 356

ООО «Издат-Принт»

394033 Воронежская область г. Воронеж

Ленинский проспект 119А

E-mail: tenderlait@mail.ru

089740002

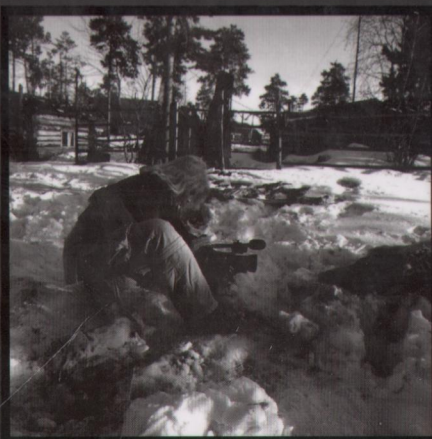
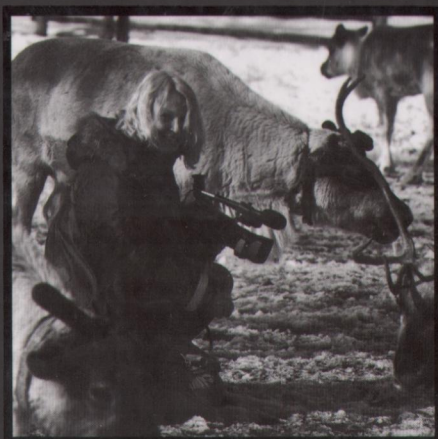
Регион ЦБ-КО

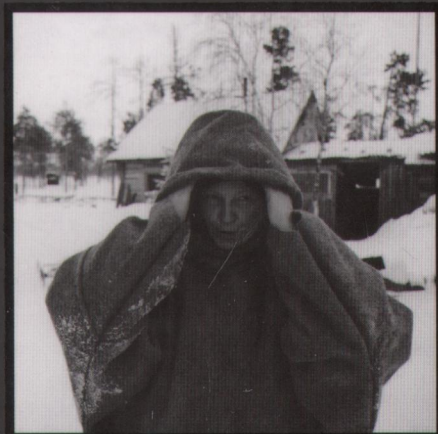
296p00k

surgutfilm.ru

Ольга Корниенко – публицист, **режиссёр**, большую часть своей жизни посвятила проблемам защиты культурного и исторического наследия малых народов Сибири. Со временем она всё глубже проникала в проблемы людей, для которых широкое **промышленное освоение** районов крайнего Севера в 60-70-е годы прошлого века стало личной **трагедией**, поскольку сломало вековые устои жизни, традиционный бытовой уклад, нанесло ущерб верованиям и языку. Всё более открыто она становится на позицию героев своих фильмов, всё громче звучит её призыв к сохранению культурного наследия народов **Сибири**. Автор телесериала «Исторические Хроники Югры» и более тридцати документальных фильмов в книге «Уходящая натура» открывает то, что осталось **«за кадром»** её сценариев и публикаций.

Этнодокументальные фильмы Ольги Корниенко используются в качестве учебных пособий во многих европейских университетах, находятся в коллекциях Государственных библиотек и музеев Франции, Финляндии, Германии, Эстонии. С 2013 года её фильмы представляют Северное Приобье на сайте **ЮНЕСКО**.

Лауреат Высшей телевизионной награды России – премии «ТЭФИ» (регион); член Гильдии неигрового кино и телевидения России; член Европейской Академии естественных наук (ЕАЕН, Германия, Ганновер); лауреат Художественной премии в области **кино** Всемирных Дельфийских игр в Берлине.

Живёт и работает в Сургуте.

ISBN 978-5-9909358-6-0

